

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

ЧЖАО ЛЭЙ

**СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ
В КИБЕРГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Специальность 5.5.4 Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук, доцент

Казаринова Дарья Борисовна Подпись

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	22
1.1 Основные теории и методологии управления Интернетом	22
1.2 Международные режимы и власть в управлении Интернетом	46
1.3 Геополитика и кибергеополитика	67
ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ	88
2.1 Основные модели управления Интернетом	88
2.2 Изменения в развитии системы глобального управления Интернетом и геополитические игры великих держав	115
2.3 Перспективы и основные проблемы глобальной системы управления Интернетом	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	172
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Стремительное развитие цифровых технологий и популяризация Интернета подняли значение управления Интернетом на новую высоту. В последние годы широко обсуждаются вопросы переосмысления глобальной системы управления Интернетом. В условиях высокой степени цифровизации мирового производства и жизни управление Интернетом играет роль не только в киберпространстве, но также оказывает большое влияние на оффлайн-пространство реальной жизни.

В последние годы тенденция политизации технологий становится все более очевидной. В силу высокого уровня влияния на общество Интернет фактически превратился из чисто технического инструмента в политический. Наиболее влиятельные в мировой политике страны - США, Китай и Россия вступили в острую геополитическую конкуренцию вокруг Интернета и его дополнительных ресурсов. Взаимодействие между цифровыми элитами, крупными интернет-компаниями и государством также имеет тенденцию к усложнению. С одной стороны – резонансный арест основателя Telegram Павла Дурова во Франции¹, с другой – участие крупнейших американских IT-корпорации (Big Tech) в инаугурации президента США Д.Трампа, который тем самым обозначил новый курс на цифровой суверенитет США².

В настоящее время геополитическая конкуренция стала основной движущей силой изменений в системе управления Интернетом. Под влиянием геополитики модель участия многих заинтересованных сторон и многосторонняя модель стали ядром современных конфликтов в области управления Интернетом. Конкуренция между этими двумя концепциями является проявлением геополитической конкуренции – главным образом

¹ Что известно о задержании Павла Дурова в Париже. https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/08/2024/66ca4eee9a79473219f2013f?ysclid=m2349elp96991165216 Дата обращения: 25.01.2025.

² Made in USA: Трамп начинает эру цифрового национализма. <https://www.securitylab.ru/news/555731.php?ysclid=m74mfyknsk78097316>
Дата обращения: 23.01.2025

между США и Китаем – в киберпространстве. Эта конкуренция влияет на направление развития глобальной интернет-системы.

В связи с этим важно изучить развитие и изменение глобальной системы управления Интернетом, а также роль различных концепций управления Интернетом с точки зрения геополитической конкуренции.

Степень научной разработанности темы. В последние годы, по мере роста значимости сети Интернет, все больше правительств и ученых поднимают вопрос о важности управления Интернетом. Изучение глобальной системы управления Сетью является несомненно актуальным, поскольку оказывает ключевое влияние на политику национальных и международных организаций в области управления Интернетом.

Как важный участник глобального управления Интернетом Россия заинтересована в развитии этого процесса. Многие российские ученые проводили исследования, посвященные управлению Интернетом, в том числе Е.С. Зиновьева³, С.А. Васильковский⁴, И.А. Быков⁵, Н.А. Истомин⁶, П.А. Карасев⁷, С.Н. Косинова⁸, Э.Т. Куркемова⁹, С.В. Володенков¹⁰.

³ Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6. – С. 167-174.

⁴ Васильковский С.А., Игнатов А.А. Управление Интернетом: системные диспропорции и пути их разрешения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 7-29. DOI 10.17323/1996-7845-2020-04-01.

⁵ Быков И.А. Управление Интернетом как одна из проблем современных международных отношений // ПОЛИТЭК. – 2008. – № 2. – С. 164-174.

⁶ Истомин Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика. – 2020. – №5. – С. 90-109.

⁷ Карасев П.А. Управление интернетом – тенденции и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Т. 11, № 9. – С. 59-65.

⁸ Косинова С.Н. Обеспечение безопасности интернет-пространства посредством новой многополярности // Национальная безопасность. – 2022. – № 1. – С. 1-11. DOI 10.7256/2454-0668.2022.1.37575.

⁹ Куркемова Э.Т. Интернет-технологии как ресурс активности политических акторов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2(47). – С. 101-108.

¹⁰ Володенков С.В. Интернет-пространство в системе глобального политического управления: основные сценарии трансформации // Вестник Российской нации. – 2017. – № 4(56). – С. 147-161.

Некоторые исследователи, такие как А.А. Игнатов¹¹, С.С. Ширин¹², Е.С. Зиновьева¹³, Д.Э. Ковригин¹⁴, Д.А. Дегтерев¹⁵, С.Н. Федорченко¹⁶, К.А. Лю¹⁷, М.В. Шугуров¹⁸, Д.Д. Штодина¹⁹ анализируют политику управления Интернетом в конкретных странах. Данные работы стали важным подспорьем в понимании различий в политике управления Интернетом в разных странах.

Интерес у российских ученых вызывают новые тенденции в геополитическом развитии. Изменения в мировой геополитике XXI века анализируются в работах Д.В. Ефременко²⁰, Ю.А. Кабанова²¹, И.А. Василенко²², А.И. Емельянова²³, И.Д. Сомина²⁴, Д.А. Грунтового²⁵, И.В.

¹¹ Игнатов А.А. Управление Интернетом в повестке БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – №2. – С. 86-109.

¹² Ширин С.С. Российские инициативы по вопросам управления Интернетом // Вестник МГИМО. – 2014. – №6 (39). – С. 73-81.

¹³ Зиновьева Е.С. Глобальное управление Интернетом: Российский подход и международная практика // Вестник МГИМО. – 2015. – №4 (43). – С. 111-118.

¹⁴ Ковригин Д.Э. Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 153-158. DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-2-153-158.

¹⁵ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 7-33. – DOI 10.17323/1996-7845-2021-03-01.

¹⁶ Федорченко С.Н. Эффект палладиума: ценности великих держав в эпоху искусственного интеллекта // Журнал политических исследований. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 3-32. DOI 10.12737/2587-6295-2023-7-4-3-32.

¹⁷ Лю К.А. Ключевые направления развития наднационального правового регулирования цифрового пространства ЕС на современном этапе // Международное право. – 2022. – № 1. – С. 61-75. DOI 10.25136/2644-5514.2022.1.37674.

¹⁸ Шугуров М.В. «Группа восьми» (G8) и дилеммы глобального управления Интернетом: международно-правовой аспект // Право и политика. – 2012. – № 6. – С. 1098-1127.

¹⁹ Штодина Д.Д. Глобальное управление Интернетом: российский законодательный подход // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3(166). – С. 30-34. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-3-166-30-34.

²⁰ Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 25-43. – DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2

²¹ Кабанов Ю.А. Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство: роль и место государств // Сравнительная политика. – 2014. – №4 (17). – С. 54-59.

²² Василенко И.А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2005. – №6. – С. 3-11.

²³ Емельянов А.И. Особенности геополитических процессов в современной мировой политике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 1(842). – С. 9-21. – DOI 10.52070/2500-347X_2021_1_842_9.

²⁴ Сомин И.Д. От геополитики к биополитике и сетевому обществу: трансформация проекта «Империя» // Манускрипт. – 2019. – С. 202-207.

²⁵ Грунтовский Д.А. Геополитические парадигмы в политологии // Globus: Гуманитарные науки. – 2019. – № 4(30). – С. 7-11.

Сурмы²⁶. Данные исследования показывают направление развития мировой геополитики в XXI веке. Статьи А.П. Кочеткова²⁷, А.Ю. Мамычева²⁸ показывают развитие и трансформацию цифровой власти, тем самым раскрывая изменения во властных отношениях в информационную эпоху.

Сетевой суверенитет – важная концепция управления Интернетом последних лет и один из очагов споров. Результаты исследований ученых, таких как А.А. Ефремов²⁹, Я.Н. Шевченко³⁰, С.С. Шестопа³¹, Е.О. Гаврилов³², В.О. Шипулин³³, Е.А. Михалевич³⁴, Е.С. Зиновьева³⁵, М.Б. Касенова³⁶, А.А.

²⁶ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в пространстве мировой политики // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2015. – №10-1. – С. 441-453.

²⁷ Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 198–212. – DOI 10.15688/jvolsu4.2022.1.17; Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики//Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – № 1. – С. 109-134; Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. – 2024. № 4. – С. 135-145. – DOI 10.17976/jpps/2024.04.10.

²⁸ Мамычев А.Ю., Кочетков А.П., Понделков А. Трансформация властных отношений и формирование цифровой элиты в политическом процессе современного общества // Власть и элиты в цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 г. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮОИУ РАНХиГС, 2022 с. 1-12.

²⁹ Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 47-61. – DOI 10.21638/spbu25.2019.103.

³⁰ Шевченко Я.Н. Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 251-270. – DOI 10.31249/poln/2021.03.11.

³¹ Шестопа С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 1(30). – С. 398-403. – DOI 10.26140/bgз3-2020-0901-0098.

³² Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 2(14). – С. 146-152. – DOI 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152.

³³ Шипулин В.О. Трансформации суверенитета в эпоху информационной глобализации // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 2(41). – С. 255-259. – DOI 10.34680/2411-7951.2022.2(40).255-259.

³⁴ Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 254-264. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264.

³⁵ Зиновьева Е.С., Булга В.И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. – 2021. – № 2(102). – С. 40-49. – DOI 10.15211/soveurope220214049; Зиновьева Е.С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии. – Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 8-21. DOI 10.17976/jpps/2022.02.02

³⁶ Касенова М.Б., Воронина Е.П. Европейский союз на пути к цифровому суверенитету? // Интернет изнутри. – 2023. – № 19. – С. 41-44.

Ефремов³⁷, Д.Н. Барышников³⁸, В.А. Никонов³⁹, А.П. Кочетков⁴⁰, показывают эволюцию теории сетевого суверенитета и то значение, которое Россия придает сетевому суверенитету.

Отдельного упоминания заслуживают работы, посвященные феномену «балканизации Интернета/ кибербалканизации»: Д.С.Мартьянова и Г.В.Лукьяновой⁴¹, Д.С.Харченко⁴², М. Ван Альстин⁴³, Д.Вильямса⁴⁴, П.Сагава⁴⁵, Дж.Хилл⁴⁶ и др.

Наиболее актуальным направлением в Интернет-сфере на данный момент является кибербезопасность, которая является важным компонентом национальной безопасности. Ученые В.В. Штоль⁴⁷, М.С. Рамич⁴⁸, О.В.

³⁷ Ефремов А.А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 36-39.

³⁸ Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121-128.

³⁹ Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. [и др.] Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206-216. – DOI 10.17223/1998863X/60/18.

⁴⁰ Кочетков А. П. Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96-113. – DOI: 10.17976/jpps/2023.01.08; Кочетков А.П. Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 31-45.

⁴¹ Мартьянов Д.С. Институционализация ценностей в условиях цифрового империализма // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка? СПб, Скифия-Принт, 2023. – С. 200; Мартьянов Д. С., Лукьянова Г.В. Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2023. – Т. 19. – №. 2. – С. 244-262.

⁴² Харченко Д. С. Контроль в информационном обществе: социально-философские основания // Аспирантский вестник Поволжья. – 2017. – №. 7-8. – С. 87-92.

⁴³ Van Alstyne M., Brynjolfsson E. Electronic communities: Global villages or cyberbalkanization?(best theme paper) // icis 1996 Proceedings. – 1996. – С. 5.

⁴⁴ Williams D. The impact of time online: Social capital and cyberbalkanization // CyberPsychology & behavior. – 2007. – Т. 10. – №. 3. – С. 398-406.

⁴⁵ Sagawa P. I. The balkanization of the Internet // The McKinsey Quarterly. – 1997. – №. 1. – С. 126.

⁴⁶ Hill J. F. A Balkanized Internet?: The uncertain future of global Internet standards // Georgetown Journal of International Affairs. – 2012. – С. 49-58.

⁴⁷ Штоль В.В., Задохин А.Г. Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России // Обозреватель. – 2022. – № 5-6(388–389). – С. 66-78. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_5-6_66.

⁴⁸ Рамич, М.С., Пискунов Д.А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 238-255. – DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255.

Кирилюк⁴⁹, Э.В. Горян⁵⁰, Р.А. Полончук⁵¹, Е.А. Разумов⁵², И.Ю. Ткаченко⁵³, Т.А. Романова⁵⁴, О.В. Приходько⁵⁵, Т.В. Вершинина⁵⁶, О.Г. Карпович⁵⁷ в своих работах обращаются к проблемам секьюритизации цифрового пространства в контексте усугубления геополитического противостояния между глобальными игроками.

Китай – одна из ключевых стран в глобальном управлении Интернетом. Исследования китайских ученых имеют большое значение для понимания стратегического видения КНР и его практической политики в этом вопросе. В настоящее время китайские ученые проводят обширные исследования по всем аспектам управления Интернетом. Так, большое значение имеют работы таких исследователей, как Ци Шанцай⁵⁸, Ло Синь и Цай Юйтин⁵⁹, Куан Вэньбо и

⁴⁹ Кирилюк О.В. Международно-правовые основы саморегулирования в киберпространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – №1. – С. 177-188.

⁵⁰ Горян Э.В. Нормативно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в киберпространстве: опыт Китайской Народной Республики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 115-124. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/115-124.

⁵¹ Полончук Р.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности в условиях нарастающего противодействия со стороны США // Информационные войны. – 2019. – № 2(50). – С. 60-63.

⁵² Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. – 2017. – № 4(98). – С. 156-170.

⁵³ Ткаченко И.Ю. Проблемы развития цифровых технологий // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 9. – С. 76-87.

⁵⁴ Романова Т.А., Малова А.Н. Проблема применения категории «стрессоустойчивость» в политике кибербезопасности Евросоюза // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 20-46.

⁵⁵ Приходько О.В. США – Европа: информационная безопасность и кризис доверия // Обозреватель - Observer. – 2014. – №4 (291). – С. 23-39.

⁵⁶ Вершинина Т.В., Карпович О.Г., Ногмова А.Ш. Проблемы кибербезопасности в эпоху COVID-19 // Вестник ученых-международников. – 2022. – № 1(19). – С. 12-27.

⁵⁷ Карпович О.Г., Ногмова А.Ш. Международно-правовые проблемы противодействия киберпреступности // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 1. – С. 21-26. – DOI 10.18572/1812-3910-2022-1-21-26.

⁵⁸ Ци Шанцай. Дилемма глобального управления Интернетом: институциональные недостатки и недоработки в управлении [齐尚才. 全球互联网治理困境：制度缺失与治理赤字] // Журнал педагогического университета Ланфан (издание по социальным наукам) [廊坊师范学院学报(社会科学版)]. – 2020. – № 36(04). – С. 19-27. DOI: 10.16124/j.cnki.cn13-1390/c.2020.04.004.

⁵⁹ Ло Синь, Цай Юйтин. Структура распространения нормотворческой деятельности в области глобального управления Интернетом и подход Китая [罗昕,蔡雨婷.全球互联网治理规则制定的分布格局与中国进路] // Современные коммуникации (Журнал Коммуникационного университета Китая) [现代传播(中国传媒大学学报)]. – 2022. – № 44(03). – С. 68-75. DOI:10.19997/j.cnki.xdcb.2022.03.015.

Фанъюань⁶⁰, Ван Сяовэй и Яо Юй⁶¹, Чэнь Хунмэй⁶², Цзоу Сюйи⁶³, Цзоу Цзюнь⁶⁴, Ли Чжи и Тан Жуньхуа⁶⁵, Чжан Тэнцзюнь⁶⁶, Ян Фэн⁶⁷, Чжан Синьбао и Сюй Кэ⁶⁸, Цуй Баого⁶⁹. В целом, китайские ученые стремятся объединить национальную ситуацию Китая с анализом глобальной системы управления Интернетом, чтобы изучить специфические интересы и ценности Китая в данной сфере.

Опираясь на ценностную традицию прагматизма, китайские ученые пытаются найти сбалансированный путь между реализмом и либерализмом. Такое мышление делает их исследования практико-ориентированными.

⁶⁰ Куан Вэньбо, Фанъюань. Трансформация глобальной системы управления Интернетом в соответствии с концепцией Сообщества судьбы в киберпространстве [匡文波, 方圆. 网络空间命运共同体理念下的全球互联网治理体系变革] // Журнал Уханьского университета (издание по философии и социальным наукам) [武汉大学学报(哲学社会科学版)]. – 2023. – № 76(05). – С. 38-46. DOI:10.14086/j.cnki.wujss.2023.05.004.

⁶¹ Ван Сяовэй, Яо Юй. Сетевой суверенитет и глобальное управление Интернетом [王小伟, 姚禹. 网络主权与全球互联网治理] // Философский анализ [哲学分析]. – 2018. – № 9 (01). – С. 116-125+198.

⁶² Чэнь Хунмэй. Размышления о легализации глобального управления Интернетом [陈红梅. 全球互联网治理法治化思考] // Журнал Сянтаньского университета (издание по философии и социальным наукам) [湘潭大学学报(哲学社会科学版)]. – 2019. – № 43(01). – С. 82-86. DOI:10.13715/j.cnki.jxupss.2019.01.011

⁶³ Цзоу Сюйи. Дилемма глобального управления Интернетом и ценностная ориентация построения сообщества судьбы в киберпространстве [邹旭怡. 全球互联网治理困境与网络空间命运共同体构建的价值取向] // Тяньцзинь, социальные науки [天津社会科学]. – 2020. – № 2. – С. 83-87. DOI: 10.16240/j.cnki.002-3976.2020.02.011

⁶⁴ Цзоу Цзюнь. Глобальное управление Интернетом: будущие тенденции и проблемы Китая [邹军. 全球互联网治理: 未来趋势与中国议题] // Журналистика и коммуникационные исследования [新闻与传播研究]. – 2016. – № 23 (S1). – С. 5-13+125.

⁶⁵ Ли Чжи, Тан Жуньхуа. Модель участия многих заинтересованных сторон: исследование пути к созданию глобальной системы управления Интернетом [李志, 唐润华. 多利益攸关方模式: 构建全球互联网治理体系的路径研究] // Наблюдение за СМИ [传媒观察]. – 2020. – № 12. – С. 21-28. DOI:10.19480/j.cnki.cmgc.2020.12.003

⁶⁶ Чжан Тэнцзюнь. Еще одна дискуссия о статусе и роли Международного союза электросвязи в глобальном управлении Интернетом [张腾军. 再论国际电信联盟在全球互联网治理中的地位和作用] // Реформа и открытость [改革与开放]. – 2019. – № 16. – С. 14-16. DOI:10.16653/j.cnki.32-1034/f.2019.016. 005.

⁶⁷ Ян Фэн. Глобальное управление Интернетом, общественные блага и путь Китая [杨峰. 全球互联网治理、公共产品与中国路径] // Преподавание и научные исследования [教学与研究]. – 2016. – № 9. – С. 51-58.

⁶⁸ Чжан Синьбао, Сюй Кэ. Модель управления суверенитетом в киберпространстве и ее институциональное построение [张新宝, 许可. 网络空间主权的治理模式及其制度构建] // Китайские общественные науки [中国社会科学]. – 2016. – № 8. – С. 139-158+207-208.

⁶⁹ Цуй Баого. Противоречивая и игровая модель управления киберпространством [崔保国. 网络空间治理模式的争议与博弈] // Журналистика и писательство [新闻与写作]. – 2016. – № 10. – С. 23-26.

Подобный подход представлен в работах Цзо Чао⁷⁰, Чжан Фалинь⁷¹, Рен Линь⁷², Ли Вэй⁷³.

Ряд книг содержит исчерпывающую информацию о развитии отдельных областей управления Интернетом и служит прочной теоретической базой для научных исследований. Среди них работы Д. Хирда⁷⁴, Л. ДеНардис⁷⁵, Лан Пин⁷⁶, Мюллера М.Л.⁷⁷. Взгляды многих европейских и американских ученых предлагают взгляд на новейшие явления, связанные с цифровым суверенитетом, в данном отношении следует отметить таких исследователей как С. Кутюр⁷⁸, Н. Билотта⁷⁹, И. Рау⁸⁰, П. Мейор⁸¹. Работы некоторых авторов,

⁷⁰ Цзо Чао. Институциональный реализм и система сдержек и противовесов [左超. 制度现实主义与制衡] // Международная политическая наука [国际政治科学]. – 2010. – № 4. – С. 112-121.

⁷¹ Чжан Фалинь. Реалистический институционализм: синтез теории международных отношений [张发林. 现实制度主义：一种国际关系理论的合成] // Международные политические исследования [国际政治研究]. – 2022. – № 4. – С. 73-94.

⁷² Рен Линь. «Дипломатия выхода» и порядок глобального управления: анализ институционального реализма [任琳. “退出外交”与全球治理秩序——一种制度现实主义的分析] // Международная политология [国际政治科学]. – 2019. – № 1. – С. 84-115.

⁷³ Ли Вэй, Чжан Юхуань. Логика стратегии США в отношении ЗСТ: реалистичное институционалистское объяснение [李巍, 张玉环. 美国自贸区战略的逻辑——一种现实制度主义的解释] // Мировая экономика и политика [国际政治经济学]. – 2015. – № 8. – С. 127-154; Ли Вэй. Трансформация международного порядка и формирование реалистичной институционалистской теории [李巍. 国际秩序转型与现实制度主义理论的生成] // Дипломатическое обозрение (журнал Академии иностранных дел) [外交评论(外交学院学报)]. – 2016. – № 33(01). – С. 31-59. DOI:10.13569/j.cnki.far.2016.01.031.

⁷⁴ Хирд Д. и др.: Великие глобальные перемены [戴维·赫尔德等：全球大变革] / Д. Хирд. – Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2001.

⁷⁵ ДеНардис Л. Глобальная игра по управлению Интернетом [劳拉·德拉迪斯. 互联网治理全球博弈] / Л. ДеНардис. – Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2017.

⁷⁶ Лан Пин. Международное управление и игры в киберпространстве [郎平. 网络空间国际治理与博弈] / Лан Пин. – Пекин: China Social Sciences Press, 2022.

⁷⁷ Мюллер М.Л. Управление Интернетом с самого начала: Управление Интернетом и приручение киберпространства [米尔顿·L·穆勒, 从根上治理互联网：互联网治理与网络空间的驯化] / М.Л. Мюллер. – Пекин: Издательство электронной промышленности, 2019.

⁷⁸ Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 48-69. – DOI 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

⁷⁹ Билотта Н. Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 30-47. – DOI 10.17323/1996-7845-2020-04-02.

⁸⁰ Рау И. К вопросу о новых геополитических тенденциях в свете перехода к технологиям 5 G (2013-2021) // Современная научная мысль. – 2021. – № 3. – С. 117-126. – DOI 10.24412/2308-264X-2021-3-117-126.

⁸¹ Major P. Internet Governance: Trends and realities. Part 1 // Biznes-Informatika. – 2015. – №. 4(34). – P. 7-14. – DOI 10.17323/1998-0663.2015.4.7.14; Major, P. Internet Governance: Trends and realities. Part 2 // Biznes-Informatika. – 2016. – № 1(35). – P. 20-25. – DOI 10.17323/1998-0663.2016.1.20.25.

в том числе К. Шваб⁸², Дж. Урри⁸³, Р.М. Ахмедов⁸⁴, С.В. Володенков⁸⁵, Н. Срничек⁸⁶, Е.С. Зиновьева⁸⁷, задают широкий контекст и демонстрируют перспективу политического и социального развития в цифровую эпоху.

Многие органы управления Интернетом и международные организации разрабатывают документы в виде прокламаций, заявлений, меморандумов и т.д., которые в качестве эмпирической базы очень полезны для понимания актуальных процессов в области управления Интернетом.

В целом, существующие аналитические материалы в большей степени сосредоточены на конкретных вопросах, таких как кибербезопасность и киберсуверенитет, или анализируют политику управления Интернетом одной или нескольких стран. Отсутствие целостной перспективы делает анализ развития системы управления Интернетом неполным. Исследования истории развития системы управления Интернетом остаются скорее на техническом уровне, а исследований, включающих политологические теории, особенно геополитику, мало, в то время как геополитическая конкуренция фактически является одной из главных движущих сил развития системы управления Интернетом. Этой проблеме посвящено настоящее диссертационное исследование.

Объект исследования: глобальная система управления Интернетом.

Предмет исследования: кибергеополитические перспективы трансформации системы глобального управления Интернетом.

Основной целью исследования является выявление взаимосвязей процессов политического и технологического развития применительно к глобальной системе управления Интернетом в контексте геополитического

⁸² Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016.

⁸³ Урри Дж. Как выглядит будущее. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

⁸⁴ Ахмедов Р.М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов): монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

⁸⁵ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015.

⁸⁶ Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

⁸⁷ Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. (Под ред.) Цифровые международные отношения: В двух тт. Т.1. – М.: Аспект Пресс, 2023.

(и кибергеополитического) развития, проблем кибербезопасности, киберсуверенитета и конкуренции цифровых гегемоний.

Исходя из цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. синтезировать теоретические подходы, уточнив понятия кибергеополитики, киберсуверенитета, цифровой гегемонии, кибербалканизации в ситуации «капитализма платформ», сформулировать логику развития и динамику политизированной трансформации глобальной системы управления Интернетом;
2. деконструировать иерархию и властные отношения в существующей модели управления Интернетом;
3. выявить трансформации в системе управления Интернетом;
4. оценить глубину кризиса легитимности современных систем управления Интернетом, установить глубинные причины неудач в управлении Интернетом на современном этапе;
5. раскрыть механизмы и содержание институционализированного конфликта в области кибергеополитики между США и Китаем;
6. проанализировать плюсы и минусы технологического национализма и кибербалканизации для национальных государств и оценить возможности преодоления связанных с ними угроз через развитие новой модели управления Интернетом, преодолевающей логику цифрового гегемонизма;
7. спрогнозировать будущие тенденции и пути реформ системы глобального управления Интернетом

Хронологические рамки исследования охватывают 3 этапа развития управления Интернетом - этап технологического старта (1979 год - конец 1990-х годов), этап коммерциализации (конец 1990-х годов – 2010 год) и этап «социализации» - рост влияния Интернета 2.0 на социальные процессы благодаря стремительному развитию социальных сетей (после 2010 года по настоящее время). Особое внимание в работе уделяется противоречиям и институциональным изменениям в сфере управления Интернетом после начала этапа «социализации» Интернета в 2010 году.

Гипотеза исследования. Геополитическая конкуренция в киберпространстве не только является продолжением аналогичных процессов в реальном пространстве, но и обретает новые формы и масштабы, оказывая прямое влияние на структуру и эффективность глобальной системы управления Интернетом и политикой. Конфликт между моделями управления Интернетом, основанными на принципах 1) многосторонности (межгосударственная модель)⁸⁸ и 2) участия многих заинтересованных акторов (Multistakeholder model)⁸⁹, отражает глубинные геополитические противоречия между ведущими мировыми державами. Процесс перехода от модели участия многих заинтересованных сторон к многосторонней модели управления Интернетом сопровождается усилением геополитической конкуренции, что делает управление Интернетом более сложным и противоречивым. В контексте кибергеополитики, где киберпространство и цифровая власть становятся новыми факторами геополитической игры, концепции киберсуверенитета и кибербезопасности выступают в качестве ключевых переменных, влияющих на эффективность управления глобальным Интернетом.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплекс теорий, методов и подходов политической науки, а также смежных научных направлений, что придает работе междисциплинарный характер.

В основе данной работы лежит *политический реализм*. Эта теория широко используется в области международных отношений в Китае и России.

⁸⁸ **Многосторонняя модель** предполагает создание межправительственных организаций, основанных несколькими странами с учетом национальных интересов и использующих подход «сверху вниз» для согласования правил, принципов и политики Интернета, таких как стандартизация технологий и распределение ресурсов. Китай и Россия поддерживают эту модель.

⁸⁹ **Модель участия многих заинтересованных сторон** объединяет множество участников управления, таких как правительства, частный сектор и организации гражданского общества, и действует по принципу «снизу вверх». США поддерживают эту модель.

В диссертации мы придерживаемся наименований моделей, устоявшихся в российском научном дискурсе (см. Истомин Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика, 2020, №. 5. С. 90-109; Бануляк Н.А. Формирование многосторонней модели управления инфраструктурой Интернета // Государственная служба. 2014. №. 4 (90). С. 79-83).

Автор применяет традиционную перспективу реализма при анализе политических вопросов в сфере Интернета, таких как *дилемма безопасности* в киберпространстве. Основой для создания глобальной системы управления Интернетом в данном исследовании становится реалистическое предположение о глобальной *анархии*.

Отправной точкой для данного исследования также является *геополитическая теория*. В настоящее время геополитика не ограничивается только реальным пространством, а *кибергеополитика* является новым направлением глобальной геополитики.

Предпосылкой для создания системы управления Интернетом является *теория управления*. Глобальное управление Интернетом представляет собой неотъемлемую часть более широкой концепции глобального управления. Многие концепции и подходы в управлении в равной степени применимы к управлению Интернетом.

Большое значение для изучения управления Интернетом имеет *системный подход*, при котором земной шар рассматривается как единое целое с момента своего возникновения, как система со множеством горизонтальных и вертикальных взаимосвязей.

Автор во многом опирался на *неомарксистские концепции*: управление Интернетом рассматривается в контексте анализа *мировой системы*, при этом и в глобальной сети работает логика *центр-периферия*, при которой одни страны являются технологическими лидерами, а другие - лишь потребители этих технологий. Заметное место в работе получила *неограмишанская концепция гегемонии*. В настоящее время культурная гегемония реализуется в первую очередь в своей цифровой ипостаси и с помощью цифрового инструментария.

Также ключевую роль в изучении институциональных изменений в управлении Интернетом играет *реалистический институционализм*. Эта теория, предложенная китайскими учеными, представляет собой

компромиссную идею между реализмом и институционализмом. Институты играют более важную роль в современной международной политике.

Теория *эпистемного неравенства* помогает объяснить возникновение и влияние феномена цифрового неравенства. Проблема неравенства важна для изучения неэффективности управления Интернетом.

В данной работе используется *метод анализа иерархий*. Интернет – сложная структура со множеством уровней. Выделение нескольких уровней для индивидуального анализа позволяет более эффективно показать причины формирования системы управления Интернетом и то, как она работает.

Также используется *сравнительный метод*, в основном при сопоставлении различных моделей управления Интернетом, благодаря чему можно получить такую важную информацию, как характеристики, сфера действия и эффективность каждой модели управления Интернетом.

Эмпирическая основа исследования состоит из широкого спектра источников, которые можно условно разделить на две категории. Первая категория – материалы международных организаций (такие как Internet Governance Forum (IGF)⁹⁰, Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN)⁹¹, Internet Society⁹²), включая организационные документы и некоторые статистические данные. Вторая категория – материалы технических отделов Интернета (такие как Internet Assigned Numbers Authority (IANA)⁹³, Internet Engineering Task Force (IETF)⁹⁴, Internet Architecture Board (IAB)⁹⁵, Internet Research Task Force (IRTF)⁹⁶), являющиеся важным источником информации для изучения развития управления Интернетом.

Научная новизна исследования:

⁹⁰ IGF Annual Meetings Proceedings. <https://www.intgovforum.org/zh-hans/node/4567> Access date: 21.01.2025

⁹¹ ICANN // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/welcome-2012-02-25-en> Access date: 21.01.2025

⁹² Internet Society. // URL: <https://www.internetsociety.org/about-internet-society/> Access date: 21.01.2025

⁹³ IANA. // URL: <https://www.iana.org/about> Access date: 21.01.2025

⁹⁴ Active IETF working groups. // URL: <https://datatracker.ietf.org/wg/> Access date: 21.01.2025.

⁹⁵ About the Internet Architecture Board. // URL: <https://www.iab.org/> Access date: 21.01.2025

⁹⁶ IRTF Research Groups. <https://www.irtf.org/groups.html> Access date: 21.01.2025

1. Упорядочена теоретическая база исследования кибергеополитики. Впервые системно интегрированы классическая геополитика и понятийная область цифровой власти, где киберпространство определено как новое поле стратегической конкуренции. Показано, что традиционное геополитическое противостояние «морская держава - сухопутная держава» переходит в киберпространство (например, Интернет корпорация по присвоению имен и номеров (ICANN) против Международного союза электросвязи (МСЭ). Предложена концепция «цифрового Хартленда» (корневые серверы DNS, инфраструктура 5G), которая раскрывает геополитические атрибуты технических стандартов.

2. Цифровая власть раскрыта как двуединый феномен: материальная («физическая») цифровая власть предстает как контроль над инфраструктурой, а институциональная – как правила стандартов. Различение «физической цифровой власти» (подводные оптоволоконные кабели, спутниковые сети и т.п.) и «институциональной цифровой власти» (права на установление стандартов 5G) обеспечивает новую основу для анализа цифровой власти.

3. Система Интернет представлена в исследовании как одновременно цель и инструмент цифровой власти. Сочетание реализма (конкуренция за власть) и институционализма (ограничения, основанные на правилах) позволяют утверждать, что система Интернет является одновременно общественным благом и средством расширения власти великой державы (так, США одновременно создают глобальную интернет-инфраструктуру для всего человечества на основе ICANN, и через нее же поддерживают свою цифровую гегемонию).

4. Уточнено понятие кибербалканизации – явления, связанного с фрагментацией киберпространства и конфликтностью. Глобальная сеть Интернет трансформируется в совокупность локальных сетей, границы которых определяются национальными законами и государственным регулированием. Термин "балканизация Интернета" подразумевает не просто

фрагментацию всемирной паутины, но также возникновение конфликтов между отдельными сегментами, часто обусловленных идеологическими и политическими разногласиями. Обнаружена иерархическая логика «балканизации Интернета» (кибербалканизации): физический уровень (суверенные сети), логический уровень (региональные DNS), прикладной уровень (национальные политики управления данными - data policies). Преодолевая традиционное одноуровневое понимание такой фрагментации, мы предлагаем трехслойную модель разделения чего?: физический уровень (фрагментация инфраструктуры), логический уровень (фрагментация протоколов) и прикладной уровень (суверенитет данных).

5. Предложена периодизация истории управления интернетом (технический стартап - коммодификация – социализация и нарастающее участие государства), что отражает переход власти от инженеров к государствам. Показано разрушение техноцентрического нарратива и выявлена логика передачи власти от этапа коммерциализации к этапу социализации и особым форм сотрудничества цифровых гигантов и государства, при доминировании последнего.

Положения, выносимые на защиту:

1. Кибергеополитическое соперничество между крупными державами, в основном США и Китаем, является ключевым фактором, способствующим неэффективности и фрагментации глобальной системы управления Интернетом. Конфликты между многими заинтересованными сторонами и моделями управления с участием многих заинтересованных сторон отражают глубинные противоречия в распределении цифровых ресурсов и власти. Анализ таких случаев, как инцидент с Prismgate⁹⁷, спровоцировавший «войну за данные» (data war)⁹⁸ и дипломатическое напряжение между США и ЕС,

97 Скандал 2013 г., получивший в СМИ название "Prism Gate" связан с выявлением деятельности Агентства национальной безопасности США, получившим доступ к данным лидеров ЕС и ключевых должностных лиц европейских стран.

⁹⁸ [Prism-gate may scupper EU data war - DecisionMarketing](https://www.decisionmarketing.co.uk/news/prism-gate-may-scupper-eu-data-war) URL: <https://www.decisionmarketing.co.uk/news/prism-gate-may-scupper-eu-data-war> (Access date: 23.01.2025)

ограничения на TikTok в США и торговая война между США и Китаем в области технологий, подтверждает, что геополитические интересы оказывают непосредственное влияние на управление Интернетом, приводя к неэффективности и обострению конфликтов между странами. Это требует пересмотра существующей модели управления и поиска нового подхода к глобальному управлению Интернетом.

2. Концепция киберсуверенитета стала центральным элементом в управлении Интернетом для многих стран, особенно для развивающихся государств. Киберсуверенитет позволяет странам защищать свои национальные интересы и обеспечивать безопасность в киберпространстве. Анализ политических заявлений и законодательных инициатив стран, таких как Китай и Россия, подтверждает, что киберсуверенитет используется как инструмент для противодействия доминированию США в глобальной системе управления Интернетом. Это приводит к формированию новых моделей управления, которые отличаются от традиционной модели участия многих заинтересованных сторон и требуют пересмотра существующих подходов к управлению Интернетом.

3. Фрагментация Интернета (кибербалканизация) является прямым следствием кибергеополитической конкуренции и национальных стратегий в области кибербезопасности и суверенитета. Анализ текущих тенденций показывает, что страны все чаще вводят ограничения на трансграничный обмен данными и ужесточают контроль над интернет-контентом. Это приводит к формированию изолированных сегментов в глобальной сети, что затрудняет международное сотрудничество и обмен информацией. Фрагментация Интернета является следствием противоречия между национальной кибербезопасностью и эффективностью глобальной системы управления, что требует разработки новых механизмов для преодоления этих проблем.

4. Международные режимы управления Интернетом обладают двойственной природой: формально нейтральные механизмы стандартизации

де-факто служат инструментами геополитического доминирования. Институты, такие как ICANN⁹⁹ и Internet Governance Forum (IGF)¹⁰⁰, играют важную роль в формировании и реализации политики управления Интернетом. Однако их эффективность ограничена из-за геополитической конкуренции и конфликтующих национальных интересов. Это требует пересмотра роли и функций регулирующих эту сферу институтов в условиях кибергеополитической конкуренции и разработки новых подходов к управлению Интернетом.

5. Кибербезопасность стала ключевым фактором, влияющим на глобальную систему управления Интернетом. Анализ текущих тенденций показывает, что кибератаки и угрозы безопасности данных приводят к усилению контроля со стороны государств и изменениям в политиках управления Интернетом. Страны вынуждены вводить новые законы и правила регулирования для защиты своего киберпространства, что приводит к фрагментации и усложнению глобальной системы управления. Кибербезопасность также становится предметом геополитической конкуренции, что требует разработки международных механизмов для сотрудничества и обмена информацией в этой области.

Теоретическая значимость исследования заключается главным образом в построении теоретических элементов кибергеополитики на основе традиционной и критической геополитики, определении базовой структуры и видов цифровой власти, развития концепций цифровой гегемонии, цифрового империализма и колониализма, а также выявлении дуалистических признаков системы управления Интернетом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы организациями управления Интернетом и междисциплинарных научных исследованиях в области Интернета, целях поиска новых форм политического взаимодействия и достижения

⁹⁹ Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) <https://www.icann.org/> (дата обращения 21.01.2025)

¹⁰⁰ Internet Governance Forum <https://www.intgovforum.org/ru> (дата обращения: 21.01.2025)

политических интересов. На основе данной работы можно продолжить анализ управления социальными медиа, международной институциональной структуры в сфере Интернета и других, связанных с ним вопросов. Выводы могут быть использованы в учебных курсах по специальности «Политология» и в курсах, посвященных политическим вопросам в Интернете, а также для разработки новых учебных пособий.

Соответствие пунктам паспорта научной специальности. Работа соответствует паспорту специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» по направлению исследования: п.2, п.3, п.4, п. 5, п.6, п.7, п.8, п.11, п. 12, п. 14.

Апробация результатов работы. Основные идеи, тезисы и выводы автора отражены в 6 научных работах на русском и английском языках, 4 из которых включены в перечень рецензируемых журналов ВАК.

Основные положения исследования были представлены на российских и международных научно-практических конференциях, среди которых:

- Международная конференция «Модернизация государственного и социального управления: междисциплинарный диалог и размышления», Сиань, Северо-Западный университет, 4 декабря 2021 г. Доклад: «Сравнительное исследование управления Интернетом в Китае и России»;
- I Международная научная конференция студентов и молодых ученых «В целях устойчивого развития цивилизации: сотрудничество, наука, образование, технологии», Москва, РУДН, 22-26 ноября 2022 г. Доклад: «Система глобального управления интернетом: неравенство и конфликтный потенциал»;
- Всероссийская конференция Российской ассоциации политической науки (РАПН) с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности», Москва, ИНИОН РАН / МГИМО МИД России, 2-3 декабря 2022 г.

Доклад: «Система глобального управления интернетом: неравенство и конфликтный потенциал»;

- The Third Western Foreign Languages and Literatures Doctoral Student Forum, Nanning, Guangxi Minzu University, 3-4 декабря 2022 г. Доклад: «Russian-Chinese Cooperation on Internet Governance in the Context of Electronic colonialism»;
- The 2nd Vorobyovy Gory International Forum of young students and scholars, Москва, Отдел образования Посольства КНР в России, 2-10 августа 2023 г. Доклад: «Cyber Geopolitical Conflict and ICANN»;
- Международный научный симпозиум «Наследие и инновации современной славистики», Китай, Харбин, Харбинский педагогический университет, 3-5 ноября 2023 г. Доклад: «Сравнительное исследование политики трансграничных потоков данных между Китаем и Россией»;
- Всероссийская конференция Российской ассоциации политической науки (РАПН) с международным участием «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск», Москва, РУДН, 1-2 декабря 2023 г. Доклад: «Угрозы и политика безопасности данных в КНР».

Структура работы определена целью и задачами исследования и включает введение, 2 главы по 3 параграфа каждая, заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА 1 ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Рождение Интернета сделало страны мира ближе друг к другу. В информационную эпоху Интернет стал неотъемлемой частью жизни и оказывает все более глубокое влияние на мировую политику, экономику, общество, культуру, образование и другие сферы. Исследования вопросов, связанных с Интернетом, становятся все более и более важными.

В силу особенностей Интернета им нельзя управлять, им можно только руководить. В целом, управление имеет либеральную окраску, предполагающую участие и консультации множества субъектов, однако из-за всестороннего и масштабного влияния Интернета на все аспекты мировой жизни правительства придают большое значение участию в процессе управления Интернетом. Управление Интернетом стало новым полем геополитических игр для крупных стран. Соответственно, геополитика превратилась в сетевую геополитику. Технологии и системы рассматриваются как совершенно новые геополитические элементы. Сетевая геополитика стала новой перспективой для анализа глобального Интернета.

1.1 Основные теории и методологии управления Интернетом

Теория управления имеет долгую историю и принципиально отличается по смыслу от теории господства. Управление Интернетом относится к ключевой части глобального управления, но имеет характеристики, отличные от управления в других областях. Техническая конструкция Интернета совместима с теорией управления. Система управления Интернетом формируется при участии многих сторон, включая правительства, предприятия, организации и граждан.

1.1.1 Происхождение и значение теории управления

Слово «управление» происходит от греческого глагола «*kubernaein*», обозначающего действие по управлению кораблем¹⁰¹, со значением контроля, руководства и манипулирования. В современную эпоху термин «управление» применяется к управлению национальными государственными делами и часто путается с термином «господство».

Управление и господство имеют несколько ключевых различий:

Смысл и понятие:

- Господство: Означает официальные институты и органы, обладающие полномочиями принимать и проводить в жизнь законы и политику в стране или конкретной юрисдикции. Как правило, оно включает в себя законодательную, исполнительную и судебную ветви власти.

- Управление: Более широкое понятие, которое охватывает не только официальные государственные учреждения, но и процессы, отношения и деятельность, вовлекающие множество заинтересованных сторон в процесс принятия решений и управления делами. Оно включает в себя участие организаций гражданского общества, бизнеса и граждан.

Сфера деятельности:

- Господство: В первую очередь фокусируется на действиях и функциях государственного аппарата. Ограничивается деятельностью, осуществляемой официальными государственными структурами.

- Управление: Имеет более широкий охват и включает негосударственных акторов и неформальные механизмы. В международных отношениях глобальное управление включает в себя сотрудничество и координацию действий различных стран, международных и неправительственных организаций для решения таких проблем, как изменение климата и бедность.

Подход:

¹⁰¹ Jessop, Bob. (1998) The rise of governance and the risks of failure: the case of economic development. International Social Science Journal. 155. 29-45.

- Господство: Имеет тенденцию действовать через иерархические процессы принятия решений «сверху вниз». Законы и политика формулируются избранными представителями или бюрократами и реализуются по цепочке команд.

- Управление: Подчеркивает подходы, основанные на сотрудничестве и участии. Оно поощряет вовлечение различных заинтересованных сторон в процессы принятия решений, чтобы обеспечить учет различных точек зрения. Это может привести к более инклюзивным и устойчивым решениям.

Подотчетность:

- Господство: Подотчетно гражданам через выборы и судебную систему. Ожидается, что избранные должностные лица будут представлять интересы народа и нести ответственность за свои действия в рамках демократических процессов.

- Управление: Подотчетность является более сложной и диффузной, поскольку в ней участвуют многочисленные заинтересованные стороны. Разные субъекты могут быть подотчетны разным группам населения и через разные механизмы.

Возникновение теории управления в XX веке тесно связано с провалом рынка и государства. С одной стороны, хотя рынок и обеспечивает эффективное распределение ресурсов, в рыночном механизме возникают сбои, включая рыночную монополию, сдерживание эгоистичного поведения, безработицу и недостаточное количество общественных благ. Рынок не может достичь оптимальности по Парето в экономическом смысле. С другой стороны, после Второй мировой войны функции международного правительства возросли, а имеющиеся государственные институты и правительства потеряли свою эффективность, таким образом, государственное управление оказалось в условиях кризиса. Правительства не могли преодолеть международную анархию и с трудом решали растущее число транснациональных проблем. Одним словом, стало очевидным, что обеспечивать интересы государства и его граждан только с помощью

регулирующих механизмов рынка или национального планирования достаточно трудно. Поэтому после изменения отношений между государством и обществом выбором многих стран стала «смешанная экономика», в которой правительство и рынок работают вместе.

Появление теории управления также связано с кризисом парадигмы социальных наук в 1970-х – 1980-х годах. Первоначальная теоретическая парадигма не могла эффективно объяснить реальные социальные проблемы. В течение долгого времени парадигма дихотомии была основной в мировоззрении социальных наук, предполагая противопоставление местного и центрального, анархии и суверенитета, рыночной экономики и плановой экономики. Дихотомическое мышление, представленное гегелевской диалектикой конфликта, утверждает, что в любом виде деконструкции существуют противоречивые, противоположные и конфликтующие полюса и что мир развивается через конфликт и борьбу. Теория управления разрушает дихотомию либерализма и статизма, делая акцент на взаимодействии между государственным правительством и гражданским обществом. Управление выступает в качестве координирующего механизма, дополняющего государство и рынок. Такая координация помогает государству решать все более сложные национальные и мировые экономические проблемы. В 1976 году Джеймс Марч и Йохан Ольсен ввели термин «университетское управление» в книге «Двойственность и выбор в организациях». Это означало постепенное распространение теории управления на другие социальные науки.

В 1990-х годах концепция управления приобрела новое измерение, вступив в «третью стадию жизни» теории¹⁰². Термину было присвоено множество новых значений, а после того, как в 1989 году Всемирный банк использовал термин «кризис управления»¹⁰³ в контексте развития Африки,

¹⁰² Годен Ж.П. Что такое управление [让·皮埃尔·戈丹, 何谓治理], издательство литературы по социальным наукам, – 2010.

¹⁰³ Brautigam, D. (1991), Governance and economy: a review, World Bank Policy Research Working Papers No.815, World Bank, Washington, DC.

управление стало часто использоваться как политологическое понятие. Публикация книги «Общая ответственность в 1990-е годы: Стокгольмская инициатива по глобальной безопасности и управлению» в 1991 году отразила потребность международного сообщества в более высоком уровне управления.

Определение управления, данное Комиссией по глобальному управлению, широко разделяется мировым научным сообществом. В докладе Комиссии по глобальному управлению утверждается, что «Управление – это совокупность многих способов, с помощью которых отдельные лица и учреждения, государственные и частные, управляют своими общими делами. Это непрерывный процесс, в ходе которого могут быть учтены конфликтующие или различные интересы и предприняты совместные действия. Оно включает в себя формальные институты и режимы, уполномоченные обеспечивать соблюдение законов, а также неформальные договоренности, с которыми люди и институты либо согласились, либо считают, что они отвечают их интересам»¹⁰⁴. В докладе дается дальнейшее объяснение предмета управления: «С глобальной точки зрения вопросы управления, которые раньше рассматривались в основном как отношения между правительствами, теперь должны пониматься как включающие также неправительственные организации (НПО), миграцию граждан, транснациональные корпорации (ТНК) и глобальные рынки капитала. Эти изменения сопровождаются значительным ростом влияния глобальных средств массовой информации»¹⁰⁵. Другие международные организации также дали определение управлению. Например, Всемирный банк определяет управление как «способ осуществления власти в управлении экономическими и социальными ресурсами страны в целях развития»¹⁰⁶. Кроме того, такие

¹⁰⁴ The Commission on Global Governance, *Our Global Neighbourhood*, Oxford: Oxford University Press, 1995, p. 4.

¹⁰⁵ The Commission on Global Governance, *Our Global Neighbourhood*, Oxford: Oxford University Press, 1995, p. 4.

¹⁰⁶ Governance and development. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/604951468739447676/governance-and-development> Access date: 10.03.2023.

международные организации, как Организация экономического сотрудничества и развития¹⁰⁷, Программа развития ООН (ПРООН)¹⁰⁸, также ссылаются на концепцию управления в своих документах и докладах.

Известный американский политический теоретик Дж. Розенау является одним из основоположников теории управления, которую он подробно описывает в своей работе «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике». По Розенау, «под управлением понимаются механизмы, с помощью которых социальная система направляется для достижения своих целей, и эта концепция хорошо подходит для понимания мира, в котором границы становятся все более размытыми, новые идентичности — обычным явлением, а политическое мышление — глобальным». Управление — это механизм, который может быть эффективным, даже если у него нет официального мандата. Управление включает в себя как правительственные, так и неформальные, неправительственные механизмы, и по мере того, как оно расширяет свою сферу действия, люди и организации всех видов могут использовать эти механизмы для удовлетворения своих потребностей и реализации своих устремлений.

Ф. Шмиттер, американский политолог сравнительного анализа, рассматривает управление как «метод/механизм решения проблем/споров, с помощью которого субъекты периодически приходят к взаимообязывающим решениям и сотрудничают, реализуя их»¹⁰⁹. П. де Сенаркленс определяет данный термин как представление о том, что правительство не обладает полной монополией на власть и что другие институты общества в равной степени участвуют в политическом, экономическом и социальном регулировании¹¹⁰. Б. Колер-Кох, напротив, видит суть управления в принятии

¹⁰⁷ OECD. Development Assistance Committee, Final report of the ad hoc Working Group on Participatory Development and Good Governance: Part 1, 1997.

¹⁰⁸ UNDP, Governance for Sustainable Human Development, New York: UNDP, 1997, pp. 2-3.

¹⁰⁹ Schmitter, P.C. 2002, Participation in Governance Arrangements: Is there any reason to expect it will achieve Sustainable and Innovative Policies in a Multilevel Context? in: Grote, J. R./Gbikpi, B. (eds.): Participatory Governance. Political and Sociatal Implications, Opladen: Leske & Budrich, P. 51-70.

¹¹⁰ Сенаркленс П. Кризис управления и международных механизмов регулирования [皮埃尔·塞纳克伦. 治理与国际调节机制的危机] // Международная конференция по общественным наукам, 1999.

обязательных решений: управление – методологические средства, с помощью которых предпочтения и пожелания различных граждан воплощаются в эффективные политические решения, многочисленные социальные интересы преобразуются в единые действия и осуществляется контроль над поведением социальных субъектов.»¹¹¹ Дж. Койман и М. Ван Влит определяют управление как «модель или структуру, которая возникает в социально-политической системе как общий результат или следствие интерактивных совместных усилий всех вовлеченных субъектов»¹¹². Японский ученый Акиёси Хосино рассматривает управление как совокупность многих способов, с помощью которых люди и власти, общество и частные лица могут работать вместе над общими вопросами¹¹³. Этот ненасильственный, не доминирующий процесс управления позволяет согласовывать интересы людей. Китайский ученый Юй Кэпин характеризует управление как «использование государственной власти официальными или гражданскими организациями по управлению обществом для поддержания порядка и удовлетворения потребностей населения в установленных рамках»¹¹⁴.

Комиссия по глобальному управлению предлагает четыре характеристики управления: 1) управление не набор правил или деятельность, а процесс; 2) процесс управления основан не на контроле, а на координации; 3) в управлении участвуют как государственный, так и частный сектор; 4) управление – это не формальная система, а постоянное взаимодействие.

Объединив приведенные выше взгляды институтов и ученых, можно вывести основные концепции управления.

(1) 92.

¹¹¹ Beate Kohler-Koch, Rainer Eising. The Transformation of Governance in the European Union. London: Routledge, 1999. 14

¹¹² J. Kooiman, Social-political Governance: Overview, Reflection and Design. Public Management Review, No.1, 1999, P. 67-92.

¹¹³ Акиёси Хосино. Глобальная политология [星野昭吉 . 全球政治学]. Пекин: Издательство Синьхуа Пресс, 2000, 279 с.

¹¹⁴ Юй Кэпин. Введение в глобальное управление [俞可平 . 全球治理引论] // Марксизм и реальность [马克思主义与现实], 2002, (1). 22.

Во-первых, субъект. Субъекты управления могут принадлежать различным уровням и могут быть представлены как национальными правительствами, так и неправительственными субъектами, такими как организации, рынки, предприятия и даже отдельные лица. Государственная власть децентрализована, правительство больше не является единственным центром власти и должно работать с другими субъектами для совместного управления государством. Между акторами формируется взаимозависимость.

Во-вторых, модальность. Способы управления включают в себя как принудительные приказы и правовые ограничения со стороны правительства, так и соглашения и компромиссы, достигнутые между различными акторами. Формальные и неформальные правила работают вместе, образуя сеть порядка, в которой функционирует общество.

В-третьих, цель. Цель управления заключается в использовании власти в рамках различных институциональных отношений для руководства, контроля и регулирования различных видов деятельности граждан¹¹⁵. В процессе управления субъекты способны сотрудничать, вести переговоры и находить компромиссы на основе взаимного доверия и взаимозависимости для решения социальных проблем. Конечной целью такого процесса управления является содействие социальному развитию и максимальное удовлетворение интересов всех сторон.

Р. Родс называет управление совершенно новым процессом правления и делит использование термина «управление» на шесть категорий¹¹⁶:

1) управление как минимальное государство (Governance as minimal state). Правительство должно сократить государственные расходы, уменьшить масштабы государственного вмешательства и использовать рыночные или квазирыночные механизмы для предоставления общественных услуг;

¹¹⁵ У Чжичэн, Комментарий к западной теории управления [吴志成, 西方治理理论述评], Преподавание и исследования [教学与研究], 2004, № 6, 63.

¹¹⁶ Rhodes, R., 1996. The New Governance: governing without government, Political Studies, 44, pp. 652-657.

2) управление как корпоративное управление (Governance as Corporate Governance). Управление – организационная система, которая направляет, контролирует и надзирает за деятельностью предприятия, чтобы удовлетворить обоснованные требования внешних заинтересованных групп к руководству компании;

3) управление как новая государственная администрация (Governance as the New Public Management). Правительство в большей степени берет на себя роль лица, принимающего решения, и внедряет рыночные стимулы и инструменты управления частного сектора в государственные службы;

4) управление как эффективное управление (Governance as “Good Governance”). Эффективное управление означает эффективную, законную и подотчетную систему государственных услуг;

5) управление как социально-кибернетическая система (Governance as a Socio-cybernetic System). Правительство больше не является единственной властью. Формирование политики должно быть результатом взаимодействия правительства и гражданского общества. Основная роль правительства – способствовать формированию социально-политической интерактивной системы управления;

6) управление как самоорганизующиеся сети (Governance as a Self-organizing Networks). После диверсификации поставщиков государственных услуг должны быть созданы сети социальной координации. Репутация, доверие, взаимность и взаимозависимость являются основой для независимого функционирования сети.

Дж. Стокер предлагает пять положений, касающихся управления¹¹⁷.

1) управление подразумевает целый ряд общественных институтов и акторов, которые исходят от правительства, но не ограничиваются им;

2) управление подразумевает размывание границ и ответственности в поиске решений социальных и экономических проблем;

¹¹⁷ Stoker G. 1998. Governance as theory: five propositions. *International Social Science Journal*, 50, (155), P. 17-28.

3) управление прямо утверждает зависимость власти в отношениях между различными социально-общественными институтами, участвующими в коллективных действиях;

4) управление предполагает, что участники в конечном итоге образуют автономную сеть;

5) управление подразумевает, что способность добиваться результатов не ограничивается властью правительства, его диктатом или авторитетом.

В древние времена слово «управление» часто использовалось в сочетании со словом «правление». Сегодня смысл понятия «управление» значительно отличается от смысла понятия «правление». В концепции Дж. Розенау управление противопоставляется правлению. Он утверждает, что управление включает в себя более богатое разнообразие механизмов, чем правление (господство). «Управление – это система правил, которая может быть эффективной только в том случае, если ее принимает большинство (или, по крайней мере, наиболее влиятельные из тех, кого она затрагивает); однако политика правительства может быть реализована, даже если она встречает всеобщее неприятие». «Поэтому возможно управление без правительства, то есть мы можем представить себе механизмы регулирования, которые, хотя и не наделены формальными полномочиями, могут эффективно функционировать в своей сфере деятельности»¹¹⁸.

В совокупности различие между правлением (господством) и управлением очень широкое. У господства есть один субъект – национальное правительство; у управления есть множество субъектов, включая как правительства, так и такие субъекты, как организации, предприятия и отдельные лица. Сфера господства ограничена национальным государством в пределах его суверенной территории; сфера управления выходит за пределы национальных границ и может существовать в транснациональном гражданском обществе. Правление основано на государственной власти и

¹¹⁸ Розин Д.Н. Здесь нет государственного управления [詹姆斯·N·罗西瑙 . 没有政府的治理]. Наньчан: Народное издательство Цзянси, 2001, С. 5.

носит принудительный характер, управление основано на социальном консенсусе и носит добровольный характер. В первом случае власть принадлежит национальному правительству и является централизованной, во втором случае власть передается различным субъектам и является децентрализованной. В первом случае власть действует в вертикальном направлении, всегда сверху вниз, во втором – в горизонтальном направлении, в полном взаимодействии между акторами. В первом случае средства господства основаны на законе и политике, во втором – на сотрудничестве и консультациях.

Одно из различий между господством и управлением заключается в том, что управление может выходить за рамки национального уровня, поэтому глобальное управление возникает, когда теория управления работает на международном уровне. В XXI веке появляется все больше глобальных проблем, которые не могут быть решены одним государством или правительством, поэтому растет значение глобального управления, основанного на сотрудничестве и консультациях. В книге «Глобальные трансформации» Дэвид Хелд дает определение глобального управления: «Глобальное управление подразумевает не только формальные институты и организации – государственные учреждения, межправительственное сотрудничество и т.д., – но и развитие (или неразвитие) глобальной системы управления. Это означает, что все другие организации и группы влияния – от транснациональных корпораций и транснациональных общественных движений до множества неправительственных организаций (НПО) – преследуют свои цели и задачи. Все они преследуют цели и объекты, оказывающие влияние на транснациональные правила и системы власти»¹¹⁹. По мнению Юй Кэпина глобальное управление «означает разрешение глобальных конфликтов, вопросов экологии, прав человека, миграции, наркотиков, контрабанды, инфекционных заболеваний и др. посредством

¹¹⁹ Хелд Д. и др.: Глобальные трансформации [戴维·赫尔德等：全球大变革]. Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2001. С. 70.

обязательных международных правил (режимов) для поддержания нормального международного политического и экономического порядка»¹²⁰.

Субъекты глобального управления – это участники международного управления, к которым в основном относятся национальные правительства, международные организации, неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК), граждане и другие. Несмотря на разнообразие акторов, правительства остаются наиболее важными международными акторами. Глобальное управление не меняет феномен политики великих держав в международных отношениях. Традиционными основными темами глобального управления являются глобальная безопасность (региональные вооруженные конфликты, безопасность ядерного оружия), экология (защита животных и растений, контроль изменения климата, управление морским рыболовством), международная экономика (регулирование финансовых рынков, экономическая глобализация, торговля энергоресурсами), транснациональная преступность (борьба с террористическими организациями, контрабандой, распространением наркотиков) и т.д. Развитие цифровых технологий оказало значительное влияние на перестройку мировой политики, экономики и общества. Управление Интернетом, который родился благодаря цифровым технологиям, также стало важной областью глобального управления.

1.1.2 Система глобального управления Интернетом: уровень анализа и системно-политический метод

Интернет возник на основе сети ARPA (Address and Routing Parameter Area), которая по сути представляет собой набор правил, позволяющих различным компьютерам работать вместе с целью совместного использования ресурсов. Сегодня Интернет рассматривается как пятое пространство наряду с

¹²⁰ Юй Кэпин. Введение в глобальное управление [俞可平. 全球治理引论] // Марксизм и реальность [马克思主义与现实], 2002, (1). С. 25.

сушей, морем, небом и космосом. Информационная революция изменила способы производства и жизни людей. Технологическая революция, в центре которой находятся информационные технологии, ускоряет перестройку материальной основы общества. Появление и развитие Интернета привело к фундаментальным изменениям в традиционных средствах коммуникации – телефонной и почтовой связи, телевидении, печатных СМИ.

Возникновение Интернета привело к формированию виртуального киберпространства, которое, по мнению многих, не подвластно государству. В своей знаменитой Декларации независимости киберпространства 1996 года известный киберлибертарианец Джон Перри Барлоу писал: «Правительства индустриального мира, вы, бессильные гиганты из плоти и стали, я пришёл к вам из Киберпространства, нового дома Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом, – оставьте нас. Вы – незванные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы»¹²¹. Однако несмотря на децентрализованный характер Интернета, организации необходимо централизовать некоторые функции, такие как распределение компьютерных адресов, администрирование доменных имен и обслуживание корневых серверов.

Джоан Матиасон, американский ученый, определяет Интернет как «глобальную систему передачи данных, объединяющую государственные и частные коммуникационные сети с помощью стандартизированных протоколов: Интернет-протокола (IP), протокола управления передачей (TCP), системы доменных имен (DNS) и протоколов пакетной маршрутизации». Физическая основа современного Интернета включает в себя различные инфраструктуры, такие как компьютерные терминалы, серверы, маршрутизаторы и т.д., пользователи и передаваемые данные также являются важными компонентами Интернета. Хотя инфраструктура и пользователи Интернета находятся в пределах национальных границ, информация в

¹²¹ A Declaration of the Independence of Cyberspace. <https://www.eff.org/cyberspace-independence>
Access date: 17.03.2023.

Интернете носит транснациональный характер. Транснациональный характер Интернета определяет важность глобального управления Интернетом.

М. Кастельс проанализировал влияние информационных технологий на социальные преобразования. Технология представляет собой способность трансформировать общество. В настоящее время сетевая экономика стала новой моделью глобальной экономики. В сетевой экономике отношения власти во многом зависят от знаний и технологических возможностей, связанных с сетью. Информация играет все более важную роль в развитии глобальной экономики. СМИ являются важным средством распространения информации, поэтому властные отношения в информационную эпоху неразрывно связаны с управлением медиапроцессами¹²². Сетевое общество было создано благодаря поддержке информационных технологий.

По мере глубокой интеграции мира Интернета с реальным миром, Интернет становится все более неотделим от политической, экономической и культурной сфер. Благодаря развитию информационных технологий Интернет продолжает расширяться чрезвычайно быстрыми темпами как с точки зрения областей, в которых предоставляются услуги, так и с точки зрения количества пользователей. Появление смартфонов привело к значительному увеличению количества мобильных терминалов в Интернете. Посредством использования умных домов и умных автомобилей Интернет проникает в новые сферы жизни. Взаимосвязь всего со всем стала тенденцией будущего. В XXI веке число пользователей Интернета резко возросло, что можно видеть по таблице 1. С 2000 по 2023 годы число пользователей Интернета в мире выросло на 1350 процентов.

Таблица 1 - Количество пользователей сети Интернет в мире в динамике

Пользователи	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2021 г.	2023 г.
Население мира	6.2	6.6	7.0	7.5	7.6	7.8	8.0	8.1

¹²² Птицына С.С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретикосоциологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №3 (4). С. 55-56.

(млрд.) ¹²³								
Количество пользователей Интернета (млрд.) ¹²⁴	0.4	1.0	2.0	3.0	3.4	4.1	4.9	5.4
Процент пользователей Интернета(%)	6.5	15	29	40	45	53	61	67

Стремительное развитие Интернета сопровождается возникновением множества возможностей и проблем: с одной стороны, Интернет стал важным ресурсом для глобального управления, способствуя национальному экономическому развитию, повышению качества жизни граждан и их участию в политической жизни; с другой стороны, Интернет породил множество сложных международных проблем, таких как кибербезопасность, информационная безопасность, защита прав интеллектуальной собственности, управление электронной коммерцией и споры в области электронного финансирования. Поэтому, чтобы защитить интересы всех стран и народов мира, необходимо создать глобальную модель управления Интернетом, отвечающую потребностям всех сторон.

Управление Интернетом в узком смысле слова в основном изучает управление сетевой инфраструктурой и стандартными протоколами со стороны сетевых организаций. К таким организациям относятся Инженерный совет Интернета (IETF), Корпорация по присвоению имен и номеров в Интернете (ICANN), Совет по архитектуре Интернета (IAB), Консорциум Всемирной паутины (W3C), Международный союз электросвязи (ITU) и

¹²³ Interactive charts on Internet. <https://ourworldindata.org/internet> Access date: 10.02.2024. World Population by Year. <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-by-year/> Access date: 21.10.2024.

¹²⁴ Population estimates and projections. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=Health%20Nutrition%20and%20Population%20Statistics%3A%20Population%20estimates%20and%20projections> Access date: 02.12.2023. Number of internet users worldwide from 2005 to 2023. <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> Access date: 21.10.2024.

Общество Интернета (ISOC), Форум по управлению Интернетом (IGF) и другие. В широком смысле управление Интернетом также включает в себя ряд политических, экономических, социальных, культурных и других вопросов, возникающих в связи с применением Интернета.

В 2004 году в Женевском Плане действий, который был сформулирован на форуме Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО) в Женеве, в статье 13 главы 6 было четко указано, что Генеральному секретарю ООН предлагается создать Рабочую группу по управлению Интернетом (WGIG) для формулирования концепции управления Интернетом¹²⁵. В 2005 году Рабочая группа ООН по управлению Интернетом определила управление Интернетом как «разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своих соответствующих функций, общих принципов, норм, правил, процессов принятия решений и программ, регулирующих развитие и использование Интернета»¹²⁶. Управление включает в себя критически важные ресурсы Интернета, безопасность Интернета и обеспечение использования Интернета для развития.

Управление Интернетом характеризуется двумя основными чертами: децентрализацией и многоуровневостью. Интернет построен на физической инфраструктуре и информационных потоках, первые из которых управляются государствами, а вторые находятся в руках негосударственных субъектов. В связи с этим в управлении Интернетом трудно создать единый центр принятия решений.

Сложность Интернета делает управление Интернетом многоуровневым и многогранным процессом. В отличие от традиционного управления, технологическая координация является важной частью процесса, наряду с политическими, юридическими, экономическими и культурными

¹²⁵ WSIS: Plan of Action. <https://www.itu.int/net/wsis/docs/geneva/official/poa.html> Access date: 05.12.2023.

¹²⁶ Bossey C.D. Report of the Working Group on Internet Governance. <https://2001-2009.state.gov/e/eeb/rls/rpts/othr/49653.htm> Access date: 05.02.2024.

консультациями. Транснациональный характер Интернета не позволяет одной стране решить все проблемы, поэтому международное сотрудничество имеет решающее значение. В то же время интересы международных организаций, предприятий, технических экспертов и широкой общественности в Интернете также должны быть защищены, поэтому включение этих заинтересованных сторон в систему управления также полезно для управления Интернетом. В частности, основные органы управления Интернетом включают в себя следующие категории:

1. Национальные правительства.

Национальное правительство является традиционным органом власти, но с развитием глобализации и информатизации правительство частично утратило контроль над потоком информации. Распространение власти делает правительство неспособным использовать силу принуждения для решения всех политических, экономических и социальных проблем в Интернете. В управлении Интернетом на национальном уровне правительство играет скорее роль лидера и координатора. Правительство должно создать надежный механизм координации, чтобы помочь построить стабильную и взаимодоверительную систему взаимодействия между участниками. На международном уровне национальным правительствам необходимо взаимодействовать с другими правительствами и неправительственными субъектами для защиты безопасности и интересов своих стран и субъектов внутри стран в интернет-домене.

Управление интернетом на данном уровне осуществляется в двух основных аспектах: 1) отношение к Интернету как к совершенно новому домену и координация решения ряда проблем в этом домене; 2) отношение к Интернету как к совершенно новому технологическому средству решения проблем (политических, экономических, социальных, культурных, экологических) в традиционном домене.

2. Предприятия.

Частные предприятия являются важными участниками процесса управления Интернетом, и многие правила и технические стандарты управления Интернетом разрабатываются предприятиями. С развитием Интернета частные предприятия стали участвовать в процессе управления Интернетом различными способами. К частным предприятиям в основном относятся: 1) компании, занимающиеся доменными именами; 2) телекоммуникационные компании; 3) компании интернет-индустрии.

К компаниям, занимающимся доменными именами, относятся регистраторы, которые управляют доменами верхнего уровня и регистраторы, которые оказывают услуги по регистрации доменов конечным пользователям¹²⁷. Среди основных компаний в данном секторе – компании VeriSign и Afilias. Компании, занимающиеся доменными именами, имеют возможность координировать разрешение споров, связанных с доменными именами, и являются важными участниками процессов принятия решений ICANN.

Телекоммуникационные компании управляют инфраструктурой Интернета и предоставляют пользователям доступ к сети. Существует большое количество таких компаний. Телекоммуникационные компании являются традиционными участниками Международного союза электросвязи, но в настоящее время они также активно участвуют в деятельности ICANN и IGF.

Компании, занятые в интернет-индустрии, используют интернет для предоставления услуг пользователям. Такие компании в основном делятся на следующие категории: интернет-поисковики (Google, Baidu, Yahoo, Яндекс), социальные сети (Facebook¹²⁸, Twitter, Weibo, VK), потоковые медиа (YouTube, Disney+, Netflix, Apple TV+), интернет-коммуникации (WeChat, Skype,

¹²⁷ Курбалия Й. Управление Интернетом: седьмое издание [约万·库尔巴里贾, 互联网治理: 第七版], Пекин: Издательство университета Цинхуа, 2019, С. 269.

¹²⁸ Минюст внес Meta в реестр экстремистских организаций. Facebook, Instagram — продукты компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6380a2d39a79473e6ddb9731> Дата обращения: 10.10.2024.

WhatsApp, Snapchat), платформы электронной коммерции (Amazon, Taobao, Ozon), интернет-сервисы (Uber, Audemars Piguet) и др. В настоящее время социальные платформы приобретают все большее влияние в киберпространстве. После пандемии COVID-19 влияние социальных платформ особенно возросло¹²⁹.

3. Международные организации.

Поскольку речь идет о глобальной проблеме, участие международных организаций имеет большое значение. Международные организации могут выступать в качестве основы для координации действий таких субъектов, как национальные правительства и бизнес (например, ОЭСР), но они также могут участвовать в управлении Интернетом в качестве независимых субъектов (например, Международный союз электросвязи (ITU)). После революции в области информационных технологий ITU превратился из телекоммуникационного домена в фактическую организацию Интернета. В настоящее время ITU является основной международной организацией ВВУИО.

4. Техническое сообщество.

Техническое сообщество включает в себя организации и отдельных людей, участвующих в развитии Интернета и технологий. В начале существования Интернета управление им осуществлялось техническим сообществом самостоятельно. В силу технических особенностей Интернета техническое сообщество занимает особое положение в управлении Интернетом. Общество Интернета и подчиненная ему группа Internet Engineering Task Force являются важными представителями технического сообщества. Техническое сообщество также сыграло ключевую роль в создании ICANN.

5. Гражданское общество.

¹²⁹ Evens T., Donders K. (2020). Regulating digital platform power. *Journal of Digital Media & Policy*, 3(1), 236.

Гражданское общество – совокупность пользователей Интернета, озабоченных насущными интересами большинства пользователей, особенно темами прав человека в Интернете, неприкосновенности личной жизни в Интернете, свободы слова в Интернете и так далее. Из-за сложности состава гражданского общества очень трудно скоординировать его позицию. Миллиарды интернет-пользователей демонстрируют различия и разнообразие интернет-сообщества. Гражданское общество активно участвует в управлении IGF. Форум по управлению Интернетом является представительным органом гражданского общества.

Уровни управления Интернетом сложны, и многие участники сами включают в себя множество уровней. Таким образом, с помощью метода уровня анализа можно обеспечить многомерную и многоуровневую перспективу исследования управления Интернетом, избежать одностороннего анализа и, соответственно, более полно и систематически изучить формирование и изменение системы управления Интернетом. Американский ученый К.Н. Уолтц в книге «Человек, государство и война», опубликованной в 1959 году, провел всесторонний анализ первопричин войны с трех уровней – человеческой природы, государства и международной системы, став пионером метода уровня анализа в изучении международных отношений. В 1961 году в статье «Проблема на уровне анализа в международных отношениях» Дж. Д. Сингер рассматривает уровень анализа как важный методологический подход к международным отношениям¹³⁰, и термин «уровень анализа» стал широко использоваться. С тех пор такие ученые, как Дж. Розенау, Б.М. Рассетт и Х. Старр, продолжают совершенствовать и оттачивать эту методологию. Цель уровня анализа – дать исследователям возможность лучше идентифицировать и дифференцировать различные переменные в изучении международных отношений, чтобы они могли выдвигать проверяемые гипотезы о взаимосвязи между различными переменными. Различные уровни представляют собой как

¹³⁰ David Singer J. 1961. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. *World Politics*, 14(1), 77-92. DOI:10.2307/2009557

места расположения различных «источников объяснения» (независимых переменных), так и места расположения различных «объектов исследования» (зависимых переменных).

Историю развития Интернета можно разделить на несколько этапов, и, соответственно, управление Интернетом также можно разделить на аналогичные этапы. В данной работе мы выделяем три этапа:

1. Этап технологического старта (до конца 1990-х годов). На этом этапе цифровые технологии только зарождались, Интернет появился и начал применяться, но между ним и повсеместным распространением связи еще существовал разрыв. Интернет был небольшим, и управление им осуществлялось в основном снизу вверх и по инициативе граждан¹³¹. В этот период возникло множество организаций по управлению Интернетом, таких как Инженерный совет Интернета (IETF), Общество Интернета (ISOC) и региональные интернет-регистраторы (RIR). Самой важной из них стало создание ICANN в 1998 году. В этот период в управлении Интернетом доминировало техническое сообщество.

2. Этап коммерциализации (или коммодификации) (конец 1990-х – 2010 год). На этом этапе интернет-технологии вступили в период бурного развития, и все больше стран и людей стали пользоваться Интернетом. Появилось большое количество коммерческих приложений для Интернета. Коммерческая ценность Интернета быстро росла. Стали появляться интернет-гиганты, в том числе Google, Facebook, Amazon, Tencent и Alibaba. Предприятия стали важными участниками управления Интернетом. Управление Интернетом постепенно перешло к стандартизации и институционализации. Вопросы управления Интернетом вошли в повестку дня таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций и Международный союз электросвязи.

¹³¹ Zittrain J. Three eras of digital governance. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3458435 Access date: 12.11.2023.

3. Этап социализации (после 2010 года по настоящее время). Интернет в основном развился до степени популяризации, и многие социальные вопросы, связанные с Интернетом, стали актуальными. Влияние социальных сетей достигло новых высот. Все больше внимания уделяется вопросу баланса между развитием и безопасностью Интернета. В этот период дискуссия о роли государства в управлении интернетом стала одним из ключевых направлений. Государство стало уделять все больше внимания суверенитету сети и ее безопасности, особенно после Prism Gate. Управление Интернетом стало важной частью международной политики.

Что касается объектов управления Интернетом, то управление Интернетом в данном аспекте можно разделить на три уровня:

1. Физический уровень. Относится к физической инфраструктуре Интернета, которая в основном включает в себя оптоволоконные кабели, спутники, базовые станции сети. Основными субъектами, ответственными за управление этим уровнем, являются национальные правительства, международные организации, представленные Международным союзом электросвязи, и телекоммуникационные предприятия.

2. Логический уровень. К нему относятся стандарты и протоколы передачи информации в Интернете, в основном включающие протоколы связи, протоколы передачи данных, протоколы распределения IP-адресов и так далее. Управление логическим уровнем в основном осуществляется такими организациями, как ICANN, IETF и т.п., а его участниками являются технические сообщества, предприятия, гражданское общество.

3. Прикладной уровень. Данный уровень включает применение интернет-технологий в экономическом и социальном развитии и основные вопросы, связанные с правами интеллектуальной собственности, хранением данных и трансграничной передачей данных. Государство является важнейшим участником этого уровня управления, и правила прикладного уровня должны основываться на принудительной силе государства. Некоторые интернет-компании также участвуют в управлении.

После 2020 года Интернет и цифровые технологии достигли новых высот, а такие технологии, как виртуальная реальность, Интернет вещей, блокчейн и искусственный интеллект, перешли с теоретического уровня на стадию применения. Новые разработки влекут за собой новые проблемы, и в дополнение к трем устоявшимся системам управления появляются новые уровни управления, такие как поведенческий слой и этический слой. К поведенческому слою относятся поведенческие нормы пользователей Интернета и правила взаимодействия пользователей в киберпространстве. С широким распространением Интернета, особенно социальных сетей, постепенно растет число случаев неправильного поведения в Интернете, поэтому возникает необходимость регулировать и направлять поведение пользователей. Этический слой включает морально-этические проблемы киберпространства, его основное содержание – ряд этических размышлений о кибертехнологиях и киберповедении, таких как распространение информации, аналитика данных, личная жизнь, искусственный интеллект и так далее. Новый слой обязательно создает новую модель управления и становится центром будущей конкуренции между странами и заинтересованными сторонами. Механизм управления Интернетом фактически представляет собой сумму механизмов управления каждого уровня.

Для того чтобы сделать исследование глобальной системы управления Интернетом более целостным, необходимо внедрить системно-политический метод системного подхода в политологии. Д. Истон является представителем системного подхода. С помощью системного мышления Истон использует основные понятия и принципы общей теории систем и кибернетики, чтобы рассматривать политическую жизнь, политическое поведение и политические явления как явления системного значения и системно их анализировать. Истон утверждает, что политические системы должны исследоваться в соответствии с так называемым принципом интеграции, иначе невозможно понять логику, по которой происходит поведение определенной части¹³².

¹³² Головенкин Е.Н. Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической

Политическая система Истона состоит из ряда политически взаимодействующих элементов, связанных с принятием решений. Политическая система находится в определенной среде, которая представляет собой социальную систему вне политической системы, влияющую на политическую систему. Политическая система открыта и динамична, постоянно взаимодействует с внешней средой, проявляясь на входе и выходе политической системы, а также обладает способностью к обратной связи. Для управления Интернетом внешнюю среду представляют политические, экономические и технологические проблемы реального мира. Киберпространство и реальное пространство постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга.

По мере своего развития интернет-технологии вызывают множество «необычайно широкомасштабных негативных внешних эффектов или социальных, политических и экономических ущербов»¹³³. Управление Интернетом с 2020 года демонстрирует две меняющиеся тенденции¹³⁴. Первая заключается в том, что именно НПО, организации гражданского общества, ученые и активисты участвуют в разработке новых международных механизмов управления (например, Facebook Oversight Board, Internet Compact) в сотрудничестве с глобальными платформами и IT-компаниями, что оказывает влияние на существующие механизмы управления Интернетом. Во-вторых, это инициатива правительств национальных государств по усилению регулирования деятельности глобальных цифровых платформ для достижения конкретных целей государственной политики. Баланс между внутренним управлением платформами и внешним государственным регулированием стал новой точкой напряжения в управлении Интернетом. Участие государства в

теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2016. – № 1. – С. 52.

¹³³ Mansell, R., Steinmueller W.E. (2020). *Advanced Introduction to Platform Economics*. Massachusetts: Edward Elgar. P. 133.

¹³⁴ Флю Т. О будущем управления Интернетом: новая глобализация, постглобализация или национальный популизм? [特里·弗卢 互联网治理的未来:新全球化、后全球化还是民族民粹主义?] // Журнал глобальных СМИ [全球传媒学刊], 2022, (5) 14.

управлении Интернетом растет с каждым днем. Границы между властью институтов управления интернетом и властью государства, а также конфликт между ними становятся ключевой темой для будущих дискуссий. Глобализация и локализация управления Интернетом в равной степени являются одними из ключевых трудностей. Интернет, как искусственно созданное виртуальное пространство, глобален по своей природе. Однако физическая инфраструктура, на которую опирается Интернет, и пользователи сети существуют в пределах границ суверенных государств. Денационализированное глобальное управление и государственные модели управления как раз и являются ключевыми противоречивыми темами глобального управления.

Таким образом, опираясь на теорию управления, глобальный Интернет создал многоступенчатую, многоуровневую и многосубъектную структуру управления. Возникла сложная сеть отношений между участниками этой структуры. Наиболее важным и институционально оформленным проявлением таких отношений являются международные механизмы. Отношения и власть часто идут рука об руку. Для изучения системы управления Интернетом необходимо проанализировать отношения между властью и международными режимами в рамках международных механизмов в области Интернета, чтобы в дальнейшем конкретизировать интерпретацию каждого этапа управления Интернетом, на каждом уровне и с точки зрения каждого участника.

1.2 Международные режимы и власть в управлении Интернетом

С глубоким развитием экономической глобализации создается все больше и больше международных режимов. Сложная сеть институтов формирует взаимозависимость между странами. Власть является основой для создания и функционирования международной системы, чтобы

международные режимы могли, в свою очередь, генерировать институциональную власть. Реалистический институционализм предлагает новую перспективу для анализа взаимосвязи институтов и власти.

1.2.1 Взаимосвязь между международным режимом и властью с точки зрения реалистического институционализма

Анархия является общей основой трех теорий международных отношений (реализма, либерализма и конструктивизма). Под этим термином понимается отсутствие наднационального правительства и авторитета в международном сообществе. В состоянии анархии не существует верховной власти, которая обеспечивает поддержание мирового порядка, разрешение конфликтов между государствами и соблюдение международного права. Однако анархия не означает, что мир хаотичен и неупорядочен. Напротив, межгосударственные отношения упорядочены, широко развиты и существуют на протяжении длительного времени. По мере развития глобализации создаются различные виды международных правил, международных механизмов и международных организаций. Международные режимы пересекаются друг с другом и формируют сети, а государства образуют состояние комплексной взаимозависимости друг от друга. С. Краснер определяет международный режим как «набор неявных или эксплицитных режимов, норм, правил и процедур принятия решений»¹³⁵. Исследование режимов является важной темой в области международных отношений, сущность которой «заключается в акцентировании внимания на нормах, правилах и стереотипах мышления, управляющих поведением людей в реальном мире»¹³⁶. Сеть международных режимов стала базой современной системы международных отношений.

¹³⁵ Krasner S.D., ed. *International Regime*. New York: Cornell University Press, 1983. 2.

¹³⁶ Шапкин В.В. Методологические основания институционализма // Проблемы современной экономики. 2011. № 2 (38). С. 60.

Классический реализм исследовал международные режимы в недостаточной степени. Международные режимы здесь рассматриваются в основном как придатки власти и национальных интересов, а также как инструменты манипулирования в сфере международной политики со стороны ведущих держав. В то же время признается, что международные режимы обеспечивают механизмы власти¹³⁷, дают государству возможность более эффективно осуществлять власть в международном сообществе.

Исследования международных режимов в рамках неореализма более обширны. Р. Гилпин утверждает, что система, созданная гегемонистской державой, может помочь ей занять позицию структурного доминирования и тем самым еще больше укрепить свою гегемонию. Дж. Миршаймер рассматривает международные режимы как побочный феномен силовой политики. В целом эти взгляды закрепляют реалистическую идею о том, что государство является центральным фактором в мировой политике, а международные режимы – инструментом, с помощью которого осуществляется власть.

В отличие от неореализма, неолиберализм придает большое значение роли международных режимов. Неолибералы рассматривают международный режим как продукт международного сотрудничества и отражение общих потребностей и интересов всех его участников. Создание международного режима может помочь государствам-участникам преодолеть проблему коллективных действий и в то же время может дисциплинировать поведение государств-участников. Кроме того, теория взаимозависимости утверждает, что международные режимы способны выступать и в качестве самостоятельных субъектов международных отношений, способных играть в них особую роль.

Поскольку развитие теории международных отношений переживает определенные трудности, все больше ученых ищут новые пути анализа

¹³⁷ Wivel A., Paul T.V. ed. International Institutions and Power Politics: Bridging the Divide. Georgetown University Press. 2019. 33.

международных проблем, среди которых важным выбором является интеграция двух теорий¹³⁸. В 2003 году Рудра Сил и Питер Катценштейн предложили новый аналитический эклектизм – теорию, открывающую новые возможности для сближения парадигм. В последние годы китайские ученые, такие как Ли Вэй и Чжан Фалинь, построили новую теорию – реалистический институционализм. Теория реалистического институционализма объединяет реалистическую и либеральную точки зрения на международные режимы, утверждая, что международные режимы обладают двойственными свойствами: они имеют свойство быть общественными благами, а также могут использоваться как инструменты доминирующего государства для получения выгоды¹³⁹. Такая точка зрения сохраняет ядро реалистической силовой политики, но при этом включает в себя понятие сотрудничества государств с неолиберальной точки зрения.

С одной стороны, международный режим предоставляет своим членам общественные блага, но по мере постепенного усиления взаимозависимости в результате глобализации взаимодействие между международными акторами становится очень сложным. К общественным благам, предоставляемым международным режимом, относятся: предоставление информационных каналов для снижения стоимости доступа к информации для участников, уменьшения стратегических просчетов в отношении других участников, создания платформы для надежных повторных игр и содействия построению стабильных двусторонних или многосторонних отношений между участниками; установление правил поведения, регулирующих поведение членов организации, создание механизмов контроля и наказания, повышение предсказуемости международного поведения и содействие стабильности международного сотрудничества; преодоление «проблемы коллективных

¹³⁸ Цзо Чао. Институциональный реализм и система сдержек и противовесов [左超. 制度现实主义与制衡] // Международная политическая наука [国际政治科学]. 2010. № 4. С. 115.

¹³⁹ Чжан Фалинь. Реалистический институционализм: синтез теории международных отношений [张发林. 现实制度主义：一种国际关系理论的合成] // Международные политические исследования [国际政治研究]. 2022. № 4. С. 83.

действий» и организация эффективных коллективных действий; непосредственное участие в управлении в качестве независимых субъектов, вовлеченных в решение международных проблем.

Большой спрос на общественные блага в международном сообществе, не имеющем единого правительства, привел к масштабному созданию современных международных режимов. Появление сети международных режимов значительно облегчило межгосударственное сотрудничество и эффективно смягчило международную анархию.

С другой стороны, международный режим – это еще и инструмент собственных интересов доминирующего государства, позволяющий ему осуществлять власть, искать выгоды и сохранять свое положение. Доминирующие страны часто являются архитекторами и создателями международных режимов. Следовательно, международные режимы, как правило, соответствуют интересам доминирующих стран. Доминирующие страны также могут приватизировать международный режим по мере его становления и развития, используя его как стратегический инструмент для достижения доминирующего положения. Поддержание международного режима требует лидерства одной или нескольких стран, которые должны предоставлять общественные блага для повышения привлекательности международного режима и нести основные ценности международного режима. Преследование собственных интересов является основной мотивацией настойчивого стремления доминирующего государства к развитию международного режима. Конкретно своекорыстный характер международного режима проявляется в следующем: доминирующее государство усиливает собственную переговорную силу по отношению к государствам-нечленам, делая их своими заложниками, а также усиливает собственную переговорную силу по отношению к государствам-членам за счет своего статуса в системе; доминирующее государство навязывает определенное поведение другим государствам-членам и государствам-нечленам за счет предоставления международной системой общественных

благ, законов и норм; доминирующее государство доминирует в распределении и правовом присвоении международных общественных ресурсов за счет создания системы; доминирующее государство повышает свой международный престиж, формируя и поддерживая международный режим. Доминирование в международном режиме также еще более усиливает власть доминирующего государства, обеспечивая ему институциональную гегемонию.

Таким образом, международный режим с точки зрения реального институционализма является одновременно и общественным благом, и инструментом частной выгоды. И таким образом, международные организации оказываются нейтральными и ненейтральными одновременно¹⁴⁰. Нейтралитет означает справедливый характер международного режима как поставщика общественных благ, представляющего общие интересы государств-участников. Нейтральность подразумевает, что степень выгоды разных стран от национальной системы различна, причем доминирующая страна получает больше, чем другие государства-участники международного режима. Следовательно, можно утверждать, что ненейтральность международного режима привлекает доминирующие страны к созданию международной системы, а нейтральность привлекает другие страны-участницы к участию в международной системе. Каждое доминирующее государство вынуждено идти на компромисс между предоставлением общественных благ и реализацией частных интересов. Каждый международный режим находится где-то между нейтральностью и ненейтральностью. Двойственное рассмотрение международных режимов в рамках реального институционализма привело к более полному и глубокому их изучению.

¹⁴⁰ Рен Линь. «Дипломатия выхода» и порядок глобального управления: анализ институционального реализма [任琳. “退出外交”与全球治理秩序——一种制度现实主义的分析] // Международная политология [国际政治科学]. 2019. № 1. С. 95.

Как показывает ненейтральность международных режимов, между международным режимом и политической властью существует тесная связь. Реалистический институционализм предполагает, что между международными режимами и властью существуют три вида взаимосвязи. Во-первых, международный режим – это объект власти, а власть – источник международного режима. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи реализма и неореализма. Власть является важным условием возникновения международных режимов¹⁴¹. Доминирующее государство использует жесткую или мягкую силу для создания международного режима. Власть доминирующего государства в международном режиме также необходима для поддержания нормального функционирования режима.

Во-вторых, международный режим – это инструмент власти. В рамках международного режима доминирующие страны более эффективно распределяют ресурсы. Доминирующие страны могут осуществлять свою власть через международные режимы, а эффективные режимы могут помочь доминирующим странам увеличить свою первоначальную власть. Во многих случаях международный режим является инструментом власти доминирующего государства для достижения собственных интересов.

В-третьих, международный режим является источником власти, а власть – продуктом международного режима. Обладая определенной степенью автономии, международный режим может участвовать в международных делах в качестве самостоятельного субъекта международных отношений и, следовательно, генерировать определенную власть. Участвуя в поведении международной системы, государства получают возможность приобрести некоторые полномочия, которые генерирует международный режим. Кроме того, международный режим оказывает противодействующее влияние на

¹⁴¹ Ли Вэй, Чжан Юхуань. Логика стратегии США в отношении ЗСТ: реалистичное институционалистское объяснение [李巍, 张玉环. 美国自贸区战略的逻辑——一种现实制度主义的解释] // Мировая экономика и политика [国际政治经济学]. 2015. № 8. С. 135.

своих участников и дает обратную связь в ответ на их поведение. Это также является выражением власти, порождаемой международным режимом.

Три уровня взаимосвязи международных режимов и власти подразумевают существование трех логических форм власти. Так, китайский исследователь Чжан Фалинь определяет институциональную международную власть как сумму трех логических форм власти, способность государства влиять на восприятие и поведение других международных акторов в международном режиме ¹⁴². Национальная власть и автономия международного режима коррелируют отрицательно. Чем больше автономия международного режима, тем слабее он подвержен влиянию государства, и чем больше международный режим связывает государство, тем слабее власть государства. Чем сильнее автономия международного режима, тем больше он соответствует теориям неолиберализма; и наоборот, чем слабее автономия международного режима, тем больше он соответствует теориям классического реализма. А международный режим трех параллельных логик власти проявляется в сосуществовании конфликта и сотрудничества в современных международных отношениях.

В то время как цифровые технологии привели людей в цифровую эпоху, в политической сфере произошли не менее значительные изменения. Данные изменения выражаются, с одной стороны, в оцифровке политического поведения, а с другой – в трансформации центрального понятия политики – власти. Изменения во власти заключаются главным образом в увеличении объема власти и появлении цифровой власти.

В целом, общий объем власти растет, и данный рост заключается в основном в общем объеме ресурсов и пространстве, в котором действует власть. Смещение акцентов в борьбе за власть во многом обусловлено научно-техническим прогрессом, поскольку с развитием технологий меняются как

¹⁴² Чжан Фалинь. Реалистический институционализм: синтез теории международных отношений [张发林. 现实制度主义：一种国际关系理论的合成] // Международные политические исследования [国际政治研究]. 2022. № 4. С. 83.

национальные интересы, так и содержание международной власти. Технический прогресс способствует увеличению видов и объема ресурсов, к которым можно получить доступ, а также расширяет пространственные масштабы получения доступа к ресурсам.

Темпы роста и базовые ресурсы власти менялись с течением времени. Аграрное общество медленно проводило технологические инновации и медленно наращивало власть. В индустриальных обществах благодаря технологическому прогрессу, вызванному промышленной революцией, резко расширился доступ к ресурсам, территории стали эксплуатироваться в большей степени, чем в аграрных обществах, возникли новые международные режимы, и власть очень быстро начала расти. Цифровые технологии, представленные компьютерами и средствами связи, привели человечество в цифровую эпоху. Цифровые технологии развиваются еще более быстрыми темпами, и созданная ими цифровая инфраструктура и данные становятся совершенно новыми ресурсными элементами. Цифровые технологии создали цифровое пространство. Данное абстрактное пространство разрывает границы физического пространства. Власть существует на основе отношений, а пространство является необходимым условием для возникновения отношений. Цифровое пространство расширяет пространственные рамки того, где происходят взаимоотношения, а значит, позволяет существенно расширить сферу власти. На основе цифровых технологий возникла совершенно новая цифровая власть.

Технологические инновации часто сопровождаются институциональными инновациями. Технологические инновации создают новые ресурсы, способствуя при этом социальному развитию. При распределении новых ресурсов складывается ряд неформальных практик и правил, которые затем приводят к появлению новых формальных институтов и новых видов власти. Цифровые технологии чаще внедряют инновации, создают более многочисленные и сложные международные режимы и, следовательно, генерируют большую цифровую власть.

Больше режимов – больше мест для осуществления власти. Международный режим, сформировавшийся вокруг цифровых ресурсов, обладает большими возможностями для распределения цифровых ресурсов. Развитие цифровых технологий позволило ускорить передачу информации, сделать ее более открытой и прозрачной, а также снизить издержки, связанные с игрой великих держав в рамках международного режима. Такие международные организации, как Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union, ITU) и Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN), стали важными площадками для международных игр и местами, где реализуется власть великих держав. Осуществление цифровой власти через международные организации является ключевым вариантом для великих держав.

Традиционно власть представляет собой пирамидальную структуру, и распределение власти происходит по принципу убывания уровней. Одной из основ данной структуры является информационная асимметрия. Высокая скорость распространения информации в цифровую эпоху нарушила монополию государства на информацию, и первоначальная вертикальная структура постепенно перешла в горизонтальную. Правительствам приходится уступать часть своих полномочий предприятиям, организациям и даже частным лицам, которые также владеют цифровыми ресурсами. Некоторые международные режимы, являясь субъектами международной политики, владеют цифровыми ресурсами и цифровыми правилами, например, ICANN, отвечающая за управление большим количеством серверов доменных имен, и ITU, участвующий в разработке правил 5G. Международные режимы в цифровой сфере обладают большей степенью автономии, обусловленной децентрализацией власти. Чем больше автономия международных организаций цифровой сферы, тем больше они могут участвовать в международных делах как независимые международные акторы, и в то же время тем больше возможностей у международных организаций ограничивать

государства. Таким образом, в международном режиме генерируется большое количество цифровой власти.

Сочетание трех типов цифровой власти, связанных с международным режимом, представляет собой институциональную цифровую власть. Поскольку цифровой режим имеет более плотную сетевую структуру, институциональная цифровая власть оказывается более обширной и значимой, чем обычная институциональная власть. Международный режим в цифровой сфере превратился в инструмент реализации частных интересов ведущих держав при одновременном предоставлении общественных благ.

Институциональная цифровая власть проявляется прежде всего в форме соблазнения и принуждения. Соблазнение заключается в том, что доминирующая страна использует общественные блага международного режима для привлечения в организацию других стран, что в цифровой сфере чаще всего выражается в обмене цифровыми технологиями и информацией. Получая общественные блага от доминирующих стран, государства-участники принимают правила и ограничения, налагаемые доминирующими странами, и, таким образом, вынуждены быть на одной стороне с доминирующими странами. Такой подход имеет высокую степень легитимности и наиболее приемлем для государств-участников. Однако доминирующая страна вынуждена нести большие издержки. В то же время существует и поведение «эффект безбилетника», которое может легко подорвать интересы крупных держав.

Принуждение представляет собой использование доминирующим государством определенных средств для того, чтобы заставить другие государства разделять его точку зрения и принимать решения, которые в противном случае они не захотели бы принимать. Принуждение наиболее эффективный и очевидный способ, но и наиболее негативный. Преследование обычно направлено на страну внутри системы. Угрозы и наказания являются важнейшими инструментами доминирующего государства. Политический акт

принуждения часто имеет гегемонистский подтекст и может оказывать негативное влияние на поведение руководства доминирующего государства.

Более того, сегодня в международной политике присутствует изоляционистское поведение. Изоляция – это исключение страны-мишени из международного режима и разрыв институциональных связей между двумя странами в этой области. Такое поведение, как правило, направлено на страны, находящиеся в конфликте с доминирующей страной, и имеет ярко выраженный консервативный характер. В условиях технологической конкуренции между Китаем и США изоляционистское поведение проявляется все чаще. Например, в США для укрепления технологического сотрудничества с союзниками и повышения технологической конкурентоспособности была создана организация Technology 12 (Т-12), США, таким образом, усилила свой потенциал в области разработки стандартов. Институциональная изоляция ослабляет международный технологический обмен и оказывает негативное влияние на глобализацию.

1.2.2 Конкуренция международных режимов

Начиная с XXI века было создано большое количество международных режимов. Это порождает неизбежное дублирование, следовательно, все чаще возникает конкуренция между режимами. Конкуренция международных режимов напрямую влияет на результаты глобального управления и оказывает значительное влияние на трансформацию модели международных отношений.

В целом, конкуренция международных режимов является частью институциональной конкуренции. В зависимости от предмета и уровня институциональной конкуренции можно выделить внутреннюю институциональную конкуренцию, межгосударственную институциональную конкуренцию и международную институциональную конкуренцию. Три типа институциональной конкуренции также имеют различную дисциплинарную принадлежность и объекты исследования.

Конкуренция в международной системе приводит к частым рождениям, изменениям и исчезновениям международного режима. Конкурентоспособность международной системы определяет направление ее развития в условиях серьезной конкуренции. В целом конкурентоспособность международной системы зависит от трех факторов: могущества доминирующей страны, возможностей международной системы по обслуживанию населения и легитимности международной системы.

Процесс создания и развития международного режима не может быть отделен от лидерства одной или нескольких доминирующих стран, а эффективное лидерство облегчает успех режима¹⁴³. Лидерство основано на подавляющем доминировании власти. Конкуренция между режимами фактически является отражением конкуренции за власть между доминирующими государствами. Власть доминирующего государства может выражаться как в жесткой, так и в мягкой силе. Под жесткой силой понимаются средства принуждения доминирующего государства для поддержания международного режима, включая политические, экономические и военные аспекты. Жесткая сила доминирующего государства может помочь сформировать международный режим и обеспечить соблюдение соответствующих договоров. При жесткой силе другие страны-участницы должны подчиняться договоренностям международного режима. Мягкая сила – способность идеологии и ценностей доминирующего государства влиять на другие государства. Мягкая сила может заставить другие страны спонтанно следовать за доминирующей страной на международной арене и принимать те же или похожие политические, экономические и культурные концепции, что и доминирующая страна. Концепция системы является основой, особенно при строительстве международного режима. Поэтому мощная мягкая сила – ключ к поддержанию консенсуса внутри системы.

¹⁴³ Young O.R. 1989. The Politics of International Regime Formation: Managing Natural Resources and the Environment. *International Organization* 43(3): 373.

Предоставление общественных благ является смыслом существования международного режима. Общественные блага позволяют международному сообществу и мировому рынку бесперебойно и эффективно функционировать в условиях анархии, и международный режим является важным поставщиком общественных благ. Существование или крах международного режима в значительной степени связаны с его способностью предоставлять общественные блага. Теоретически все участники международного режима могут быть способны предоставлять общественные блага, но на самом деле только доминирующая страна обладает наиболее сильной способностью в данном отношении. Дункан Снайдер назвал инициативу доминирующего государства активно предоставлять общественные блага «благожелательной гегемонией». Международный режим с достаточным количеством общественных благ может как расширить участие существующих членов, так и привлечь новых. Если существующая международная система не способна обеспечить достаточное количество общественных благ, на ее месте неизбежно возникнет новый международный режим.

Легитимность – степень, в которой люди признают авторитет власти. Для международных режимов легитимность – степень справедливости с точки зрения интересов и власти между государствами-участниками. Р. Гилпин утверждает, что легитимность «играет центральную роль в формировании порядка и управлении международной системой»¹⁴⁴. Легитимность влияет на отношение государств-участников к международной системе, что, в свою очередь, влияет на уровень участия государств-членов в международном режиме. Чтобы сохранить легитимность международного режима, доминирующие страны часто уступают часть своих интересов и власти другим государствам-участникам. Расширение числа государств-членов системы может повысить ее представительность. Так Совет Безопасности ООН часто критикуют за малое число государств-членов. Кроме того, во главе международных режимов принято ставить представителей малых и средних

¹⁴⁴ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, p. 31.

стран, например, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций обычно не является членом крупной страны. Однако легитимность международного режима иногда может вступать в противоречие с его эффективностью. Слишком широкое участие государств-членов может сделать принятие решений в системе более длительным и сложным.

Конкуренция международных режимов охватывает большую и сложную сферу. В зависимости от уровня и содержания конкуренции международных режимов можно выделить четыре ее категории: конкуренция международных правил, конкуренция международных механизмов, конкуренция международных организаций и конкуренция международного порядка. Международные правила – общие нормы поведения, соблюдаемые на региональном или глобальном уровне, включая как официальные национальные законы и правила, так и неформальные международные практики. Международные правила – первоначальный консенсус, достигнутый в ходе международных социальных обменов, и исходная форма всех международных устоев. Международные механизмы – совокупность международных правил, норм и принципов. Реализация правил часто достигается с помощью механизмов. Международные организации – институционализированные международные механизмы, которые часто являются постоянными учреждениями, совместно созданными более чем тремя странами, с официальным центром принятия решений. Международные организации в узком смысле относятся к межправительственным организациям, а в более широком – к неправительственным транснациональным организациям. Международный порядок – это высшая форма международного режима, и все уровни конкуренции в конечном итоге направлены на формирование международного порядка, желаемого доминирующим государством. Например, конкуренция между капиталистическим порядком во главе с США и социалистическим порядком во главе с СССР, которая включает в себя конкуренцию между международными механизмами Плана Маршалла и Плана Молотова, а также

конкуренцию между международными организациями Североатлантического договора и Варшавского договора. Трансформация международного порядка стала самым непосредственным проявлением результатов соперничества великих держав. Важнейшим результатом холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом стала трансформация мира из биполярного в однополярный.

Конкуренция международных правил является основой для конкуренции ряда других международных режимов, а также представляет собой самый простой тип структуры. Правила – самые прямые ограничения, налагающиеся на поведение государств-членов. Международные правила имеют двоякий характер: с одной стороны, они являются общими нормами для всех государств-членов, которые должны их соблюдать; с другой стороны, они по-разному обязывают разные государства и оказывают различное воздействие. Поэтому выработка международных правил в соответствии с собственными интересами является важной стратегической целью конкуренции между крупными державами. Таким образом, конкуренция за международные правила в значительной степени проявляется в конкуренции за право устанавливать международные правила. В информационную эпоху эта конкуренция также отражается в формулировании высокотехнологичных стандартов и отраслевых норм. Так, важной частью технологической войны между Китаем и США является борьба за право формулировать протоколы поверхности управления, стандарты протоколов связи, протоколы разнесения передачи для технологий связи 5G и более высокого уровня. Международные правила часто строятся на определенных политических идеях или ценностях. В сфере управления Интернетом между развитыми странами во главе с США и развивающимися странами во главе с Китаем также существуют концептуальные конфликты. Такие страны, как США, выступают за открытую и свободную интернет-среду, чтобы защитить экономические интересы страны и ее предприятий, в то время как такие страны, как Китай, хотят пользоваться суверенитетом в интернете и обеспечивать национальную

кибербезопасность. В области хранения и трансграничной передачи данных страны также выдвигают свои собственные рекомендации, и между этими правилами, несомненно, существует конкуренция.

Встречи являются основной формой функционирования международных механизмов, которые зачастую не имеют официальной физической структуры или специального персонала. Члены международных механизмов часто проводят регулярные встречи для принятия общих резолюций и формулирования общих кодексов поведения. Отношения между членами международного механизма относительно свободные, и даже бывает, что их интересы не совпадают. Например, в G20 часто возникают конфликты между странами-участницами из-за международных политических вопросов, бывают случаи, когда лидеры стран-участниц отсутствуют на встречах. В настоящее время наиболее очевиден антагонизм между странами G7 и БРИКС. В отличие от G20, все члены G7 – старые развитые страны, а все члены БРИКС – развивающиеся. В обоих механизмах членство осуществляется по принципу «или-или». Системы G7 и БРИКС также работают по схожему принципу: встречи на высшем уровне и ряд встреч на уровне министров. Конкуренция между этими двумя механизмами, вероятно, превратится в самое важное блоковое соперничество в международной политике. Что касается управления Интернетом, то существует множество интернет-саммитов и форумов, как глобальных, так и региональных, образующих многочисленные центры механизмов управления. Эти мероприятия имеют частично совпадающих участников, схожие форматы и функциональное дублирование. Конкуренция между этими механизмами оказывает большое влияние на эффективность управления Интернетом.

По сравнению с международными механизмами, международные организации более институционализированы. Количество международных организаций гораздо меньше, чем международных механизмов. У международных организаций есть физические структуры и специальный персонал, создание и содержание которых требует больших затрат. В

результате конкуренция между международными организациями более интенсивна. Международные организации имеют более четкие мандаты и, как правило, занимаются конкретными областями и темами. Международные организации более обязательны для государств-членов и в большей степени способны организовывать коллективные действия. Самое известное соперничество между международными организациями произошло между Организацией Североатлантического договора и Варшавского договора, а конфронтация между двумя военными блоками стала важнейшим символом холодной войны. После распада Варшавского договора НАТО конкурировала с Общей политикой безопасности и обороны Европейского союза (CSDP) за лидерство в вопросах европейской безопасности. Решения по управлению Интернетом также принимаются несколькими организациями, наиболее представительными из которых являются ICANN и ITU. Результат конкуренции между этими организациями отражает тенденцию изменения системы управления Интернетом. Неэффективность и неудачи существующих организаций способствуют появлению новых, а конкуренция со стороны других организаций подталкивает к внутренним реформам международных организаций, что приводит к более интенсивной внутрисистемной конкуренции.

Несмотря на беспорядок и анархию в международном сообществе, существует относительно стабильный международный порядок. Под международным порядком понимаются правила международного поведения и соответствующие гарантийные механизмы, сформированные на основе определенной модели мира, обычно включающей международные правила, международные механизмы и международные организации. Сам по себе международный порядок весьма абстрактен, поэтому для его отражения необходимо наличие нескольких других конкретных уровней международного режима. Стабильный международный порядок может снизить издержки межгосударственного сотрудничества и обеспечить стабильную внешнюю среду для мирового развития. Конечной целью

соперничества великих держав является установление международного порядка, отвечающего их собственным национальным интересам, и самые важные международные системы в истории международных отношений, такие как Вестфальская система, Венская система, Версальско-Вашингтонская система и Ялтинско-Потсдамская система, – все это международные порядки, установленные победителями. Разумеется, страна, установившая международный порядок, обладает большей всесторонней доминирующей силой. В настоящее время модель участия многих заинтересованных сторон, основанная на частном секторе ICANN, и многосторонняя модель, основанная на концепции сетевого суверенитета, существуют бок о бок в глобальном интернет-порядке. Конкуренция между этими двумя порядками идет как между двумя доминирующими странами, Китаем и США, так и между правительственными и неправительственными субъектами.

Конкуренция международных режимов обычно приводит к двум результатам: совместимости режимов и их взаимоисключению¹⁴⁵. Эти два результата имеют диаметрально противоположные последствия для международного порядка.

Условием совместимости систем является здоровая конкуренция международных режимов, которая включает три аспекта¹⁴⁶: совместимость доминирующих стран (доминирующие страны являются членами доминирующей международной системы друг друга), совместимость стран-членов (члены различных международных режимов пересекаются) и совместимость правил (концептуальные основы международных режимов одинаковы или похожи).

¹⁴⁵ Ли Вэй. Трансформация международного порядка и формирование реалистичной институционалистской теории [李巍. 国际秩序转型与现实制度主义理论的生成] // Дипломатическое обозрение (журнал Академии иностранных дел) [外交评论(外交学院学报)], 2016, № 33(01). С. 52.

¹⁴⁶ Ли Вэй. Трансформация международного порядка и формирование реалистичной институционалистской теории [李巍. 国际秩序转型与现实制度主义理论的生成] // Дипломатическое обозрение (журнал Академии иностранных дел) [外交评论(外交学院学报)], 2016, № 33(01). С. 53.

Институциональная совместимость может повысить эффективность глобального управления, основным проявлением которой является увеличение предложения общественных благ со стороны международных режимов. Умеренная степень институциональной конкуренции способствует разрушению монополии международной системы и содействует ее строительству и развитию. Увеличивая объем производства общественных благ, доминирующие страны повышают конкурентоспособность своих международных режимов, что приводит к значительному увеличению общественных благ для международного сообщества. Для повышения конкурентоспособности международная система вынуждена оптимизировать свою внутреннюю структуру и повышать эффективность функционирования, чтобы не быть устраненной международным сообществом или замененной другими международными режимами. Чтобы повысить легитимность системы, доминирующая страна также передает часть своих полномочий другим странам. Совместимость систем делает нейтралитет системы лучше.

Отталкивание систем является результатом порочной конкуренции между международными режимами. Взаимоисключаемость систем, как и совместимость систем, также включает три аспекта¹⁴⁷: взаимоисключаемость доминирующих стран (доминирующие страны не являются членами доминирующей международной системы друг друга), взаимоисключаемость стран-членов (между странами-членами различных международных режимов существуют отношения «либо-либо») и взаимоисключаемость правил (концепции и правила международной системы очень далеки друг от друга).

Нейтральность режимов еще более выражена в случае взаимоисключающих режимов. С одной стороны, большое количество схожих международных режимов создает избыток режимов, что приводит к растрате государственных ресурсов. В этом случае усилия доминирующих государств

¹⁴⁷ Ли Вэй. Трансформация международного порядка и формирование реалистичной институционалистской теории [李巍. 国际秩序转型与现实制度主义理论的生成] // Дипломатическое обозрение (журнал Академии иностранных дел) [外交评论(外交学院学报)], 2016, № 33(01). С. 56.

и государств-членов распыляются, а большое количество схожих международных режимов приводит к неэффективному расходованию дипломатических ресурсов. Сложность и разнообразие договоров, создаваемых этими международными режимами, увеличивают стоимость их соблюдения для государств-членов и вносят беспорядок в международные правила. С другой стороны, взаимоисключаемость режимов означает, что международные режимы стали инструментом собственных интересов для доминирующих стран и оружием соперничества между великими державами. Международные режимы, возглавляемые разными доминирующими странами, закрывают доступ к странам-участницам друг друга. Такая ситуация позволяет международным режимам легко превращаться в блоковое соперничество, как в случае с Организацией Североатлантического договора США и Организацией Варшавского договора Советского Союза. Явно выраженные барьеры между международными режимами способствуют контрглобализации и дальнейшей фрагментации мира. Противостояние режимов делает глобальное управление гораздо менее эффективным.

Исходя из всего вышесказанного, отметим, что исследования международных режимов стали важной темой в мировой политологии. Нейтральность и ненейтральность международных режимов проявляются не поочередно, а одновременно на каждом этапе. Особенно ярко частная воля доминирующей страны проявляется в процессе системной конкуренции. Международный режим конкуренции – это, по сути, геополитическая игра между доминирующими странами – крупнейшими мировыми державами. Результат международной конкуренции режимов также является геополитической игрой. Фактически, по мере углубления взаимозависимости международный режим стал новым институциональным элементом геополитической игры.

1.3 Геополитика и кибергеополитика

Геополитика — дисциплина с многовековой историей. С течением времени направления ее исследований и теории постоянно трансформировались. Власть и пространство стали основными понятиями геополитики. После окончания холодной войны и информационной революции Интернет стал новым местом для геополитических игр. В настоящее время геополитика вступила в новую стадию, трансформировавшись в кибергеополитику. Кибергеополитика наследует основные идеи геополитики и совершает новые прорывы.

1.3.1 Теоретическое развитие и деконструкция геополитики

Геополитика зародилась в конце XIX — начале XX века как исследование взаимодействия геопространства и международной политики. З. Бжезинский считает, что геополитика «относится к комбинации географических и политических факторов, определяющих положение страны или региона, с акцентом на влияние географии на политику»¹⁴⁸. Под влиянием естественных наук геополитика рассматривает государство как организм и анализирует его потребность в пространстве и ресурсах, находящихся в нем. Геополитика воплощает реализм и оказывает сильное влияние на политику государства. Н. Дж. Спайкмен рассматривает геополитику как «планирование политики безопасности страны на основе географических соображений»¹⁴⁹. В процессе геополитического развития также отражается реакция политической науки на национальные политические потребности. Развитие геополитики демонстрирует очевидные стадийные характеристики, однако деление ее на

¹⁴⁸ Бжезинский З. План конкуренции: геостратегическая платформа для американо-советского соперничества [兹比格纽·布热津斯基: 竞赛方案: 进行美苏竞争的地缘战略纲领], Пекин: Китайская переводческая и издательская компания, 1988, 6.

¹⁴⁹ Спикмэн Н. География мира [尼古拉斯·斯皮克曼: 和平地理学], Шанхайское народное издательство, 2016. 6.

этапы не является последовательным. Сол Коэн делит геополитику на пять этапов: борьба за имперскую гегемонию, немецкая геополитика, американская геополитика, холодная война – географическая перспектива государствоцентризма и универсализма, и эпоха после холодной войны. В зависимости от национальности ученых также можно выделить американскую, немецкую, британскую и т.д. школы. Китайский ученый Лу Цзюньюань делит геополитику на три этапа в соответствии с географией: натуралистическая модель, модель пространственно-силовых отношений и структуралистская модель¹⁵⁰. Данные классификации обеспечивают хорошую перспективу для изучения истории геополитики.

1. Натуралистическая модель

Создателем геополитики считается немецкий географ-гуманист Ф. Ратцель. Используя биологические идеи, Ратцель рассматривал государство как особый вид пространственной организации. Он создал концепцию «государства-организма», которая рассматривает землю как органическое целое, причем организмами являются не только люди, но и государства¹⁵¹. Государства подчиняются законам выживания живых организмов, в них происходят процессы роста, эволюции и вымирания. В процессе развития государства население увеличивается, а значит, возникает необходимость искать новые и новые пространства. Немецкие геополитики, такие как К. Хаусхофер, позже использовали теорию экзистенциального пространства Ратцеля, утверждая, что развитие государства требует большего пространства как способа удовлетворения теоретических потребностей нацистской Германии. Такое прочтение, несомненно, имело катастрофические последствия.

Шведский политолог Р. Челлен развил теорию Ф. Ратцеля. Он также рассматривал государство как пространственный организм, который проходит

¹⁵⁰ Лу Цзюньюань. От натурализма к структурализму: эволюция геополитической методологии [陆俊元. 从自然主义到结构主义:地缘政治学方法论演变], География человека [人文地理], 2007, № 5, С. 107-109.

¹⁵¹ Linn, J. K. (1961). THE LEGACY OF GEOPOLITICS. Naval War College Review, 14(2), 34.

те же стадии жизни, что и человек. Согласно Челлену, перспективу государства можно разделить на пять частей, включая территорию, нацию, экономику, общество и правительство, которые соответствуют геополитике, демополитике, экополитике, социополитике и кратополитике¹⁵². Челлен ввел академический термин «геополитика», определив его как «науку о государстве как пространственной сфере» и «теорию государства как географического организма или явления в пространстве»¹⁵³. Основные идеи Челлена сосредоточены в его книгах «География Швеции» и «Staten som liffsform».

В этот период наблюдается заметное влияние на социальные науки теории натурализма. Ранние геополитики пытались использовать законы природы для объяснения закономерностей политической науки, подменяя ими теорию биологической эволюции в развитии политических процессов. Однако этот подход грешил чрезмерной приверженностью идеям социал-дарвинизма, который утверждал существование «естественного отбора» и «выживания сильнейших» в развитии государств.

2. Модель пространственно-силовых отношений

После эпохи натуралистической геополитики, которая фокусировалась на национальном развитии, многие ученые обратили внимание на глобальную политику. Мир – пространственное целое, в котором части не одинаково важны. Контроль над частью пространства имеет решающее значение. Захват такого пространства может привести к усилению власти государства. У разных ученых были различные точки зрения на то, какое пространство является важным, что породило множество геополитических перспектив.

В 1890 году А.Т. Мэхэн, американский военно-морской историк, выдвинул «теорию морской мощи» в своей книге *The Influence of Sea Power on History: 1660-1783*. Мэхэн придавал большое значение роли морской мощи в игре великих держав. Он считал, что морской коридор более эффективен и

¹⁵² Linn, J. K. (1961). THE LEGACY OF GEOPOLITICS. *Naval War College Review*, 14(2), 37. <http://www.jstor.org/stable/45236482>

¹⁵³ Паркер Д. Геополитика: прошлое, настоящее и будущее [杰弗里·帕克, 地缘政治学: 过去、现在和未来]. Пекин: издательство Синьхуа Пресс, 2003, 24.

удобен для транспортировки товаров, чем сухопутный путь, и что море имеет решающее значение для развития страны. Основой для поддержания морской мощи Мэхэн считал военно-морской флот и морские порты. Основными факторами, влияющими на морскую мощь страны, являются географическое положение (близость к морю), физическая структура (порты и реки), территориальная протяженность (длина береговой линии), численность населения (рабочая сила), качество нации (формирование гражданского менталитета) и характер правительства (степень стремления правительства к морю). Идеи Мэхэна вызвали глобальную волну военно-морских разработок.

В 1904 году британский географ Х.Дж. Маккиндер прочитал в Королевском географическом обществе свой знаменитый доклад «Географический стержень истории» и впервые выдвинул стратегические концепции «теории сухопутной власти» и «сердца земли» (хартленда), став первым человеком, проанализировавшим политическую власть в мире с глобальной стратегической точки зрения. Маккиндер рассматривал мир как единое целое и считал, что развитие мировой истории – это история противостояния морских и сухопутных стран. Исследователь полагал, что центр мира находится на Мировом острове, состоящем из Азии, Европы и Африки, а центр Мирового острова – в сердце центральной Евразии, которая простиралась примерно от Восточной Европы на западе до Центральной Сибири и Монголии на востоке, и от Малой Азии, Армении, Персии и Тибета в Китае на юге до Северного Ледовитого океана на севере. Континентальные государства, занимающие мировой остров, смогут расширяться до континентальных окраин, в то время как морским государствам будет сложно справиться с этой задачей. Маккиндер резюмировал свои идеи в трех предложениях: тот, кто правит Восточной Европой, контролирует «сердце земли»; тот, кто правит «сердцем земли», контролирует «мировой остров»; тот, кто правит «мировым островом», контролирует весь мир¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность: исследование политической науки реконструкции [哈福德·麦金德, 民主的理想与现实: 重建的政治学之研究], Шанхай: Шанхайское

Американский политолог Н.Дж. Спайкмен, опираясь на мысли Маккиндера, выдвинул точку зрения, диаметрально противоположную его взглядам. По мнению Спайкмена, действительно важна «периферия» Евразии (римленд), а не «сердцевина» (хартленд). В противовес трем высказываниям Маккиндера, Спайкмен резюмировал свою точку зрения следующим образом: «Кто контролирует Римленд, тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира». Исходя из интересов Соединенных Штатов, Спайкмен предложил направление американской внешней политики. Он считал, что Евразия обладает огромным потенциалом и что после достижения союза ее мощь полностью превзойдет мощь США. Поэтому США должны поддерживать баланс в Евразии и не допускать полного сотрудничества в данном регионе.

Итальянский стратег ВВС Джулио Дуэ, напротив, делал больший акцент на силе воздушной мощи и разработал идею теории воздушной мощи. Дуэ считал, что появление воздушной мощи изменило форму войны и что развитие воздушной мощи способно ограничить армию и флот. Бомбардировки с воздуха позволяли наносить эффективные удары по важным зданиям, транспортным узлам и маршрутам, а также были способны уничтожить волю к борьбе у других стран. Овладение контролем над воздушным пространством – ключ к победе. Овладение воздушной мощью обычно достигается двумя путями: победа путем столкновения с воздушными силами противника в воздухе и уничтожение воздушных сил противника и его баз на земле. Идеи Дуэ остаются влиятельными и в современной военной стратегии.

Таким образом, в этот период геополитический анализ пространства и власти вышел за рамки идей ранних естественных наук, а геопространственные и политические права были разделены на основные элементы геополитики – идеи, которая привела геополитику к стадии зрелости и стала широко применяться в области международных отношений. По сути,

на данном этапе геополитика обслуживала внешнюю политику государств, являясь продуктом гегемонистской конкуренции великих держав.

3. Структуралистская модель

После Второй мировой войны на планете сформировалась биполярная модель. С трансформацией международной ситуации изменилось и направление мышления ученых-геополитиков. Структурализм стал доминирующим методом исследования в этот период, а размышления о межгосударственных и межрегиональных отношениях под углом зрения географической структуры стали мейнстримом.

Саул Коэн, американский политический географ, считает, что дихотомия «море-дорога» классической геополитики больше не актуальна: «Прошлый взгляд на глобальную стратегию подчеркивал пространственное единство стратегии, которое достигается через единую арену кампаний», «но сегодняшняя реальность совершенно иная. Единство театра действий не является абсолютным, и военные силы разделены на море, суше и в воздухе»¹⁵⁵. Коэн рассматривает мировую систему как полицентричную и многослойную и предлагает иерархическую пространственную структуру, включающую макроуровень – геостратегические зоны, мезоуровень – геополитические зоны и микроуровень – нации-государства. Структурные идеи Коэна оказали большое влияние на последующее развитие геополитики.

Наиболее известная версия теории мир-систем, представляющая собой метод анализа мира как социального целого, была создана Иммануилом Валлерстайном. Теория мировых систем Валлерстайна – неомарксистская теория, построенная на основе теории зависимостей. Мир связан как целостная система через разделение труда. Валлерстайн разделил мир на страны ядра, полупериферийные и периферийные страны. Страны ядра обладают наибольшим количеством средств производства и владеют капиталоемкими отраслями, в то время как другие страны владеют только

¹⁵⁵ Коэн С., Ли Пей. Геостратегические и геополитические зоны [S.B.科恩, 李珮. 地缘战略区与地缘政治区], География человека [人文地理], 1991, № 1, С. 72.

трудоемкими отраслями и отраслями по добыче сырья. Страны ядра участвуют в неравноправном обмене через рынок, тем самым эксплуатируя полупериферийные и периферийные страны, что, в свою очередь, порождает неравенство в мире. Теория мировой системы представляет собой ценную теоретическую основу для анализа политических и экономических противоречий современного мира.

Американский ученый Сэмюэль Хантингтон придавал большое значение цивилизационной идентичности. В своем эссе «Столкновение цивилизаций» и монографии «Столкновение цивилизаций и реконструкция мирового порядка» он выдвинул свою теорию. Хантингтон считает, что грядущие конфликты предстоят не между странами, а между цивилизациями. Хантингтон разделил мир на восемь цивилизаций, определив их как: китайская (конфуцианская), православная, западная, индуистская, японская, исламская, латиноамериканская и африканская цивилизации. Таким образом, Хантингтон установил горизонтальную структуру мира. Китайская и мусульманская цивилизации представлялись ему наиболее важными соперниками западной цивилизации. Хантингтон рассматривал столкновение цивилизаций как конфликт на линии разлома (между соседними цивилизациями) и конфликт основных государств (между основными цивилизациями) и создал многоуровневую структуру для анализа международных конфликтов.

Теории Коэна, Валлерстайна и Хантингтона основаны на структурализме. Они рассматривают мир как единое целое, а затем структурно разделяют его для дальнейшего анализа. Эта глобальная перспектива является трансценденцией классической геополитики. В этих теориях прослеживается тенденция к дегеографизации. Геополитика в этот период представляла собой более благоприятную объяснительную теорию для анализа все более усложняющихся политических проблем глобализации.

С течением времени некоторые формулировки геополитики подвергались сомнению. Особо следует отметить период после окончания холодной войны, когда основные противоречия и тенденции развития мира значительно

трансформировались. Экономическая глобализация стремительно набирала обороты, а наука и техника достигли новых высот. Современная геополитика приобрела ярко выраженный реалистический оттенок, а мир после холодной войны стал свидетелем высокой и продолжающей расти взаимозависимости между государствами. В политологию хлынуло множество новых течений мысли, включая критическую теорию и постмодернизм. Так началось переосмысление геополитики.

Джон Эгнью утверждает, что современная глобальная политика строится на основе «современного геополитического воображения». Он обобщает современную геополитику в четырех аспектах: 1) взгляд на мир как на единое целое, исходя из объективности, основанной на картезианской философии; 2) трансформация времени в пространство, определение мира как развитого/отсталого, современного/первобытного в соответствии с этапами исторического развития и формирование таким образом иерархической структуры, основанной на государстве-гегемоне; 3) глобальное представление из государствоцентризма, приравнивающее пространственность власти к территории государства и таким образом попадающее в «территориальную ловушку»; и 4) состояние анархии, в котором государства ведут неограниченную конкуренцию за ограниченные ресурсы, и в котором неизбежны конфликты и войны. Эгнью утверждает, что с течением времени эти характеристики все больше подвергаются сомнению.

Отождествляя свои взгляды с постмодернистскими взглядами Фуко, Джерард Тоул рассматривает географию как концепцию, написанную империей, а геополитику – как перефразирование международного политического пространства в угоду интересам империи. Он утверждает, что упадок американской гегемонии, экономическая глобализация, информационная революция и возникновение глобального общества привели к появлению «конца модерна». Тоул и Долби суммируют критику геополитики в пяти пунктах:

1. Геополитика – более широкий культурный феномен, пространственная практика управления. Критика геополитики должна также отражать национальную культуру и государствоцентризм;

2. Критическая геополитика уделяет большое внимание национальным границам и критикует простую дихотомию между внутренним и внешним миром. Границы на картах точно так же формируют границы в рамках концептуальных практик;

3. Геополитика плюралистична, а не монолитна; она представляет собой децентрализованный набор практик, включая прикладную геополитику (лидеры и дипломаты), формальную геополитику (академические исследования) и популярную геополитику (народная культура);

4. Абсолютной нейтральности геополитических исследований не существует; геополитика – позиционное знание, в котором теории существуют в контекстах и сценариях, отражающих субъективную волю их авторов;

5. Критическая геополитика также заинтересована в предложении и применении «социально-пространственной» и «техно-территориальной» теорий;

В целом, сторонники критической геополитики пересмотрели онтологию геополитики, утверждая, что объект изучения геополитики является как материальным, так и концептуальным, и предложили инициативы по ее дегеографизации. Они размышляли над эпистемологией и отвергали трансцендентальную и объективную позицию. Западный центризм препятствует здоровому развитию геополитики, и дегеографизация – это то, чего должны достичь теоретические исследования. Сфера исследований в области геополитики еще больше расширяется в критической перспективе.

1.3.2 Конструирование кибергеополитики

Классическую геополитику принято считать наукой о взаимосвязи между силовой политикой великих держав и географическими рамками ее

осуществления. Центральными объектами изучения для данной науки являются власть и конфликт. В разные периоды ученые-геополитики создали множество различных теорий, среди них можно отметить такие как теория морской силы А.Т. Мэхэна, теория «Хартленда» Х. Маккиндера, теория жизненного пространства Ф. Ратцеля и теория «Хартленд-Римленд» Н. Спайкмена. Все вышеперечисленные теории воплощают логику политической пространственности, согласно которой само пространство оказывает всепроникающее воздействие на отношения между политическими субъектами и акторами, и выступают за использование политических и военных средств для достижения расширения национальных территорий и усиления международной политической власти в свете национальных интересов.

В процессе геополитического развития природная и социальная среда всегда были основой для формирования геополитических отношений. Стремление к освоению пространства является для государств важной причиной проведения геополитических исследований. Овладение ключевым пространством и контроль над ним, а также предотвращение овладения и контроля над пространством со стороны конкурентов стали целью геополитических исследований¹⁵⁶. Геополитика преобразует физическое пространство в политическое, а такие политические понятия, как суверенитет, территория и границы, конструируют географические предпосылки политики. Таким образом, пространство в геополитике на самом деле не ограничивается реальным пространством, а является пространством, в котором может существовать политическая деятельность.

Появление Интернета привело к новым изменениям в международной политике. Влияние Интернета как технологии на мировую политическую

¹⁵⁶ Юй Хайян, Чжан Вэйвэй. Критика традиционной геополитической теории и возможность построения нейтральной геоагентуры [于海洋、张薇薇. 传统地缘政治理论的批判及中立性地缘议程建构的可能] // Общественные науки [社会科学]. 2021. № 11. С. 18.

ситуацию оказалось более драматичным, чем влияние предыдущих технологий, которые привели к промышленной революции.

Во-первых, Интернет – принципиально новый объект политики. Интернет сам по себе имеет очень высокую политическую ценность, а ресурсы, получаемые из него, такие как сетевая инфраструктура и данные, стали важными объектами международной политической конкуренции. Эти ресурсы определяют потенциал развития и политическую силу стран в информационную эпоху.

Во-вторых, Интернет – новый политический инструмент. В настоящее время Интернет стал важным оружием в политической конкуренции. В избирательном процессе Интернет является важным способом опроса общественного мнения. Кандидаты могут корректировать стратегии своих кампаний в соответствии с предпочтениями населения, отраженными в данных Интернета. Информационная война стала новой формой войны и играет важную роль в нарушении социальной стабильности в других странах.

Наконец, Интернет – место, где формируется новая политика. Люди могут использовать Интернет для политического самовыражения, и, наоборот, правительства могут использовать Интернет, чтобы прислушиваться к мнениям и предложениям масс. В этом случае Интернет становится достойным местом для политических дискуссий. Опираясь на интернет-сообщество, быстро формируется новая система управления ID. Интернет значительно увеличил скорость распространения информации и стал самым важным средством ее распространения. Страны, международные организации и политические деятели часто используют Интернет для политической пропаганды.

Влияние Интернета на политику многогранно, и можно утверждать, что появление и использование Интернета вывело международную политику на новый уровень. Поэтому необходимо построить новую политическую теорию вокруг Интернета. Это является как дальнейшим развитием политической

теории, так и ответом на потребность в политическом анализе на новом историческом этапе.

По мере того как мы вступаем в информационную эпоху, киберпространство приобретает все большее значение. В контексте глобализации и информатизации геополитика перешла от концепции политической территории, ориентированной на государство, к изучению отношений между властью и пространством. Как отмечает Джон Эгнью: государственная власть не исключительно ограничивается национальными территориями, но также может иметь место в нетерриториальных или транспространственных сетях. Это означает, что геополитика может преодолевать реальное пространство. Так появляется кибергеополитика.

Если основными понятиями традиционной геополитики являются географическое пространство и политическая власть, то кибергеополитика соотносится с киберпространством и цифровой властью. Киберпространство и геополитика оказывают влияние друг на друга. С одной стороны, киберпространство – это новое игровое поле для геополитики, интернет – новый фокус для глобальных политических игр; с другой стороны, интернет – также новый геополитический инструмент, который может помочь государствам достичь их традиционных геополитических целей. Интернет, Интернет вещей, Big Data (большие данные), корневые серверы имен и другие сетевые концепции в комплексе создают «киберпространство» с политической логикой, а научные уровни, технические стандарты и инфраструктура становятся новыми элементами геополитической среды.

Традиционные геополитические исследования проводились с двух основных точек зрения: силовой и пространственной. Силовая перспектива позволяет анализировать изменения в силе между странами ¹⁵⁷. В традиционной геополитике общая поверхность глобальной территории и

¹⁵⁷ Ху Чжидин, Лу Давао. Интерпретация классической геополитической теории на основе критической геополитики [胡志丁、陆大道. 基于批判地缘政治学视角解读经典地缘政治理论] // Журнал География [地理学报]. 2015. № 6. № 854.

общее количество власти в пространстве являются постоянными, а территориальный рост и увеличение власти любого государства приводят к ущербу интересов других государств. Это справедливо и для кибергеополитики. «Современные процессы информатизации общества приводят к изменению структуры и технологии власти»¹⁵⁸. Цифровая власть является новым типом политической власти в Интернете, включающим установление технических стандартов, развитие ведущих технологий, производственные цепочки аппаратного и программного обеспечения, контроль данных, обеспечение и распределение IP-адресов и другое.

В частности, цифровая власть может быть разделена на две категории: материальная цифровая власть и институциональная цифровая власть. Материальная цифровая власть – власть государства через контроль над цифровыми технологиями, сетевой инфраструктурой, цифровыми цепочками поставок и данными. Цифровые технологии являются ключевым ресурсным фактором роста цифровой власти. Развитие цифровых технологий позволяет модернизировать цифровые отрасли и создавать новую сетевую инфраструктуру и производственные цепочки. Достижения в области сетевых коммуникационных технологий могут также ускорить рост общего объема данных в сети, увеличить скорость доступа к данным и повысить возможности защиты национальной безопасности данных. Таким образом, страны с более развитыми цифровыми технологиями обладают большей материальной цифровой властью.

После того как процесс социализации Интернета получил глубокое развитие, политическое значение Интернета достигло небывалой высоты. Внутри страны Интернет стал местом и способом реализации государственной власти. Стало очевидным, что государство может использовать Интернет для контроля и управления обществом и людьми, а также для влияния на результаты правительственных выборов и других голосований. С внешней

¹⁵⁸ Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 142.

стороны Интернет влияет на национальную безопасность. Интернет стал фокусом технологического противостояния между странами и наиболее удобным каналом для осуществления культурного вторжения. Фактически, как технология, Интернет обладает социальным влиянием, что делает его политическую ценность гораздо выше, чем ценность других технологий. Если рассматривать цифровые технологии в целом как «Мировой остров», то технологии, влияющие на цифровое развитие мира (искусственный интеллект) и национальную информационную безопасность (инфраструктура 5G), можно рассматривать как «Хартленд» цифровой эпохи.

Институциональная цифровая власть представляет собой способность государств оказывать влияние на другие государства через международные режимы. Развитие цифровых технологий может создать совершенно новые цифровые ресурсы, распространение которых приведет к появлению новых международных практик и правил, а затем и к формированию формальных международных институтов и организаций. Новое множество международных режимов порождает новое множество видов институциональной цифровой власти. В результате страны с доминирующим режимом и более развитыми цифровыми технологиями обладают большей институциональной цифровой властью.

Лидерство в киберпространстве ограничено, и рост могущества одной страны неизбежно будет основан на снижении могущества других стран. Поэтому геополитическая игра в Интернете такая же, как и традиционная геополитическая игра, обе являются игрой с нулевой суммой. Сравнительное преимущество цифровых ресурсов дает государству цифровую власть в киберпространстве. Важным цифровым ресурсом являются технологии. Распространение цифровых технологий имеет пирамидальную структуру. Передовые цифровые технологии дефицитны. Можно сказать, что чем больше передовых цифровых технологий освоено, тем больше цифровая власть. Поэтому игра с нулевой суммой вокруг передовых цифровых технологий более интенсивна, чем игра вокруг традиционных ресурсов.

Пространственный подход в геополитике фокусируется на пространственном распределении основных интересов государств и межгосударственных пространственных конфликтах¹⁵⁹. Географические различия между соседними государствами приводят к дисбалансу географических ресурсов, что является важным фактором возникновения межгосударственных конфликтов. Географическая близость существенно повышает плотность контактов между государствами, тем самым увеличивая вероятность возникновения конфликта¹⁶⁰. Распределение ресурсов в киберпространстве аналогичным образом не сбалансировано, и межгосударственные контакты уже не ограничены географией, поэтому вероятность возникновения конфликта в киберпространстве выше, чем в реальном пространстве.

Специфика Интернета как технологии заключается еще и в том, что он может генерировать ресурсы – данные. С расширением применения технологии больших данных данные стали одним из важнейших ресурсов. Будучи продуктом цифровых технологий, данные стали пятым основным фактором производства, таким же важным, как земля, труд, капитал и технологии. В отличие от традиционных ресурсов, данные неосязаемы, текучи и непотребляемы. Данные могут служить основой для дальнейшего развития цифровых технологий, а также использоваться разными людьми и предприятиями в различных сегментах производства и потребления, принося больше выгоды, чем обычные ресурсы. Кроме того, сама технология может рассматриваться как особый современный ресурс. Таким образом, общий объем ресурсов, представленных Интернетом, огромен.

По мере развития глобализации трансграничные потоки данных стали нормой. Такой поток информации способствует глобальному экономическому

¹⁵⁹ Ху Чжидин, Лу Давао. Интерпретация классической геополитической теории на основе критической геополитики [胡志丁、陆大道. 基于批判地缘政治学视角解读经典地缘政治理论] // Журнал География [地理学报]. 2015. № 6. № 854.

¹⁶⁰ Юй Хайян, Чжан Вэйвэй. Критика традиционной геополитической теории и возможность построения нейтральной геоагентуры [于海洋、张薇薇. 传统地缘政治理论的批判及中立性地缘议程建构的可能] // Общественные науки [社会科学]. 2021. № 11. С. 19.

развитию и распространению технологий. Однако он также создает ряд рисков для безопасности данных, таких как потеря ключевых национальных данных и утечка персональных данных. Трансграничная передача информации также привела к частым информационным обменам между различными странами и цивилизациями. Хотя такие обмены способствуют развитию глобализации, некоторые страны сталкиваются с риском культурного вторжения со стороны развитых стран.

Суверенитет – важное понятие в геополитике, обозначающее степень свободы государств в осуществлении своей власти. С развитием Интернета все большее количество государств пользуется концепцией суверенитета в Интернете. Одно за другим появились такие понятия, как «сетевой суверенитет», «информационный суверенитет» и «технологический суверенитет», обозначив акцент страны на собственных национальных интересах в Интернете и их защиту. Это также показывает территориальную сторону Интернета.

Под влиянием теории «дискурса власти» М. Фуко родилась критическая геополитика, призванная переосмыслить традиционную геополитическую теорию ¹⁶¹. Дж. О'Тоал, один из представителей школы критической геополитики, ввел два основных понятия геополитики – «географическое пространство» и «политическая власть». Это порывает с физическим детерминизмом, подразумеваемым в традиционной геополитике. Пользователи Интернета и социальные сети также могут стать субъектами и инструментами геополитики, «круг полноценных обладателей кибервласти теперь не ограничивается национальными государствами» ¹⁶². США использовали социальные сети, такие как Meta и Twitter, и медиаплатформы, такие как Google Chrome и YouTube, для экспорта своей идеологии и

¹⁶¹ Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Структура геополитики // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 71.

¹⁶² Васильковский С.А., Игнатов А.А. Управление Интернетом: системные диспропорции и пути их разрешения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 10.

политических идей, а также для вмешательства в политику других стран. В качестве примеров можно привести «арабскую весну» и информационную войну против России в 2022 году с использованием Интернет-компаний¹⁶³.

Из-за открытого характера Интернета в киберпространстве заложены огромные геополитические риски. Развитые западные страны во главе с США использовали свои технологические и капитальные преимущества для быстрого захвата сетевого рынка, породив множество монополий. Благодаря таким монополиям как Apple, Meta, Google, Amazon, Microsoft, Uber и Twitter, США обеспечили себе цифровую гегемонию и стали цифровой империей, а также создали цифровую колониальную систему для грабежа онлайн-рынков развивающихся стран. США используют цифровую гегемонию как геополитический инструмент и часто участвуют в международных политических играх, лучший пример – санкции против китайских технологических компаний, таких как Huawei и ZTE¹⁶⁴.

Развитие цифровых технологий привело к глобализации, но при этом увеличило разрыв между богатыми и бедными в развитых и развивающихся странах, еще больше углубив глобальный разрыв между Севером и Югом. Жан-Жак Руссо однажды сказал, что каждый шаг вперед для человечества – это шаг вглубь неравенства. На планете возник невидимый «цифровой разрыв»: огромные различия между странами, обществами и людьми зависят от количества занимаемых ими цифровых ресурсов. Развитые страны в лице США находятся в центре киберпространства, а большинство развивающихся стран могут лишь пассивно принимать установленные киберправила, привнесенные Соединенными Штатами. Это также вписывается в геополитический статус-кво.

После того как в 2013 году Э. Сноуден раскрыл американскую программу PRISM, другие страны потеряли доверие к США. Кибергегемония США

¹⁶³ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в пространстве мировой политики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. №10. С. 441.

¹⁶⁴ Рау И. К вопросу о новых геополитических тенденциях в свете перехода к технологиям 5G (2013–2021) // Современная научная мысль. – 2021. № 3. С. 120.

заставила другие страны беспокоиться о собственной кибербезопасности. Превращение глобальной сети из технологического в международный политический инструмент является результатом развития международной политики и развития структур власти между государствами. Таким образом, конкуренция между правительствами за кибервласть неизбежно ведет к «балканизации» киберпространства. Фрагментация глобального обмена информацией серьезно препятствует развитию международных сетей.

Геополитика также повлияла на сферу управления Интернетом. С развитием Интернета управление сетью постепенно перешло от доминирования технических специалистов на ранних стадиях к доминированию правительств. Западные страны во главе с США придерживаются в управлении Интернетом модели участия многих заинтересованных сторон с целью сохранения своей гегемонии в киберпространстве. Развивающиеся страны во главе с Китаем и Россией отстаивают теорию киберсуверенитета и хотят, чтобы государство играло большую роль в управлении Интернетом. Соревнование между двумя моделями управления на самом деле является геополитической игрой между двумя политическими силами.

В центре внимания традиционной геополитики находится противостояние суши и моря и считается, что отправной точкой глобального политического конфликта является конкуренция и противостояние между морской и сухопутной силой. Распределение политической власти в киберпространстве не отделено от традиционной геополитической модели, и международные игры в борьбе за власть распространяются и на киберпространство. Таким образом, классическое геополитическое явление противостояния между сухопутными (Китай, Россия) и морскими (США, Великобритания, Япония) державами возникло и в киберпространстве. Такая дихотомия представляет собой серьезное препятствие для свободного распространения информации в Интернете и обмена технологиями во всем мире.

Наследуя основные идеи традиционной геополитики, кибергеополитика в то же время имеет свои особенности. Основные различия между традиционной геополитикой и кибергеополитикой представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Виды геополитики и их различия

Виды геополитики	Традиционная геополитика	Кибергеополитика
<i>Пространственное измерение</i>	Физическое пространство	Киберпространство
<i>Структура власти</i>	Концентрация власти в национальных правительствах и международных организациях	Децентрализация власти, большее количество акторов
<i>Влияющие факторы</i>	Географическое положение, национальные границы, распределение ресурсов и т.д.	Технологическое развитие, сетевая инфраструктура, контроль над данными и т.д.
<i>Стратегический фокус</i>	Контроль над территорией, ресурсами, стратегическими местами и т.д.	Контроль над данными, информационными потоками, сетевой инфраструктурой и т.д.
<i>Механизмы управления</i>	Механизмы управления являются зрелыми, с относительно хорошо развитым национальным законодательством и международными организациями	Механизмы управления являются незрелыми и не образуют хорошо развитой системы

Кибергеополитика стала важной частью глобальной геополитики. В отличие от традиционных географических границ, киберграницы размыты, что чревато уязвимостью в сфере безопасности. Милитаризация и вооружение киберпространства повышает риск геополитического конфликта. Кибервойна стала новым проявлением международного конфликта. По мере снижения экономических позиций США Китай постепенно превращается из

экономического конкурента США в геополитического соперника ¹⁶⁵ . Технологическое соревнование между США и Китаем уже началось. Обе страны обладают гораздо большими цифровыми ресурсами, чем другие государства. В отличие от реального мира, в цифровой сфере сформировалась новая биполярная система. Другие страны не могут конкурировать с США и Китаем в области цифровых технологий в полном объеме. Например, при закупке оборудования 5G многие страны оказываются перед выбором: «США или Китай». И в этом выборе страны должны учитывать геополитические факторы. В будущем две цифровые державы – США и Китай – еще долго будут бороться за передовые цифровые технологии, международные режимы в цифровой сфере, обработку данных и цепочку цифровой индустрии. Таким образом, можно утверждать, что киберпространство не меняет первоначальную геополитическую структуру; скорее, кибергеополитика углубляет первоначальную структуру и еще больше стимулирует межгосударственную конкуренцию.

Таким образом, геополитика постоянно развивается и меняется в соответствии с требованиями времени. Первоначальной классической геополитики недостаточно для объяснения политических проблем информационной эпохи. Кибергеополитика является хорошим дополнением к анализу геополитических игр в интернет-пространстве. Хотя явления глобализации и взаимозависимости породили неолиберальные ожидания в отношении мировой политики, реалистически ориентированные теории в области международной политики, включая геополитику, по-прежнему способны дать убедительные объяснения соперничеству великих держав и изменениям в мировом порядке.

Управление Интернетом - сложный процесс с множеством уровней и участников. Следовательно, для анализа формирования системы управления

¹⁶⁵ Блохин К.В. Мировая геополитическая конкуренция в контексте четвертой промышленной революции // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. №3. С. 342.

Интернетом необходимо проанализировать конфликт национальных интересов, основанный на геополитических проблемах на государственном уровне, а также исследовать формирование и изменение системы в рамках собственной международной системы. В связи с данным обстоятельством специализированный анализ в зависимости от уровня анализа способен лучше продемонстрировать истоки политических конфликтов в системе управления Интернетом. Формирование системы управления Интернетом представляет собой взаимодействие различных уровней внутри нее, таким образом, также необходимо использовать системный подход для изучения глобальной системы управления Интернетом как целостной и единой системы.

ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ

Формирование системы управления Интернетом связано с его появлением и развитием. На основе различных центров управления сформировались три модели управления Интернетом: модель технического сообщества, модель участия многих заинтересованных сторон и многосторонняя модель. Эти три модели соответствуют различным уровням и этапам управления Интернетом.

Система управления интернетом постоянно меняется, и эти изменения фактически неотделимы от геополитической игры крупных стран. Сетевые геополитические игры сопровождаются сетевой системной конкуренцией, а результатом системной конкуренции является замена и изменение системы управления Интернетом.

2.1 Основные модели управления Интернетом

Несмотря на децентрализованный характер Интернета, установление норм и управление ресурсами в нем требует наличия центров принятия решений. Три модели управления, существовавшие в истории развития Интернета, имеют различные центры управления, доминирующие акторы и модели принятия решений. Деконструкция этих моделей может помочь определить структуру и фактическое ядро системы управления Интернетом.

2.1.1 Режим доминирования технического сообщества

Технологические атрибуты Интернета означают, что технологические элиты имеют решающее значение для его развития. Развитие интернет-технологий – результат совместных исследований и разработок специалистов-

практиков. Поэтому на ранней стадии развития Интернета технические специалисты отвечали за завершение построения первоначальных правил Интернета. Техническое сообщество включает в себя как организации, управляющие технологиями и ресурсами Интернета, так и отдельных людей, которые внесли важный вклад в развитие интернет-технологий. Технические сообщества могут быть заменены такими терминами, как «интернет-сообщества» и «интернет-разработчики».

По определению Питера Хааса, техническое сообщество – это «Профессиональная группа, члены которой придерживаются общих ценностей и взглядов на причинно-следственные связи и критерии истинности; члены сообщества также имеют общее понимание проблемы и путей ее решения»¹⁶⁶. «Техническое сообщество создало ряд механизмов управления Интернетом, основной целью которых является разработка и установление стандартов и правил для Интернета с целью обеспечения его безопасной, бесперебойной и эффективной работы.

Техническое сообщество представлено пятью интернет-организациями:

1. Совет по архитектуре Интернета (IAB);
2. Инженерный совет Интернета (IETF);
3. Общество Интернета (ISOC);
4. Целевая группа по интернет-исследованиям (IRTF);
5. Консорциум Всемирной паутины (W3C).

1. Совет по архитектуре Интернета (IAB) возник в 1970-х годах. Технические специалисты ARPANET, такие как Винтон Серф и Дэвид Кларк, создали в DARPA, Управлении перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США, неформальный комитет, который впоследствии стал известен как Совет по управлению конфигурацией Интернета, Совет по деятельности в Интернете и Совет по архитектуре Интернета. Первоначально IAB был просто группой по рассмотрению сетевых стандартов. В 1989 году

¹⁶⁶ Haas P. (1990) *Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation*. New York: Columbia University Press, p. 55.

IAB был реформирован путем слияния других рабочих групп, курируемых организацией, за исключением IETF, в Целевую группу по интернет-исследованиям (IRTF). IAB занял лидирующую позицию. Эта структура сохраняется и по сей день. В настоящее время IAB является комитетом IETF и консультативным органом ISOC. Сегодня основной задачей IAB является обеспечение долгосрочного технического руководства развитием Интернета и содействие тому, чтобы Интернет продолжал эволюционировать и развиваться как платформа для глобальной коммуникации и инноваций¹⁶⁷.

В обязанности IAB входит¹⁶⁸:

Обеспечение архитектурного надзора за протоколами и процедурами Интернета;

Взаимодействие с другими организациями от имени Инженерного совета Интернета (IETF);

Рассмотрение апелляций по процессам разработки стандартов Интернета;

Управление документацией по стандартам Интернета (семейство RFC) и назначением значений параметров протокола;

Утверждение председателя IETF и региональных директоров IETF;

Избрание председателя Целевой группы по интернет-исследованиям (IRTF);

Предоставление консультаций и рекомендаций Обществу Интернета.

2. Инженерный совет Интернета (IETF)

IAB создал IETF в 1986 году с целью разработки проектов протоколов Интернета. IETF открыт для всех, не имеет формальной квоты членства и использует механизм управления «снизу вверх». Разработка стандартов в IETF основана на принципе «консенсуса и рабочего кода», то есть «принятие стандарта зависит в первую очередь от его принятия членами и его эффективного функционирования»¹⁶⁹. Стандарты IETF документируются в

¹⁶⁷ About the Internet Architecture Board. <https://www.iab.org/> Access date: 10.06.2023.

¹⁶⁸ Internet Architecture Board. <https://www.iab.org/about/iab-overview/> Access date: 10.06.2023.

¹⁶⁹ ДеНардис Л. Глобальная игра по управлению Интернетом [劳拉·德拉迪斯. 互联网治理全球博弈], Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2017, 77-78.

серии файлов, называемых «Запросы на комментарии» (RFC). Эти электронные файлы документируют историю стандартов Интернета, обязанности, институты и другие события в Интернете. Рабочие группы разделены на области работы, такие как Applications, General, Internet, Operations and Management, Real-time Applications and Infrastructure, Routing, Security, and Transport¹⁷⁰.

Каждый домен возглавляет директор области (AD), а IETF управляется Руководящей группой по проектированию Интернета (IESG), которая состоит из директоров доменов и председателя IETF. IETF в основном отвечает за вопросы, связанные с поддержкой и развитием TCP/IP.

Набор протоколов Интернета, также известный как семейство протоколов TCP/IP, является основополагающим стандартом для Интернета. В настоящее время он широко используется в архитектуре Интернета, обеспечивая общие правила обмена информацией между различными устройствами, подключенными к Интернету. Протокол TCP/IP фактически является комбинацией двух протоколов, протокола управления передачей данных (TCP) и протокола Интернета (IP), отвечающего за адресацию – это стек протоколов, которые задают правила передачи данных по Сети. Протокол TCP/IP состоит из четырех уровней: прикладной уровень (стандартизация обмена данными для приложений, включая HTTP, SMTP, FTP, SSH и другие протоколы), транспортный уровень (сквозной обмен данными по сети, в основном с использованием протоколов TCP, SPX и других), сетевой уровень (обмен данными на границе сети, в основном с использованием протоколов IP, IPX и других), канальный уровень (соединение между локальной сетью и хостом, в основном с использованием протоколов IEEE802.3, Frame Relay и других). Протокол TCP/IP является ядром Интернета и фундаментальной основой, на которой Интернет может достичь глобальной взаимосвязи.

3. Общество Интернета (ISOC)

¹⁷⁰ Active IETF working groups <https://datatracker.ietf.org/wg/> Access date: 10.06.2023.

На первой конференции INET 20 июня 1991 года Винтон Серф объявил о создании Интернет-общества на основании документа, подписанного самим Винтом Серфом, а также Бобом Каном и Лайманом Чапином. Общество Интернета было официально зарегистрировано 1 января 1992 года, а Винтон Серф стал председателем совета директоров. ISOC – некоммерческая организация, основанная на свободном членстве, которая в настоящее время насчитывает 112000 индивидуальных членов и 83 организационных члена. Членство является важным способом сбора средств для ISOC. Собранные средства используются для поддержки деятельности IAB, IETF и IRTF.

ISOC «стремится сделать Интернет силой добра: открытым, глобально связанным, безопасным и заслуживающим доверия»¹⁷¹. Основными целями организации являются: преодоление цифрового разрыва и помощь слаборазвитым регионам в использовании Интернета; пропаганда надежного Интернета во всем мире, преодоление разрыва между политиками и техническим сообществом; формирование будущего пути развития Интернета.

Поскольку IETF не является официальным юридическим лицом, необходима была организация, которая помогала бы IETF справляться с юридическими вопросами и социальными обязательствами, и эту функцию взял на себя ISOC. ISOC также владеет всеми документами RFC, и реализация стандартов Интернета, предусмотренных в RFC, также является обязанностью ISOC.

4. Целевая группа по интернет-исследованиям (IRTF)

В отличие от IETF, которая фокусируется на краткосрочных вопросах проектирования и разработки стандартов, IRTF уделяет больше внимания долгосрочным проблемам Интернета. Целью IRTF является содействие исследованиям, которые важны для развития протоколов, приложений, архитектур и технологий Интернета. IRTF состоит из ряда целенаправленных долгосрочных исследовательских групп, охватывающих вопросы технологии Интернета, сетевых протоколов, архитектур, приложений и т.д. Среди них

¹⁷¹ Internet Society. <https://www.internetsociety.org/about-internet-society/> Access date: 10.06.2023.

исследовательская группа криптофорума, исследовательская группа по коммуникациям в сети, исследовательская группа децентрализации Интернета и другие исследовательские группы, работающие над темами, связанными с интернет-протоколами, приложениями, архитектурой и технологиями¹⁷². IRTF принимает участие только от частных лиц, а не от организаций или представителей организаций. Работа IRTF не направлена на установление стандартов, а больше ориентирована на исследования, разработки и тестирование. IRTF может подавать предложения в IETF для стандартизации.

IRTF управляется Руководящей группой по исследованиям Интернета (IRSG), которая состоит из председателя IRTF, председателей исследовательских групп и нескольких членов общего состава, назначаемых непосредственно IAB на двухлетний срок и отвечающих за координацию согласованности и слаженности исследований группы, отслеживание хода реализации проектов группы и предоставление отчетов IAB. В дополнение к своим управленческим задачам IRSG периодически организует симпозиумы для обсуждения ключевых вопросов развития Интернета.

5. Консорциум Всемирной паутины (W3C)

Консорциум Всемирной паутины (W3C) – организация, занимающаяся разработкой, развитием и внедрением технических стандартов для Интернета, основанная в Массачусетском технологическом университете (MIT) в 1994 году британским ученым Т.Дж. Бернерсом-Ли. 28 лет спустя после своего основания W3C существует в нетипичной организационной структуре, юридическую ответственность за которую несут четыре глобальные организации (Массачусетский технологический институт, Европейский консорциум по исследованиям в области информатики и математики (Франция), Университет Кейо (Япония) и Пекинский университет аэронавтики и астронавтики (Китай). 1 января 2023 года W3C стал полноценным юридическим лицом, существующим как некоммерческая организация, представляющая общественный интерес.

¹⁷² IRTF Research Groups. <https://www.irtf.org/groups.html> Access date: 11.07.2023.

W3C имеет философию управления, схожую с философией IETF. Разработка стандартов W3C основана на принципах свободного единогласия. Эти правила называются рекомендациями. Язык разметки гипертекста (HTML), каскадные таблицы стилей (CSS), расширяемый язык разметки (XML), семантический веб-стек – все это сформировано W3C. Стандарты Web Foundation. Эти рекомендации обеспечивают общий формат, который делает программное и аппаратное обеспечение совместимым на разных устройствах. Все стандарты W3C находятся в свободном доступе. Это обеспечивает открытое и свободное развитие Интернета. Первоначально деятельность W3C финансировалась за счет грантов Управления перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA), но сейчас в основном финансируется за счет членских взносов. В отличие от IETF и IRTF, членами W3C могут быть как частные лица, так и организации, такие как школы и компании. В настоящее время в работе W3C участвуют около 400 членов.

Рост Интернета и увеличение числа инфраструктур и пользователей привели к постепенному смещению роли технически одаренных специалистов и технической элиты с роли разработчиков на роль менеджеров, а техническая элита стала ядром процесса принятия решений и руководства. Для более эффективного поддержания работы растущего Интернета были институционализированы организации, образующие ряд официальных органов технического сообщества. IAB, IETF, ISOC, IRTF и W3C составляют основные организации технического сообщества, которые отвечают за разработку технических стандартов для Интернета. Открытые технические стандарты, разработанные техническими сообществами, позволили создать совместимую систему Интернета, которая обеспечивает беспрецедентную взаимосвязь в цифровой сфере. Механизм технических сообществ обеспечивает безопасную, эффективную и бесперебойную работу Интернета на техническом уровне и здоровое развитие интернет-технологий. Большинство организаций технических сообществ являются свободными и

саморегулируемыми и используют концепции управления «снизу вверх», основанные на консенсусе, для создания моделей сотрудничества и обмена технологиями¹⁷³. Открытость и прозрачность сетевых норм и полная система меморандумов позволяют общественности следить за развитием стандартов и защищать интересы пользователей и предприятий Интернета. Первоначальный дух Интернета также был создан техническим сообществом, и он включает в себя пропаганду совместного использования Интернет-ресурсов, открытого доступа к Интернету, противодействие коммерческому вмешательству и прямому государственному регулированию Интернета. Техническое сообщество поощряет участие большего числа участников в развитии и поддержании функционирования Интернета. Это отражает традицию свободы и открытости Сети. Эта традиция оказала глубокое влияние на развитие системы управления Интернетом.

2.1.2 Модель участия многих заинтересованных сторон

Модель участия многих заинтересованных сторон – модель управления, часто используемая в сфере управления. В этой модели многие заинтересованные стороны могут работать вместе для ведения диалога, переговоров, принятия решений, реализации и мониторинга решения проблем. Такой тип сотрудничества обладает высокой степенью легитимности и в большей степени отражает атрибуты справедливости и равенства. Проблемы, затрагивающие интересы многих заинтересованных сторон, – важные вопросы, представляющие общий интерес для общества. Термин «многосторонние заинтересованные стороны» берет начало от «теории заинтересованных сторон». Основное внимание в этой теории уделяется интересам бизнеса. Согласно теории заинтересованных сторон, в процессе развития любого предприятия нельзя обойтись без вклада или участия различных

¹⁷³ Лан Пин. Международное управление и игры в киберпространстве [郎平. 网络空间国际治理与博弈], Пекин: China Social Sciences Press, 2022, 68.

заинтересованных сторон. Поэтому предприятие должно преследовать общие интересы всех заинтересованных сторон, а не только интересы какого-то одного участника. Таким образом, процесс управления предприятием должен быть интегрированным, чтобы сбалансировать всесторонние требования интересов различных заинтересованных сторон. Многостороннее управление – это совокупность участников управления из разных сфер и уровней общества, к которым, как правило, относятся правительство, национальные предприятия, транснациональные корпорации, социальная элита, группы гражданского общества, международные организации, НПО, научные эксперты, простые граждане, СМИ, религиозные деятели и т.д. Сторонники модели участия многих заинтересованных сторон считают данную модель более демократичной, эффективной и справедливой, чем традиционная модель правительственного сотрудничества¹⁷⁴. Управление с участием многих заинтересованных сторон может либо опираться на существующие международные институты, либо создавать институты управления заново.

Децентрализованная природа Интернета диктует невозможность существования полностью единого центра принятия решений. Многие характеристики Интернета: открытость, распределенность, взаимосвязанность, широкое участие – хорошо вписываются в модель участия многих заинтересованных сторон. Поэтому управление Интернетом на основе модели участия многих заинтересованных сторон уже давно является мировым консенсусом. По мнению Роксаны Раду из Высшего института международных исследований и развития в Женеве (Швейцария) и других авторов, вопросы легитимности, участия и подотчетности существования модели участия многих заинтересованных сторон находятся в центре проблем глобального управления в киберпространстве¹⁷⁵. В определении управления Интернетом, данном в Тунисской программе ВВУИО, прямо говорится, что в

¹⁷⁴ Jongen H., Scholte J.A. (2021). Legitimacy in multistakeholder global governance at ICANN. *Global Governance*, 27(2): 299.

¹⁷⁵ Roxana Radu, Jean-Marie Chenou, Rolf H. Weber, eds. *Governance: Principles and Policies in the Making*, London: Springer, 2014

управлении Интернетом участвуют правительства, частный сектор и гражданское общество.

1) Модель участия многих заинтересованных сторон, в центре которой находится ICANN

Рождение ICANN тесно связано с двумя основными протоколами – IP и DNS. С развитием Интернета постепенно создается множество интернет-ресурсов, среди которых управление именами и числовыми адресами является важной задачей. Протокол Интернета (IP) – протокол связи, предназначенный для соединения сетей компьютеров. В Интернете он представляет собой набор правил, позволяющих всем компьютерам, подключенным к сети, связываться друг с другом, определяя правила, которым должны следовать компьютеры при общении через Интернет. Любая компьютерная система любого производителя может подключиться к Интернету, если она соответствует протоколу IP. Именно благодаря протоколу IP Интернет быстро становится крупнейшей в мире открытой компьютерной коммуникационной сетью. IP-адрес – это унифицированный формат адреса, предоставляемый протоколом IP, который маскирует различия в физических адресах, присваивая логический адрес каждой сети и хосту в Интернете. Каждому компьютеру в сети необходим IP-адрес для правильного взаимодействия. Если сравнить ПК с телефоном, то IP-адрес – эквивалент телефонного номера.

Система доменных имен (DNS) – служба Интернета. Это распределенная база данных, которая сопоставляет доменные имена и IP-адреса друг с другом для облегчения доступа в Интернет. Корневой сервер доменных имен – сервер доменных имен верхнего уровня в системе DNS, который отвечает за возврат адреса авторитетного сервера доменных имен верхнего уровня. Из-за технических ограничений количество адресов корневых серверов доменных имен ограничено тринадцатью. Корневые серверы имеют решающее значение для безопасности и стабильности сети, их называют «центральной нервной системой» Интернета. Они незаменимы для всех операций по разрешению доменных имен.

Обе системы, DNS и IP, нуждаются в центральном координационном центре. На заре Интернета, когда количество пользователей сети было невелико, Джонатан Постал, исследователь компьютерных наук из Университета Южной Калифорнии, взял на себя эту задачу координации в одиночку. По мере быстрого роста числа пользователей Интернета горстка сотрудников не могла справиться с огромным спросом на адреса в мире Интернета, и так родилась организация Internet Assigned Numbers Authority (IANA), агентство по нумерации в Интернете. IANA была впервые предложена в документе RFC1083, в котором в качестве контактного лица IANA упоминается Джойс К. Рейнольдс (Joyce K. Reynolds). В сфере деятельности IANA можно выделить три категории¹⁷⁶:

Доменные имена (управление корневым каталогом DNS, доменами .int и .агра, а также практическим ресурсом IDN);

Номерные ресурсы (координация глобального пула IP- и AS-номеров, в первую очередь предоставление их региональным интернет-регистраторам (RIR));

Назначения протоколов (управление системами нумерации интернет-протоколов осуществляется совместно с органами по стандартизации).

Для координации обязанностей IANA интернет-сообщество создало международную некоммерческую организацию ICANN – Корпорацию по присвоению имен и номеров в Интернете. Первоначально Министерство торговли США попыталось передать управление DNS частной компании Network Solutions Inc. (NSI), но остановилось после возражений Постела. Другие страны также были недовольны тем, что США контролируют доменные имена. В конце концов Соединенные Штаты пошли на компромисс, и в 1998 году Министерство торговли США объявило о создании ICANN, частного регулирующего органа, в Заявлении о политике управления именами и адресами в Интернете («Белой книге»), в котором были изложены принципы регистрации доменных имен, включая стабильность, конкуренцию, частную

¹⁷⁶ IANA. <https://www.iana.org/about> Access date: 19.11.2023.

координацию, координацию «снизу вверх». В том же году Министерством торговли США был подписан контракт о передаче IANA в ведение ICANN, а в 1999 году IANA стала дочерней операционной организацией ICANN.

Создание ICANN основано на модели участия многих заинтересованных сторон, в управлении принимают участие реестры, регистраторы, интернет-провайдеры (ISP), защитники прав интеллектуальной собственности (IPR), некоммерческие организации, частные компании, представители правительства, граждане. К конкретным функциям ICANN относятся: (1) координация распределения параметров технического протокола, включая зоны параметров адреса и маршрутизации (ARPA) домена верхнего уровня; (2) выполнение некоторых обязанностей, связанных с администрированием корневой зоны DNS Интернета, такими как родовые домены (gTLD) и домены верхнего уровня с кодом страны (ccTLD); (3) распределение ресурсов нумерации Интернета; и (4) другие услуги¹⁷⁷. ICANN сама не имеет функции субдоменов. ICANN использует политические директивы для IANA, которая, в свою очередь, выполняет технические аспекты реализации.

В основе работы ICANN также лежит принцип «снизу вверх», когда все вопросы поднимаются на низовом уровне и продвигаются по иерархической лестнице до тех пор, пока совет директоров не обсудит их и не проголосует. Принцип принятия решений в ICANN – достижение консенсуса, а цель – поиск общих интересов. В работе ICANN участвует ряд подчиненных организаций, включая Консультативный совет, поддерживающие организации, постоянные комитеты, рабочие группы, обзорные группы, целевые группы. Структура ICANN представлена на рисунке 1.

¹⁷⁷ ICANN. <https://www.icann.org/resources/pages/welcome-2012-02-25-en> Access date: 19.11.2023.

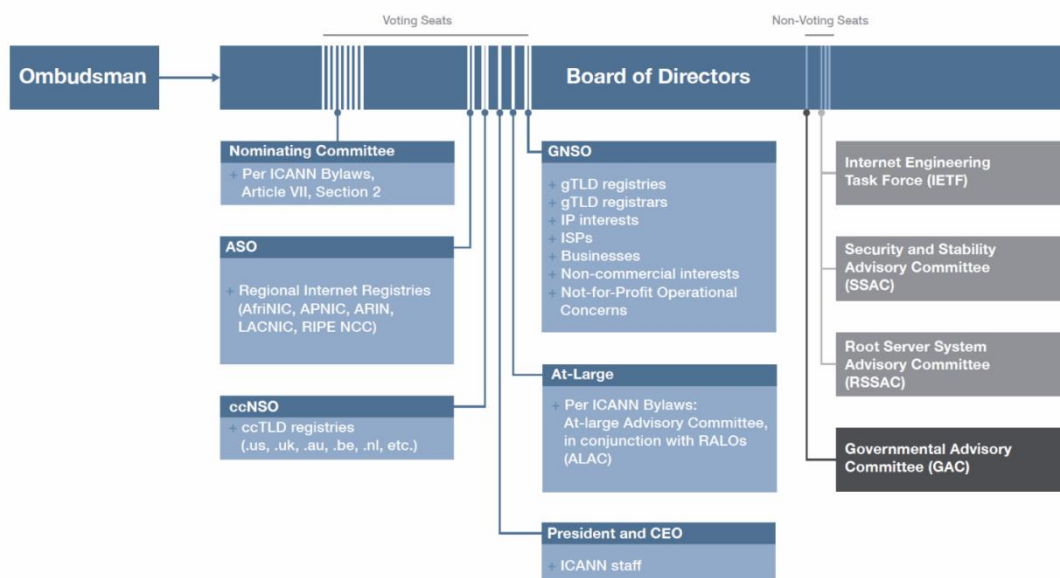

Рисунок 1 – Структура ICANN¹⁷⁸

Изначально ICANN зародилась как отдел технической координации, но вскоре стала частью или даже ядром управления Интернетом и фактически получила монополию на основной ресурс Интернета, «корень» DNS, что дало ей огромную власть в области доменных имен. Таким образом, ICANN можно рассматривать как новый тип международной системы управления, сформированной вокруг глобальных общих ресурсов. Ее цель – определить права собственности на интернет-идентификаторы и регулировать их потребление и поставку¹⁷⁹.

ICANN вступила в новый период, когда в 2016 году были проведены реформы. В качестве альтернативы американскому регулированию ICANN ввела механизмы подотчетности. Многие заинтересованные стороны стали новым юридическим лицом – Сообществом по расширению прав и возможностей. Сообщество состоит из пяти частей, включая: Организацию поддержки адресов, Консультативный комитет общего членства, Организацию поддержки национальных и региональных доменов,

¹⁷⁸ ICANN. Groups. <https://www.icann.org/resources/pages/groups-2012-02-06-en> Access date: 19.11.2023.

¹⁷⁹ Мюллер М.Л. Управление Интернетом с самого начала: Управление Интернетом и приручение киберпространства [米尔顿·L·穆勒, 从根上治理互联网: 互联网治理与网络空间的驯化], Пекин: Издательство электронной промышленности, 2019, 204

Организацию поддержки доменов общего пользования и Правительственный консультативный комитет. В функции Сообщества входят:

- Отклонение бюджетов ICANN и IANA, а также операционных и стратегических планов;
- Отклонение поправок к основной части устава;
- Отклонение действий по управлению PTI;
- Утверждение поправок к Основным положениям и статьям Устава и продажи активов;
- Снятие с должности всего Правления ICANN;
- Назначение и смещение членов Правления ICANN;
- Требование к Правлению ICANN о пересмотре решения об отказе в проведении проверки исполнения функций IANA (IFR), внеочередной проверки IFR, решение о создании Сквозной рабочей группы сообщества по разделению деятельности (SCWG) и решения относительно рекомендаций SCWG;
- Инициация запроса о пересмотре решения, проведении медиации или применении процесса независимых проверок (IRP);
- Проведение инспектирования и расследований.

На IANA возложена функция централизованного распределения IP-адресов и автономных доменов. Для оптимизации распределения ресурсов IANA делегировала эту функцию региональным интернет-регистраторам (RIR), которые являются некоммерческими неправительственными организациями, ответственными за справедливое и равноправное распределение IP-адресов и автономных доменов с целью сокращения их ненужного потребления. IANA резервирует адреса для RIR, которые затем распределяют их среди регистраторов интернет-адресов в регионе. Выбор регистратора осуществляется либо государством, либо RIR, который также может выделять адреса непосредственно организациям пользователей или интернет-провайдерам. В конечном итоге данные адреса выделяются каждому конечному индивидуальному пользователю. Через эту вертикальную

структуру интернет-адреса передаются от IANA к отдельным пользователям.

В настоящее время существует пять RIR:

Американский реестр интернет-номеров (ARIN) управляет Северной Америкой, Антарктидой и частью Карибского бассейна;

Координационный центр сети RIPE (RIPE NCC) для Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии;

Азиатско-Тихоокеанский сетевой информационный центр (APNIC) управляет делами в Азии и Тихоокеанском регионе;

Латиноамериканский и Карибский реестр интернет-адресов (LACNIC) управляет делами Латинской Америки и части Карибского региона;

Африканский сетевой информационный центр (AfriNIC) управляет делами Африки.

Работа RIR под управлением ICANN также основана на модели участия многих заинтересованных сторон, при которой управление RIR не зависит от рыночного регулирования и не подлежит государственному надзору. Такие участники, как НПО и организации частного сектора, доминируют в деятельности RIR с точки зрения финансовых и институциональных процедур, и RIR обладает относительной автономией в принятии решений. Хотя государство не может напрямую вмешиваться в деятельность RIR, оно может влиять на RIR, назначая интернет-регистраторов в пределах штата. Влияние государства на RIR сильно варьируется в зависимости от национальной мощи.

2) Модель участия многих заинтересованных сторон, в центре которой находится IGF

Стремительное развитие информационных технологий в конце XX века позволило странам мира найти новые решения современных социальных проблем, но в то же время породило множество совершенно новых проблем, таких как цифровой разрыв между развитыми и развивающимися странами. Для того чтобы ответить на возможности и вызовы, порождаемые новыми технологиями, просто необходимо было участие Организации Объединенных Наций. И 21 декабря 2001 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе

ITU приняла резолюцию об организации Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО или WSIS). Целью Саммита явилось построение ориентированного на человека, инклюзивного и ориентированного на развитие информационного общества. Общества, в котором каждый может создавать, получать доступ, использовать и обмениваться информацией и только информацией, позволяющее отдельным людям, сообществам и народам полностью реализовать свой потенциал, способствующее достижению устойчивого развития и повышению качества жизни. В отличие от ICANN, WSIS подчеркивает ведущую роль правительств в процессе управления Интернетом. В то же время поощряется участие в процессе других субъектов: межправительственных организации, НПО, гражданского общества и частного бизнеса.

Саммит проводился в два этапа: первый – в декабре 2003 года в Женеве, второй – в ноябре 2005 года в Тунисе. В Женевской декларации принципов, принятой после Женевского саммита, модель участия многих заинтересованных сторон была определена как «международная практика управления Интернетом, которая является многосторонней, прозрачной и демократичной, при полном участии множества заинтересованных сторон, включая правительства, частный сектор, гражданское общество и международные организации». Это первый случай использования такой терминологии, хотя на практике модели участия многих заинтересованных сторон существуют уже давно.

ВВУИО вывела концепцию многостороннего участия на передний план, побудив различных участников к диалогу и переговорам, изменив политические принципы управления Интернетом и способствуя углублению управления Интернетом. В то же время ВВУИО расширила рамки первоначального управления Интернетом, включив в него темы из таких традиционных областей, как политика, экономика и общество.

Одним из главных итогов Женевского саммита стало создание Рабочей группы ООН по управлению Интернетом (WGIG) – организации с тремя

задачами: во-первых, разработать эффективное определение управления Интернетом; во-вторых, определить политику государственного управления для международного сообщества в областях, связанных с управлением Интернетом; в-третьих, достичь общего понимания роли и ответственности различных субъектов управления Интернетом. В своем докладе Рабочая группа дала следующее определение управления Интернетом: «Управление Интернетом – это разработка и применение стандартных принципов, норм, правил, процессов принятия решений и программ правительствами, частным сектором и гражданским обществом в их соответствующих ролях для формирования развития и использования Интернета». Рабочая группа дала ряд рекомендаций Организации Объединенных Наций, в том числе по управлению инфраструктурой Интернета, по повышению роли развивающихся стран в развитии Интернета и по отказу Соединенных Штатов от контроля над Корпорацией по присвоению имен и номеров в Интернете (ICANN).

Еще одной важной рекомендацией Рабочей группы стала подготовка Форума по управлению Интернетом (IGF). В Тунисской программе для информационного общества, принятой на Тунисском саммите, было предложено создать новый диалоговый форум с участием многих заинтересованных сторон – IGF. IGF – это механизм свободного и равноправного диалога, объединяющий различные заинтересованные стороны, такие как правительства, международные организации, предприятия, технические сообщества, гражданское общество, для обмена мнениями и сотрудничества, обсуждения вопросов государственной политики, связанных с Интернетом, и стремления создать благоприятные условия для упорядоченного развития Интернета. IGF помогает достичь консенсуса в отношении того, как максимально использовать возможности Интернета и устранить возникающие риски и проблемы.

IGF организован как неправительственный орган, но, в отличие от ICANN, правительства фактически играют в нем важную роль. В Тунисской программе предусмотрено, что IGF не будет выполнять надзорные функции или заменять

существующие механизмы, институты или организации, но в то же время может привлекать их к своей работе и использовать их опыт. В то же время Форум может выступать в качестве нейтрального, не имеющего обязательной силы процесса. IGF не должен участвовать в повседневной работе и управлении Интернетом. Это накладывает серьезные ограничения на мандат IGF и негативно сказывается на его эффективности. Поэтому IGF трудно найти эффективные и действенные решения многих проблем Интернета.

Тем не менее благодаря Форуму по управлению Интернетом (IGF), который организуется ежегодно с 2006 года, рамки управления Интернетом расширились. На IGF обсуждаются и решаются многие вопросы управления Интернетом, включая алгоритмы, кибербезопасность, искусственный интеллект и т.д. IGF стал новым центром управления Интернетом. Помимо глобального IGF, во многих регионах существуют региональные IGF, которые служат платформой для обмена мнениями между различными заинтересованными сторонами. Хронология мест проведения и тем Форума по вопросам управления Интернетом представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Хронология мест проведения и тем Форума по вопросам управления Интернетом¹⁸⁰

Год	Место проведения	Тема
2006	Athens, Greece	Internet Governance for Development
2007	Rio de Janeiro, Brazil	Internet Governance for Development
2008	Hyderabad, India	Internet for All
2009	Sharm El Sheikh, Egypt	Internet Governance – Creating Opportunities for All
2010	Vilnius, Lithuania	developing the future together
2011	Nairobi, Kenya	Internet as a catalyst for change: access, development, freedoms and innovation
2012	Baku, Azerbaijan	Internet Governance for Sustainable Human, Economic

¹⁸⁰ IGF Annual Meetings Proceedings. <https://www.intgovforum.org/zh-hans/node/4567> Access date: 21.11.2023.

		and Social Development
2013	Bali, Indonesia	Building Bridges - Enhancing Multistakeholder Cooperation for Growth and Sustainable Development
2014	Istanbul, Turkey	Connecting Continents for Enhanced Multi-stakeholder Internet Governance
2015	João Pessoa, Brazil	Evolution of Internet Governance: Empowering Sustainable Development
2016	Guadalajara, Mexico	Enabling Inclusive and Sustainable Growth
2017	Geneva, Switzerland	Shape Your Digital Future!
2018	Paris, France	Internet of Trust
2019	Berlin, Germany	One World. One Net. One Vision
2020	online by the United Nations	Internet for human resilience and solidarity
2021	Katowice, Poland	Internet United
2022	Addis Ababa, Ethiopia	Resilient Internet for a Shared Sustainable and Common Future
2023	Kyoto, Japan	The Internet We Want - Empowering All People

С дальнейшим развитием Интернета развивающиеся страны осознали, что одностороннее регулирование со стороны американской команды ICANN неприемлемо¹⁸¹. Китай, Бразилия, Россия, Южная Африка и другие страны выступили на ВВУИО за дальнейшее укрепление межстранового сотрудничества¹⁸². Однако два саммита ВВУИО не оказали существенного влияния на ICANN, не упомянули реформу ICANN в отчетах о встречах и не сформировали никаких существенных и эффективных решений. IGF, как производная от ВВУИО, является механизмом продолжения дискуссии. На самом деле, никакого прогресса по данному вопросу не наблюдается.

¹⁸¹ Van Klyton A., Arrieta-Paredes M. P., Palladino N., Soomaree A. (2023). Hegemonic practices in multistakeholder Internet governance: Participatory evangelism, quiet politics, and glorification of status quo at ICANN meetings. *The Information Society*, 39(3), 143.

¹⁸² Flonk D., Jachtenfuchs M., Obendiek A.S. (2020). Authority conflicts in internet governance: Liberals vs. sovereigntists? *Global Constitutionalism*, 9(2), 369.

ICANN и IGF сосуществуют уже долгое время и вместе участвуют в управлении Интернетом. Они также часто обмениваются мнениями и участвуют в обсуждениях друг друга по основным вопросам. Однако между ними существует и большой разрыв. С точки зрения системы, в ICANN доминирует частный сектор и применяются принцип «снизу вверх» и принцип консенсуса, в то время как в IGF доминирует правительство, но власть правительства не подавляет других участников, поэтому IGF можно рассматривать как состояние отсутствия доминирования. Основные вопросы ICANN вращаются вокруг управления Интернетом в более узком смысле, и основным содержанием является управление и распределение ресурсов Интернета, в то время как IGF обсуждает управление Интернетом в более широком смысле, и основными вопросами являются управление и распределение ресурсов Интернета. ICANN и IGF одновременно конкурируют и дополняют друг друга.

В настоящее время концепция многостороннего участия глубоко укоренилась в сердцах людей и стала консенсусным принципом управления Интернетом. Однако модель участия многих заинтересованных сторон имеет двойственную природу. С одной стороны, данная модель является системно-нейтральной, и все заинтересованные стороны могут участвовать в управлении Интернетом, выдвигать свои требования и принимать участие в принятии решений; с другой стороны, модель не является нейтральной, и разные участники имеют разную степень участия в системе и разную степень доходности. Обычным гражданам трудно участвовать в управлении Интернетом. Развивающиеся страны также получают меньше выгоды от многосторонних режимов, чем страны с доминирующим режимом. В крайних случаях система с участием многих заинтересованных сторон может оказаться под контролем доминирующей страны и превратиться в ложную платформу для диалога.

2.1.3 Многосторонняя модель

Многосторонняя модель зародилась после Первой мировой войны. Бывший президент США Вудро Вильсон попытался создать межправительственную организацию, которая стала бы платформой для международных переговоров. В 1920 году была создана Лига Наций, основанная на этой идее. Однако Лига Наций потерпела неудачу и не смогла сохранить мир во всем мире. После Второй мировой войны инициатива создания глобальной организации вернулась на мировую арену и в итоге превратилась в самую важную международную организацию – Организацию Объединенных Наций.

Основа многостороннего подхода, несомненно, ориентирована на государство. После установления Вестфальской системы суверенные государства стали наиболее важными игроками в мировой политике. Поэтому под многосторонними отношениями традиционно понимаются отношения между тремя и более государствами. Суверенные государства доминировали в развитии мировой политики, которая превращалась в закрытую систему по мере того, как суверенные государства фрагментировали мировое пространство¹⁸³. Решающую роль в ООН по-прежнему играет национальное правительство. Однако члены многосторонней модели обладают разным объемом власти, одни члены не равны другим членам. Это создает упорядоченность между государствами, что приводит к формированию международного порядка. Задуманная многосторонность была сведена на нет биполярной моделью мира.

После окончания холодной войны в мировом порядке произошел резкий сдвиг. На смену биполярной модели пришел однополярный мир. В настоящее время хотя Соединенные Штаты остаются самой могущественной страной в мире с точки зрения общей мощи, налицо признаки упадка американской гегемонии. В глобальном масштабе позиции США остаются неприступными,

¹⁸³ Schweller, R. L. (2010) 'Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity has become Less Meaningful', Cambridge Review of International Affairs, 23 (1), pp. 149.

однако в некоторых регионах региональные державы бросают США вызов. В экономическом плане на Соединенные Штаты начали наступление Китай, Япония и Европейский союз. Китай стал соперником США в технологическом плане. Мир перешел к многополярности. Многополярность способствовала возвращению многосторонности. Фактически функционирование многосторонней модели помогло небольшим странам лучше ограничивать власть гегемонистских держав.

Сегодня мир сталкивается с новыми кризисами и вызовами по многим направлениям, таким как миграция, финансовые рынки и последующая оборона. В отличие от традиционных вопросов безопасности, эти проблемы не могут быть полностью решены правительствами. Без участия заинтересованных сторон, таких как бизнес, граждане, технические специалисты и другие, здесь не обойтись. Взаимодействие государства с обществом и рынком играет еще более важную роль. Таким образом, многосторонняя модель должна прийти к обновлению.

Новая многосторонняя модель представляет собой структуру «сверху вниз». Государственное правительство находится в центре управления и имеет право принимать решения по вопросам политики. Негосударственные субъекты могут участвовать в управлении, но их власть часто зависит от объема полномочий, уступаемых государством.

Количество международных организаций в новой многосторонней модели огромно. Однако, чем больше членов в международной организации, тем сложнее добиться коллективных действий. Организация Объединенных Наций широко критикуется за административную неэффективность при огромном количестве участников. Поэтому ключевую роль играют международные механизмы с меньшим числом участников. Продвигается своего рода «легкая многосторонность», активно действуют такие консультативные механизмы, как G20, G7 и БРИКС. Европейский союз часто рассматривается как образец многосторонней модели, но и он нередко сталкивается с дилеммами коллективных действий, которые затрудняют

выработку политики. Другие встречи крупных держав – важный способ решения этой проблемы.

В области управления Интернетом ситуация другая. Управление Интернетом изначально создавалось как горизонтальная модель, в которой доминирующими игроками являются техническое сообщество и частный сектор, а не государство. Фактически правительства других стран, кроме Соединенных Штатов, пришли в эту сферу с опозданием.

Инцидент с Prism Gate, к которому привели высказывания Сноудена, оказал огромное влияние на систему управления Интернетом. Правительства обеспокоены собственной кибербезопасностью и в то же время проявляют сильное недовольство доминированием Соединенных Штатов в сфере интернет-ресурсов. Концепция сетевого суверенитета становится неотъемлемой частью управления Интернетом.

Развивающиеся страны считают, что хваленая «свобода интернета» Запада на самом деле является предлогом для цифрового колониализма. Западные капиталистические олигархи разграбили интернет-рынки развивающихся стран и подорвали их суверенитет во многих областях, включая СМИ и коммуникации, поэтому необходимо провести «ресуверенизацию» киберпространства, чтобы защитить национальный суверенитет от посягательств. Китай и Россия являются ключевыми сторонниками теории киберсуверенитета. Правительство Китая считает, что киберсуверенитет является естественным продолжением суверенитета государства в киберпространстве и как таковой не должен зависеть от влияния других государств, а российские ученые придерживаются того же понимания киберсуверенитета, что и китайские¹⁸⁴. В 2016 году председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ Владимир Путин подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в развитии информационного пространства, продемонстрировав свою решимость совместно защищать киберсуверенитет.

¹⁸⁴ Михалевич, Е. А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 259.

Развивающиеся страны во главе со странами БРИКС настаивают на многостороннем сотрудничестве и совместных консультациях, придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела других стран, выступают за многополярность кибермира и равноправие международного сотрудничества, а также против однополярного доминирования США в кибермире.

Международный союз электросвязи (ITU) – старейшая среди учреждений ООН международная организация. В 1988 году ITU сформулировал Регламент международной электросвязи (РМЭ), который включает в себя общие принципы международной телекоммуникационной деятельности, такие как содействие глобальной взаимосвязи и поддержка развития телекоммуникационных технологий. На Всемирной конференции по международной электросвязи (ВКМЭ-12), состоявшейся в Дубае в 2012 году, с учетом развития Интернета был принят Регламент международной электросвязи (РМЭ-12). В Регламент международной электросвязи (РМЭ) были внесены поправки, уточняющие полномочия и обязанности государств по эксплуатации Интернета и вводящие понятие кибербезопасности. Несмотря на впечатляющие результаты конференции, окончательный вариант Международного соглашения по Интернету подписали только 89 из 144 делегаций, причем США, страны-члены ЕС, Канада, Швейцария и ряд других стран отказались подписывать новое соглашение.

Помимо Международного союза электросвязи (ITU), площадками для обсуждения вопросов Интернета стали и традиционные многосторонние консультативные механизмы. Вследствие огромного влияния Интернета проблемы в этой области все больше распространяются на политическую, экономическую, социальную и культурную сферы. Чтобы решить эти проблемы более адекватно и фундаментально, такие важные международные организации, как G20, G7, БРИКС, ОЭСР и др. также включили вопросы, связанные с Интернетом, в свои обсуждения. 28 апреля 2021 года страны G7 подписали соглашение, определяющее общие принципы решения глобальных

проблем кибербезопасности, включая то, что киберкомпании должны внедрять соответствующие системы и процессы для смягчения последствий незаконной и вредной деятельности и уделять приоритетное внимание защите детей¹⁸⁵. 30 октября 2023 года лидеры стран G7 провели Хиросимский процесс AI в попытке безопасно управлять развитием AI, обеспечить управление рисками и дальнейшую реализацию потенциала AI¹⁸⁶. 23 мая 2022 года в Сямэне (Китай) состоялся Форум БРИКС по развитию промышленного интернета и цифрового производства, на котором была обнародована инициатива БРИКС по сотрудничеству в области цифровой трансформации производства. Основное содержание инициативы включает: 1) достижение консенсуса по цифровому развитию; 2) создание доступной цифровой инфраструктуры; 3) полное стимулирование ценности элементов данных; 4) ускорение цифровой трансформации обрабатывающей промышленности; 5) помощь малым, средним и микропредприятиям в инклюзивном росте; 6) содействие новым цифровым режимам и новым формам бизнеса; 7) углубление цифровизации и экологизация синергии; 8) укрепление международного обмена высококлассными специалистами и сотрудничества; 9) создание новой экосистемы открытости и синергии; 10) создание многосторонних механизмов международного сотрудничества¹⁸⁷. Консультации в рамках традиционных международных механизмов имеют огромное значение для стратегического развития глобального Интернета, особенно в области кибербезопасности, где многостороннее сотрудничество на уровне государств просто необходимо.

¹⁸⁵ G7 Signs Statement on Ensuring a Secure and Open Internet. 七国集团签署声明，确保互联网安全和开放 <https://www.secrss.com/articles/30905/> Дата обращения: 22.08.2023

¹⁸⁶ Nations rush to hold AI summit How are the UK, US, G7, and UN's AI plans different? 各國搶着舉行人工智能峰會，英美 G7 與聯合國的 AI 計劃有何不同？ https://www.hk01.com/article/957495?utm_source=01articlecopy&utm_medium=referral.html Дата обращения: 02.03.2024.

¹⁸⁷ Форум БРИКС по развитию промышленного интернета и цифрового производства выпустил Инициативу БРИКС по сотрудничеству в области цифровой трансформации производства. 金砖国家工业互联网与数字制造发展论坛发布《金砖国家制造业数字化转型合作倡议》 <https://fdi.swt.fujian.gov.cn/show-13927.html> Дата обращения: 12.11.2023.

Таким образом, между моделью, возглавляемой техническим сообществом, моделью участия многих заинтересованных сторон и многосторонней моделью существуют значительные различия, которые заключаются в различных субъектах управления, уровнях ролей, стадиях доминирования и направлениях деятельности управления, как показано в таблице 4 ниже:

Таблица 4 – Сравнение различных моделей управления Интернетом

Модель управления	Уровень управления	Этап управления	Направление управления	Субъекты управления
Модель под руководством технического сообщества	Логический слой	Технологический старт	Снизу вверх	Техническое сообщество
Модель участия многих заинтересованных сторон, ориентированная на ICANN	Прикладной слой	Коммерциализация	Снизу вверх	Сообщество по расширению прав и возможностей
Модель участия многих заинтересованных сторон, ориентированная на IGF	Прикладной слой, поведенческий слой	Социализация	Снизу вверх	Множество субъектов
Многосторонняя модель	Физический слой, поведенческий слой	Социализация	Сверху вниз	Национальное правительство

И модель, возглавляемая техническим сообществом, и модель участия многих заинтересованных сторон, ориентированная на ICANN, имеют в своей основе частный сектор, что позволяет избежать неэффективности, связанной с межправительственными играми. Однако из-за низкого уровня участия

государства эта модель не способна играть роль в решении более широкого круга политических, экономических и социальных вопросов. А модель, ориентированная на IGF, хотя и сочетает модель участия многих заинтересованных сторон и участие государства, она не имеет обязательной силы, что затрудняет формирование коллективного консенсуса и достижение согласованной политики. На этапе социализации Интернета участие правительства имеет большое значение. Переговоры и консультации с правительствами остаются наиболее важными в сферах экономики и безопасности, однако глобальные институты, представленные Организацией Объединенных Наций, несомненно, находятся в условиях дилеммы коллективных действий. Легкая многосторонность и двусторонние переговоры в большей степени способствуют достижению геополитического консенсуса, поскольку небольшое число государств-членов может относительно уменьшить конфликт интересов между собой.

В настоящее время конкуренция между интернет-моделями идет в основном между моделью участия многих заинтересованных сторон и моделью многосторонности. Концепция многостороннего участия укоренилась в глубинных слоях Интернета и стала консенсусом в управлении Интернетом. Децентрализованная, эгалитарная и основанная на сотрудничестве модель сетевого управления соответствует структурным характеристикам Интернета. Однако проблемы, возникающие в традиционных доменах в результате действий в сети Интернет, должны предполагать обязательное участие государства в выработке политики, особенно в области кибербезопасности, которая является основной сферой интересов суверенных государств. Кроме того, модели многостороннего взаимодействия не хватает инклюзивности и открытости для других участников. У этих двух моделей управления есть свои сильные и слабые стороны, а этапы и уровни развития Интернета, на которых их управление играет роль, фактически не совпадают. По сути, конкуренция между двумя

моделями управления является частью геополитического соперничества между странами, которые доминируют в этих моделях.

2.2 Изменения в развитии системы глобального управления Интернетом и геополитические игры великих держав

Вместе с рождением и развитием Интернета менялась и глобальная система управления Интернетом. Эти изменения связаны как с изменениями в самом Интернете, так и с изменениями в интересах многочисленных заинтересованных сторон. По мере того как Интернет приобретает все большее значение для мира, национальные правительства вступают в масштабные игры вокруг управления Интернетом. Направление развития глобальной системы управления Интернетом фактически зависит от результатов геополитических игр, в которые играют ведущие державы.

2.2.1 Стадия Технологического начала: одаренность, владение, институционализация

Изначально Интернет был создан техническим сообществом. По мере своего развития Интернет приобретал больше функций и атрибутов, и вокруг этого нового ресурса сформировались специализированные системы управления. Процесс формирования систем управления Интернетом делится на три специфических этапа: одаренность, распределение и институционализация¹⁸⁸. Трансформация этого процесса связана с развитием технологических достижений и популяризацией технологических приложений, а также зависит от конкуренции между двумя основными участниками процесса управления Интернетом – техническим сообществом и правительством США.

¹⁸⁸ Мюллер М.Л. Управление Интернетом с самого начала: Управление Интернетом и приручение киберпространства [米尔顿·L·穆勒, 从根上治理互联网: 互联网治理与网络空间的驯化], Пекин: Издательство электронной промышленности, 2019, 53.

1. Одаренность

Технологическое развитие создает новые ресурсы и повышает ценность определенных ресурсов. После созревания технологические достижения неизбежно переходят к гражданской популяризации, а затем попадают на рынок и вступают в процесс коммерциализации. По мере развития технологий и рыночного спроса коммерческая ценность ресурсов будет постоянно увеличиваться. Наиболее очевидными примерами являются нефть, природный газ, уран и ряд минеральных ресурсов. В этом процессе технология выполняет функцию придания коммерческой ценности. Цифровые технологии создали совершенно новое пространство и огромное количество новых ресурсов, таких как данные, искусственный интеллект, 5G, облачные вычисления, блокчейн и так далее. Самым влиятельным технологическим феноменом, вызвавшим обретение ценности на заре становления интернета, была интернет-система, представленная Всемирной паутиной.

В 1990-х годах система IP/TCP стала наиболее широко используемой сетевой платформой, и ее применение не ограничивалось только сферой образования и научных исследований. В 1991 году компания Network Solution Inc. (NSI) заключила контракт с компанией Government Systems Inc. (GSI) на регистрацию доменных имен Министерства обороны США. Началась коммерциализация Интернета.

Появление Всемирной паутины (WWW) значительно повысило коммерческую ценность Интернета, который основан на модели клиент/сервер и базируется на языке разметки гипертекста (приложение стандартного обобщенного языка разметки) и протоколе передачи гипертекста. Это система просмотра информации, способная предоставлять Интернет-ориентированные услуги с согласованным пользовательским интерфейсом. Сервер WWW использует гипертекстовую ссылку для соединения информационных страниц, которые могут быть размещены как на одном хосте, так и на хостах в разных географических точках; эта связь поддерживается с помощью унифицированного указателя ресурсов (URL), а программное

обеспечение клиента WWW (т.е. WWW-браузер) отвечает за отображение информации и отправку запросов на сервер. URL легче запомнить, понять и продвигать.

Интернет использует гипертекстовую и гипермедийную организацию информации для распространения ссылок на информацию по всей Сети. Пользователи, использующие WWW, могут получить доступ не только к информации веб-сервера, но и к FTP, Telnet и другим сетевым сервисам.

Данный период развития Сети получил название Web 1.0, а его основной функцией было предоставление информации¹⁸⁹. Существование Web значительно упрощает создание и распространение интернет-ресурсов, а рост числа веб-страниц значительно превышает рост числа пользователей. Домены верхнего уровня, представленные .com, .net и .org, стали основой рынка доменных имен, а домены второго уровня под .com имеют еще большую ценность из-за атрибута по умолчанию .com. После продвижения основных доменных имен рынок доменных имен второго уровня в доменах верхнего уровня для конкретных стран также переживает бум. Веб-домены второго уровня позволяют правительствам и предприятиям иметь значимые координаты для позиционирования в Интернете. Платная регистрация доменных имен второго уровня позволяет владельцам доменов верхнего уровня и корня получать значительные выгоды, повышая тем самым значимость корня.

Результатом технологического развития является доходность¹⁹⁰. По мере роста спроса неизбежно растут конфликты вокруг доменных имен второго уровня как общественного ресурса. Возникают споры о правах собственности. Происходит усиление влияния конфликтов, связанных с распределением прав на доменные имена верхнего и второго уровней, а также на домены с

¹⁸⁹ Терехин Д.А. Концепция Web 3.0 или инструмент управления организациями будущего // Креативная экономика. 2010. № 7. С. 123.

¹⁹⁰ Мюллер М.Л. Управление Интернетом с самого начала: Управление Интернетом и приручение киберпространства [米尔顿·L·穆勒, 从根上治理互联网: 互联网治理与网络空间的驯化], Пекин: Издательство электронной промышленности, 2019, 56.

товарными знаками. Такие конфликты напрямую ведут к конфликтам вокруг прав собственности на корень.

2. Владение

В первые дни существования Интернета многие его функции выполнялись при поддержке и финансировании военных. Контракт Джона Постела с IANA финансировался DARPA, что фактически дало Постелу военное образование. Постел также был одним из лидеров технического сообщества. Таким образом, Постел стал идеальным буфером между военным и гражданским сообществами. Но это также размывало истинную природу системы DNS, которой управлял Постел. После того как коммерческая ценность Интернета резко возросла, конфликты вокруг корневой зоны сильно обострились, и многие субъекты претендовали на право владения корнем.

В 1994 году Постел стал автором проекта, в котором предлагалось предоставить совету ISOC, Общества Интернета полномочия делегировать Совету по архитектуре Интернета (IAB) полномочия по дальнейшему выбору органа по присвоению номеров в Интернете (IANA), что, по сути, было попыткой приватизировать суверенитет над корнем. С самого начала создания организационной структуры ISOC она преобладала над первоначальными органами интернет-сообщества (IETF, IANA, IAB и т.д.). Его основная роль заключалась в том, чтобы выступать в качестве юридического лица, помогающего другим организациям технического сообщества решать юридические вопросы и оказывать финансовую поддержку. После стремительного расширения рынка доменных имен юридические риски компании Постела, связанные с управлением системой доменных имен (DNS), резко возросли. В результате пришло понимание, что управление корнем должно осуществляться физической организацией. Большая экономическая ценность корня также помогла ISOC и финансируемым им техническим организациям решить свои экономические проблемы.

В ноябре 1995 года совет директоров ISOC предложил взять на себя официальную роль, которая включала бы определение политики, обеспечение

административного надзора и непосредственное управление выбором поставщиков услуг TLD за пределами страны¹⁹¹. Однако легитимность ISOC была поставлена под сомнение многими заинтересованными сторонами. В этих условиях ISOC пришлось пойти на институциональные изменения, если оно хотело сохранить контроль над корнем, и в октябре 1996 года был создан Международный специальный комитет (ΙΑНС), состоящий из 11 представителей различных заинтересованных сторон, который представлял собой попытку объединить многочисленные заинтересованные стороны Интернета, но в то же время представлял собой попытку бросить вызов NSI, – создание ΙΑНС означало отказ от NSI.

Хотя ядром ΙΑНС по-прежнему является техническое сообщество, его методы работы далеки от методов традиционных организаций технического сообщества; заседания ΙΑНС являются закрытыми, протоколы не являются обязательными, ΙΑНС стремится перевести управление ресурсами доменных имен в рамки ITU. В схеме ΙΑНС функция регистрации доменных имен является монополией, и на этой основе был создан международный картель.

Система управления ΙΑНС построена на основе документа gTLD-MoU – Меморандума о взаимопонимании в домене верхнего уровня, который обеспечивает механизм решения проблем и является формой совместного управления на основе консенсуса.

В институциональном плане gTLD-MoU имеет хорошо отлаженную систему саморегулирования (self-regulatory framework), состоящую из пяти органов:

- the Depository of the gTLD-MoU
- a gTLD Policy Advisory Body
- a gTLD Policy Oversight Committee
- a Council of Registrars
- Administrative Domain Name Challenge Panels

¹⁹¹ Proposal for an ISOC Role in DNS Name Space Management. <https://datatracker.ietf.org/doc/pdf/draft-isoc-dns-role-00> Access date: 10.09.2023.

Генеральный секретарь ITU Пекка Тарьянне назвал его международным примером «добровольного многостороннего сотрудничества»¹⁹². GTLD-MoU был официально подписан Постелом и др. 1 марта 1997 года и в настоящее время приобрел окончательную форму.

Меморандум о взаимопонимании по gTLD-MoU представляет собой изменение идентичности, к которой стремится техническое сообщество. Техническое сообщество стремится превратиться из оператора в участника политики Интернета. Стремление технического сообщества к корневому суверенитету неизбежно вступает в конфликт с целями NSI, которая является символом монополии правительства США на Интернет и представляет интересы правительства США в области распределения доменных имен, что порождает неизбежный спор об интересах технического сообщества и правительства США.

Меморандум нанес огромный ущерб интересам NSI, которая предприняла попытку ослабить его влияние или сделать неэффективным путем лоббирования в правительстве США. В то же время NSI мечтала о перспективе полного суверенитета над доменами верхнего уровня, такими как .com, в проекте Постела.

Битва вокруг корневых серверов – это, по сути, соревнование между техническим сообществом и правительством США. Техническое сообщество пытается сохранить собственное влияние в Интернет-сфере, однако факт заключается в том, что по мере роста влияния Интернета и коммерциализации государственная власть неизбежно будет вмешиваться в контроль над Интернетом, наиболее важной частью которого является контроль над корневым сервером.

3. Институционализация

¹⁹² Pekka Tarjanne, ITU Secretary-General, Keynote Address at the Internet Domain Names Information Session at the Meeting of Signatories and Potential Signatories of the Generic Top Level Domain Memorandum of Understanding: Internet Governance—Towards Voluntary Multilateralism (Apr. 29, 1997), available at <https://www.itu.int/itudoc/osg/spu/pres/dev-mark/> Access date: 23.11.2023.

Правительство США высказало противоположные взгляды на gTLD-MoU. Белый дом особенно возмущал тот факт, что главную роль в gTLD-MoU сыграл ITU. Правительство США заявило, что чрезмерное участие международных организаций будет препятствовать приватизации корня. В связи с разногласиями по поводу желания NSF отстраниться от владения root, Министерство торговли США заменило NSF в качестве регулятора своим подразделением – Национальной администрацией по телекоммуникациям и информации (NTIA). Для борьбы с правительством США ИАНС попытался заручиться поддержкой иностранных правительств. ИАНС утверждал, что Интернет как глобальный ресурс не должен принадлежать только правительству США. Это и стало причиной его лоббирования по всему миру.

30 января 1998 года NTIA опубликовала уведомление о предлагаемых правилах, которое стало известно как «Зеленая книга»¹⁹³. В «Зеленой книге» правительство США заявило о своей собственности на корень и систему доменных имен, утверждая при этом, что откажется от суверенитета над корнем после вмешательства многих заинтересованных сторон. Хотя в «Зеленой книге» признаются интересы многих заинтересованных сторон в управлении Интернетом, в ней утверждается, что ведущую роль в управлении Интернетом должны играть Соединенные Штаты. В «Зеленой книге» утверждается, что только контроль правительства США над корнем обеспечит бесперебойное и эффективное функционирование Интернета.

Хотя техническое сообщество находится в невыгодном положении в соперничестве с правительством за контроль над корнем, нет никаких сомнений в том, что техническое сообщество не хочет отказываться от своих притязаний на корень. Как представитель технического сообщества Постел бросил вызов правительству США. В январе 1998 года он разослал электронное письмо всем вспомогательным серверам корневых имен с просьбой ссылаться на IANA как на источник авторитетных документов

¹⁹³ A Proposal to improve technical management of Internet names and addresses. Discussion draft 1/30/98. <https://www.ntia.gov/files/ntia/publications/dnsdrft.txt> Access date:02.04.2024.

корневой зоны. 8 из 20 серверов корневых имен приняли участие в этой кампании. Таким образом, борьба за суверенитет корневой зоны перешла от политики и деклараций к реальным действиям. Однако позже Постел восстановил конфигурацию сервера до первоначального состояния по требованию правительства США.

Система формировалась в ходе дискуссий, переговоров и компромиссов. В конце концов техническое сообщество, правительство США и крупные телекоммуникационные компании пришли к многостороннему консенсусу о том, что ядром нового механизма управления Интернетом должно стать расширение Центра присвоения номеров в Интернете (IANA) и что орган управления должен остаться в США. В новом механизме управления техническое сообщество отвечает за принятие ключевых политических решений, повседневную работу и обслуживание, а правительство США – за разработку основных принципов и норм, обеспечивающих стабильную среду для управления Интернетом. Таким образом, правительство США становится центром примирения многих заинтересованных сторон. С другой стороны, будучи политическим субъектом, правительство США также служит каналом для связи многих заинтересованных сторон с другими странами и международными организациями. Таким образом, правительство США становится центром этой новой системы управления Интернетом, и можно сказать, контролирует систему управления Интернетом. Правительство США получило возможность создать эту систему благодаря своему преимуществу первого лица в области Интернета. А ITU утратил свое доминирующее положение в процессе формирования новой системы.

5 июня 1998 года правительство США опубликовало план создания новой системы – «Белую книгу»¹⁹⁴. Министерство торговли США заявило, что оно одобрит создание новой некоммерческой организации для управления системой доменных имен и адресов. Хотя в «Белой книге» говорилось о

¹⁹⁴ Statement of Policy on the Management of Internet Names and Addresses. <https://www.ntia.gov/federal-register-notice/statement-policy-management-internet-names-and-addresses> Access date: 19.11.2023.

намерении правительства США ждать, пока заинтересованные стороны сами создадут новый орган, в ней также оговаривалось, что штаб-квартира нового органа должна находиться в США и что он должен быть справедливым и сбалансированным по отношению к заинтересованным сторонам. В октябре того же года была создана Корпорация по присвоению имен и номеров в Интернете (ICANN). Затем ICANN передала функции IANA Институту информационных наук Университета Южной Калифорнии. С тех пор ICANN стала основным органом системы управления Интернетом в рамках модели участия многих заинтересованных сторон, наделенным такими полномочиями и обязанностями, как управление распределением доменных имен и адресных ресурсов Интернета.

2.2.2 Стадия коммерциализации

В конце XX – начале XXI века Интернет вступил в фазу быстрого развития и популяризации. Благодаря тому, что DSL и кабельные модемы заменили коммутируемую связь в качестве основного средства доступа в Интернет, скорость в сети значительно возросла. Развитие доступа к сети привело к быстрому росту числа интернет-пользователей в этот период. В 1995 году число пользователей Интернета в мире составляло 39,14 млн человек, в 2000 году оно увеличилось до 414,01 млн, а в 2010 году число пользователей Интернета превысило 2 млрд человек.

Увеличение числа пользователей привело к расширению интернет-рынка. Коммерческая ценность Интернета привлекла внимание людей. В этот период индустрия Интернета всесторонне развивалась, расширялась сфера интернет-услуг. Google с его точными алгоритмами доминировал на рынке поисковых систем и упростил поиск в Интернете. Amazon и Ebay способствовали развитию электронной коммерции, онлайн-покупки стали выбором многих потребителей, а электронная коммерция, в свою очередь, привела к дальнейшему развитию электронных платежей, логистики и других смежных

отраслей. В этот период также появилось множество социальных платформ, таких как Friendster и MySpace, созданные в 2003 году, и Facebook, созданный в 2004 году. Интернет начал превращаться из чистой платформы обмена информацией, полагающейся на статичные страницы, в платформу, поддерживающую интерактивность и мультимедиа, с рынком для предоставления товаров и услуг. Т. Флю, профессор Университета Квинсленда в Брисбене, описывает развитие «Web 2.0» как «развитие от персональных страниц до блогов и блоггеров, от простой публикации материалов до участия и обсуждения»¹⁹⁵. Интернет-экономика стала важной частью рыночной экономики. Этап коммерциализации заложил хорошую основу для развития цифровой экономики.

Данные по количеству и доле пользователей Интернета в мире в период с 1995 по 2010 годы представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Количество и доля интернет-пользователей в 1995 – 2010 годах¹⁹⁶.

Год	Количество пользователей Интернета	Доля пользователей Интернета
1995	39.14 млн	0.7
1996	77.09 млн	1.3
1997	120.46 млн	2.0
1998	187.79 млн	3.1
1999	280.91 млн	4.6
2000	414.01 млн	6.7
2001	502.05 млн	8.1
2002	664.53 млн	10.5
2003	780.61 млн	12.2
2004	912.78 млн	14.1

¹⁹⁵ Flew, T. New Media. - Oxford : Oxford University Press, 2008. - 340 p.

¹⁹⁶ Interactive charts on Internet. <https://ourworldindata.org/internet> Access date: 10.02.2024.

2005	1.03 млрд	15.7
2006	1.16 млрд	17.4
2007	1.37 млрд	20.4
2008	1.57 млрд	23.0
2009	1.77 млрд	25.6
2010	2.02 млрд	28.8

На этапе коммерциализации экономическая ценность Интернета резко возросла, поэтому развитие и управление глобальным Интернетом привлекло большое внимание правительств. Интернет и его продукты фактически стали ресурсами в концепции геополитики. А одним из центров геополитики является борьба за ресурсы между крупными державами. Поэтому контроль над Интернетом и его продуктами стал новым объектом геополитической конкуренции. В процессе геополитических игр на этапе коммерциализации Интернета наиболее острая конкуренция и конфликт разворачиваются вокруг ICANN и IGF.

Появление ICANN тесно связано с DNS и IP, которые поддерживают работу Интернета. ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) – это некоммерческая международная организация, основанная в сентябре 1998 года, которая отвечает за систему уникальных идентификаторов в Интернете. В ее задачи входит глобальная координация и безопасная и стабильная работа системы уникальных идентификаторов Интернета, включая пространственное распределение адресов Интернет-протокола (IP), назначение идентификаторов протоколов, обслуживание системы корневых серверов, управление общими доменами верхнего уровня (gTLD) и национальными доменами верхнего уровня (ccTLD)¹⁹⁷.

ICANN полагается на рыночные сделки и многосторонние переговоры: она была создана, по сути, для монополизации рынка корневых серверов имен,

¹⁹⁷ ICANN. <https://www.icann.org/resources/pages/welcome-2012-02-25-en> Access date: 19.11.2023.

в то время как продвижение повестки дня Интернета зависит от политических консультаций «снизу вверх» и координации рынка. Таким образом, модель политики ICANN соответствует модели участия многих заинтересованных сторон, описанной выше. Несмотря на либеральные ожидания, которые многие связывают с «Интернетом», ICANN на самом деле представляет собой новую систему международного управления, построенную вокруг глобального общего ресурса. Деятельность ICANN очень похожа на защиту национального суверенитета. Контроль агентства над корневыми серверами имен означает, что ICANN обладает абсолютной властью в онлайн-мире.

Соединенные Штаты уже давно поддерживают тесные отношения с ICANN. Фактически, ICANN, будучи неправительственной организацией, зарегистрированной в США, подчиняется строгим ограничениям американского законодательства; многие важные решения ICANN могут быть реализованы только с одобрения Министерства торговли США (DOC), о деятельности ICANN необходимо регулярно отчитываться перед DOC. В течение долгого времени совет директоров ICANN находился в руках англоязычного мира. Легитимность и справедливость ICANN вызывает глубокие сомнения¹⁹⁸. Можно утверждать, что, хотя ICANN приняла модель участия многих заинтересованных сторон как основной принцип, Интернет находится в руках США. В управлении Интернетом США обладают как материальной властью (владение системой доменных имен и корневыми серверами имен), так и институциональной властью (система управления, в центре которой находится ICANN).

Возникновение WSIS, WGIG и IGF было вызвано недовольством развивающихся стран, представленных Китаем, Бразилией и Россией, тем, что США единолично контролируют ICANN. В отличие от своей позиции во внутренней политике и желания контролировать управление Интернетом, США в то же время выступают против усиления роли в ICANN правительств

¹⁹⁸ Jongen, H., Scholte, J.A. (2022). Inequality and legitimacy in global governance: an empirical study. *European Journal of International Relations*, 28(3), 669.

других стран¹⁹⁹. На двух ВВУИО обсуждалось множество тем, касающихся ICANN, в том числе управление системой доменных имен, внедрение в ICANN модели участия многих заинтересованных сторон, открытость и прозрачность ICANN, распределение интернет-ресурсов, включая ИС, система отчетности ICANN, а также координация политики ICANN с национальными законами и правилами. Однако это не оказало существенного влияния на ICANN и не привело к каким-либо эффективным решениям.

IGF, являясь производным от ВВУИО, представляет собой механизм продолжения обсуждений.

ICANN и IGF сосуществуют и совместно участвуют в управлении Интернетом длительное время. Однако между ними существуют также значительные отличия. В ICANN доминирует частный сектор и применяются принцип «снизу вверх» и принцип консенсуса, в то время как в IGF доминирует правительство, причем власть правительства не подавляет других участников, так что можно говорить о состоянии отсутствия доминирования. Таким образом, ICANN и IGF не дублируют друг друга, можно считать, что в данном случае имеют место взаимодополняющие отношения.

Прежде всего, взаимодополняющие отношения между ICANN и IGF отражаются в сфере управления и функциональной роли ICANN, основные вопросы которой сосредоточены на управлении Интернетом в узком смысле, а ее основное содержание – управление и распределение интернет-ресурсов; технические атрибуты ICANN более тяжелые, а ее целью являются конкретные интернет-ресурсы. В IGF обсуждаются вопросы управления Интернетом в широком смысле, и в сферу обсуждения включаются вопросы в политической, экономической, социальной и культурной областях, расширяемых Интернетом. IGF предоставляет многостороннюю платформу для обсуждения вопросов Интернета многими заинтересованными сторонами, чтобы удовлетворить интересы различных уровней.

¹⁹⁹ Zhang C., Liu J., Chhachhar A.R. (2020). A comparative study of the global internet governance system between China and the United States. *Indian Journal of Science and Technology*, 13(23), 2307.

Также ICANN и IGF дополняют друг друга с точки зрения конкретных процессов решения проблем Интернета. В целом, процесс решения проблем Интернета включает в себя постановку проблем, обсуждение проблем и решение проблем, и хотя ICANN имеет определенный механизм обсуждения, на самом деле ICANN играет роль скорее исполнительного органа для принятия конкретных мер в рамках своей сферы ответственности. IGF позиционируется как форум, его основная задача – поднимать вопросы и обсуждать их, и у него нет функции принятия и реализации решений. IGF, объединяющий множество заинтересованных сторон, имеет больше шансов достичь широкого консенсуса, что помогает сформировать единое мнение о развитии Интернета. Это мнение помогает ICANN в принятии решений, что, в свою очередь, влияет на разработку и реализацию политики ICANN.

Наконец, IGF дополняет широкое международное представительство ICANN. Хотя ICANN является международной организацией, ее процесс принятия решений и отношения с США подвергались широкой критике, а IGF, который связан с Организацией Объединенных Наций, включает в свои обсуждения более широкий круг заинтересованных сторон, и результаты этих обсуждений в большей степени отражают интересы многих сторон. Легитимность ICANN повышается благодаря более открытому и инклюзивному IGF, который охватывает более широкий круг вопросов, включая политику, экономику, культуру, безопасность, личную жизнь, устойчивое развитие и т.д. В период стремительного развития Интернета, это, скорее всего, поможет интернет-сектору выявить потенциальные проблемы и решить или избежать их. Для ICANN это также является основой для долгосрочного планирования развития.

ICANN и IGF одновременно и дополняют друг друга, и конкурируют: обе организации являются важными институтами управления Интернетом, имеющими огромное влияние в своих областях, и хотя обе утверждают, что принимают модель участия многих заинтересованных сторон, по сути представляют собой два противоположных способа управления Интернетом,

что обусловлено геополитическими интересами стран-лидеров этих двух институтов. Это обусловлено различными геополитическими интересами стран-лидеров двух организаций. Параллелизм двух институтов в области управления Интернетом на этапе коммерциализации символизирует противоположные геополитические интересы группы развитых стран во главе с США и группы развивающихся стран во главе с Китаем и Россией. Результатом геополитической игры в киберпространстве в этот период является то, что США контролируют ICANN и удерживают господство над основными ресурсами интернета, а Китай, Россия и другие страны доминируют в процессе работы IGF, предпринимая атаку на интернет-гегемонию США. Сосуществование ICANN и IGF, вызванное геополитическим противостоянием, привело к путанице в структуре управления Интернетом, что значительно затрудняет процесс управления и даже приводит к препятствиям в разработке политики управления Интернетом и стандартов интернет-технологий, что, в свою очередь, негативно сказывается на развитии интернет-технологий и рынка.

2.2.3 Стадия социализации

Концепция Web 2.0, родившаяся в 1999 году, стала популярной после первой конференции Web 2.0, организованной O'Reilly Media и MediaLive в 2004 году. В концепции Web 2.0 самым важным является участие пользователей Интернета в создании контента и взаимодействие между пользователями и веб-страницами. Во втором десятилетии XXI века концепция Web 2.0 была в значительной степени реализована. Интернет превратился в многофункциональную и высокоинтерактивную социальную сеть. Этот период можно назвать социальной фазой Интернета. Стоит отметить, что между фазами социализации и коммерциализации Интернета нет точной разделительной линии, и они даже частично пересекаются. В данной работе под этапом социализации Интернета понимается период с 2010

года по настоящее время. На этапе социализации ядром Интернета является пользователь. Взаимодействие с пользователем – и направление, и движущая сила развития Интернета.

Возникновение процесса социализации Интернета неразрывно связано с дальнейшим развитием интернет-технологий. Благодаря развитию технологий мобильной связи, удобство и популярность сетевого подключения сделали возможным для пользователей доступ к глобальной системе Интернета в любое время и в любом месте. Быстрое развитие и доступность компьютеров, мобильных телефонов и планшетов позволили большому числу людей иметь терминальные устройства для доступа в Интернет. Все вместе они заложили технологическую основу для социализации Интернета.

С другой стороны, после обретения технологической основы личность интернет-пользователей претерпела изменения. Став получателями информации, пользователи Интернета хотят более активно участвовать в создании Интернета и стремятся стать издателями и распространителями информации. Углубление глобализации также привело к тому, что глобальные пользователи хотят больше знать друг о друге. Интернет стал самым удобным способом общения, и транснациональный обмен информацией стал более частым.

Возникновение социальных сетей – главная особенность этапа социализации Интернета. Во втором десятилетии XXI века социальные платформы, представленные Facebook, Twitter, Instagram, VK, Weibo и другими программами, стали неотъемлемой частью жизни людей, а программы мгновенного обмена сообщениями, такие как WhatsApp, Facebook Messenger и WeChat, сократили социальную дистанцию между людьми и обеспечили взаимодействие в реальном времени без учета географического расстояния. Стали появляться проекты по обмену ресурсами и онлайн-сотрудничеству, возникли разнообразные интернет-сообщества.

В этот период начали появляться персонализированные сервисы. С появлением платформ социальных сетей и другого программного обеспечения

большое количество персональных данных стало поступать в интернет-компании, которые анализировали их с помощью алгоритмов и составляли точные рекомендации на основе личных предпочтений пользователей, облегчая им доступ к интересующему их контенту. В этот период данные стали важным ресурсом. Развитие облачных хранилищ, облачных вычислений, больших данных и других технологий сделало хранение и анализ данных более эффективным и важным, а также способствовало развитию других интернет-технологий.

В этот период изменились и бизнес-модели. С одной стороны, сочетание социальных сетей и электронной коммерции сделало социальные платформы лучшим местом для продвижения товаров. Пользователи стали делиться своим опытом покупок, чтобы дать другим потенциальным покупателям больше информации о товарах. С другой стороны, социальные сети стали новым местом для размещения рекламы. Реклама в Интернете более заметна и влиятельна, чем в реальности. Персонализированные push-уведомления способны таргетировать рекламные рекомендации, сокращая неэффективные траты на рекламу и привлекая больше потенциальных покупателей. Интернет-знаменитости и лидеры мнений также стали новым каналом сбыта продукции, а их влияние используется для продвижения товаров, что стало основным способом рекламы. На традиционную модель покупок повлияло стремительное развитие электронной коммерции.

Процветание социальных платформ также изменило способ распространения информации. Опираясь на социальные сети, социальные медиа оказали большое влияние на традиционные СМИ. Процесс социализации Интернета приводит к тому, что традиционные СМИ перестают монополизировать власть над распространением информации, и каждый пользователь Интернета может стать издателем и распространителем новостей. Интернет позволяет новостям в социальных сетях распространяться быстрее и быть более своевременными, чем в традиционных СМИ. Особенно это актуально при освещении чрезвычайных ситуаций. Пользователи Интернета,

находящиеся на передовой, могут использовать социальные сети для передачи информации о ситуации на месте происшествия в режиме реального времени, предоставляя другим пользователям Интернета последнюю информацию о развитии инцидента. В социальных медиа интернет-пользователи не только читают новости, но и видят, как другие пользователи оценивают новостные события, эта интерактивность также намного опережает традиционные СМИ. Сила социальных медиа также привела к снижению доходов от рекламы для традиционных СМИ, что вынуждает их трансформировать свой контент и формат. Создание корпоративных веб-страниц, программного обеспечения или аккаунтов на социальных платформах стало выбором, который пришлось сделать большинству традиционных СМИ, чтобы адаптироваться к новой медиасреде.

Процесс социализации Интернета затронул и политическую сферу. Во-первых, Интернет стал местом для проведения политических кампаний. Реклама через социальные платформы может привлечь больше людей. Интернет также стал инструментом для организации политических кампаний. Во-вторых, Интернет изменил политические кампании. Участники кампаний используют социальные платформы для продвижения своих политических идей и привлечения уже состоявшихся и потенциальных избирателей. Это более эффективно, чем традиционные избирательные кампании. Например, Дональд Трамп часто использовал Twitter в рамках своей предвыборной кампании в преддверии выборов 2016 года в США²⁰⁰, напрямую общаясь со своими избирателями и оказывая на них влияние. Наконец, Интернет стал средством государственного управления. Распространение правительственной информации о политике через Интернет повысило прозрачность работы правительства. Интернет также стал новым каналом для участия масс в политической деятельности. Массы могут выражать свои мнения и предложения через Интернет, они также могут контролировать

²⁰⁰ Annika Kay Larson. Donald Trump's Twitter and His Influence on the Media: A Study of How Political Social Media Accounts Impact Press Coverage. University of Washington. <https://com.uw.edu/wp-content/uploads/2021/08/Larson-Honors-Thesis-Final.pdf> Access date: 11.02.2024.

правительство, что улучшает механизм контроля и подотчетности правительства. Анализируя данные пользователей Интернета, правительство может более точно находить решения и реагировать на вопросы, которые больше всего волнуют людей, что повышает эффективность работы правительства и удовлетворенность людей.

С социализацией Интернета возник ряд новых геополитических событий. В эпоху глобализации международная конкуренция становится все более жесткой, а уровень развития технологий часто определяет статус страны в международной экономической, политической и военной сферах. Чтобы получить преимущество в конкурентной борьбе, страны рассматривают технологическое развитие как важный стратегический инструмент для повышения своей конкурентоспособности с помощью технонационализма. Под влиянием технонационализма конкуренция между странами в сфере Интернета может перерасти в конфликты на различных фронтах, включая политический, экономический и военный.

Интернет оказал огромное влияние на международную политику и стал причиной новых геополитических конфликтов: в 2010 году компания Google ушла с китайского рынка из-за спора с китайским правительством по юридическим вопросам, а в 2011 году Жасминовая революция в Тунисе спровоцировала начало Арабской весны, которая привела к масштабным политическим потрясениям в Северной Африке и на Ближнем Востоке в результате брожения социальных сетей. В 2013 году скандал Prism Gate, в ходе которого Сноуден разоблачил массовую слежку США за другими странами, вызвал опасения по поводу кибербезопасности. Эта серия событий показывает, что влияние интернета на геополитику растет по мере его развития.

На этом этапе сформировался цифровой альянс, ядром которого стали США и Китай. Обе стороны вели ожесточенную конкурентную борьбу за цифровую инфраструктуру (звездные цепи, базовые станции 5G) и высокотехнологичные цифровые технологии (искусственный интеллект, 6G, квантовые коммуникации). Глобальный Юг находится в невыгодном

положении в технологической конкуренции и полагается на импорт с глобального Севера для технологического развития. Таким образом, в ситуации поляризованного противостояния в цифровой сфере глобальный Юг вынужден выбирать между двумя сторонами. На глобальном Юге растет тенденция к выбору так называемых «гибких» международных партнерств. «Гибкие» международные партнерства позволяют странам „глобального Юга“ конкурировать и сотрудничать в рамках этих партнерств²⁰¹. Таким образом, интересы глобального Юга будут максимально учтены.

Развитие Интернета привело к постепенной и частой передаче трансграничной информации, что вызвало обеспокоенность национальных правительств по поводу кибербезопасности и утечки личной информации. Киберсуверенитет и информационный суверенитет оказались в центре внимания государств в этот период. С одной стороны, возвращение суверенитета в киберпространство действительно обеспечило национальную безопасность и защиту личных интересов пользователей Интернета; с другой стороны, киберсуверенитет привел к возникновению правовых барьеров между странами и усугубил тенденцию фрагментации глобального Интернета. Огромное влияние социальных сетей превратило их в новое поле геополитической битвы. Страны решили вести культурную и информационную войну на социальных платформах. Конкуренция за контроль над общественным мнением стала новой стратегической целью для правительств.

В этот период продолжалась геополитическая игра вокруг реформы ICANN. Чтобы разрушить монополию США, развивающиеся страны во главе с Китаем и Россией неоднократно выступали за реформу ICANN. В 2016 году ICANN перестала регулироваться США, и вступила в новый период. Взамен американского регулирования ICANN ввела механизм подотчетности. Многочисленные заинтересованные стороны стали совершенно новым

²⁰¹ Столетов, О. В. Стратегии цифрового развития ключевых государств "Глобального Юга" в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 225.

юридическим лицом – Сообществом по расширению прав и возможностей. Расширенное сообщество состоит из пяти частей: Организация поддержки адресов, Консультативный комитет общего состава, Организация поддержки национальных и региональных имен, Организация поддержки общих имен и Правительственный консультативный комитет. В его функции входят²⁰²:

- Отклонение бюджетов ICANN и IANA, а также операционных и стратегических планов;
- Отклонение поправок к основной части устава;
- Отклонение действий по управлению РТИ;
- Утверждение поправок к Основным положениям и статьям Устава и продажи активов;
- Снятие с должности всего Правления ICANN;
- Назначение и смещение членов Правления ICANN;
- Требование к Правлению ICANN о пересмотре решения об отказе в проведении проверки исполнения функций IANA (IFR), внеочередной проверки IFR, решение о создании Сквозной рабочей группы сообщества по разделению деятельности (SCWG) и решения относительно рекомендаций SCWG;
- Инициация запроса о пересмотре решения, проведении медиации или применении процесса независимых проверок (IRP);
- Проведение инспектирования и расследований.

Как представитель участия правительства в управлении, Правительственный консультативный комитет (Governmental Advisory Committee, GAC) имеет возможность изменять правила. Однако, согласно принципу консенсуса, GAC трудно принимать сильные решения, поскольку всегда сложно достичь полного консенсуса между правительствами. Так что фактически новый устав ICANN по-прежнему сильно ограничивает участие национальных правительств. Другой крупный игрок, частный сектор, имеет важную составляющую в виде транснациональных корпораций. Однако из-за

²⁰² Наделенное полномочиями сообщество. <https://www.icann.org/ru/ec> 10.03.2023.

рыночных ограничений в управление Интернетом часто включаются именно американские корпорации. Американские корпорации связаны по интересам с правительством США, и американское правительство таким образом может продолжать оказывать влияние на ICANN.

В целом, на этапе социализации Интернета геополитическая игра в реальном мире и кибергеополитическая игра проявляют себя как две стороны одной медали. В этот период техническое сообщество играет скорее роль профессионального решателя проблем, чем лица, принимающего решения в Интернете. Роль международных организаций в области Интернета ослаблена национальными разногласиями. В тенденциях развития Интернета доминируют национальные правительства.

Таким образом, в ходе своего развития Интернет постепенно превратился из чисто технического инструмента в политический. Несмотря на то, что именно он является движущей силой технологического прогресса, роль технического сообщества по мере развития Интернета, наоборот, уменьшается. Роль национальных правительств возрастает по мере расширения влияния Интернета.

Развитие геополитической ситуации в киберпространстве также соответствует реальному пространству, то есть происходит постепенный переход от доминирования США к многополярности. Тенденция противостояния групп стран в реальном пространстве отражается и в киберпространстве: противостояние Китая, России, США и Европы является главным противоречием в управлении интернетом на сегодняшний день. Таким образом, можно сказать, что геополитика киберпространства является продолжением геополитики реального пространства, а развитие управления Интернетом есть результат геополитических игр.

2.3 Перспективы и основные проблемы глобальной системы управления Интернетом

Анализируя процесс развития системы управления Интернетом, можно четко определить причины, которые приводят к изменению этой системы. В настоящее время глобальная система управления Интернетом находится в более слабом положении, что обусловлено сетевой геополитикой.

2.3.1 Неэффективность управления Интернетом

С момента появления Интернета вопросы управления им привлекали внимание всех пользователей и стран. Хотя в области международного управления Интернетом уже сформировалась система управления, однако существующая система не в состоянии полностью удовлетворить потребности в управлении Интернетом многих заинтересованных сторон, включая национальные правительства, интернет-предприятия, международные организации и пользователей. Законы, правила, политика, инициативы глобального управления Интернетом работают неэффективно. К конкретным проявлениям неэффективности глобального управления Интернетом относятся следующие:

1. Отсутствие единой глобальной политики управления.

Несмотря на важность Интернета для современного мира, международное сообщество до сих пор не достигло консенсуса по вопросам управления глобальной сетью. Управление Интернетом в широком смысле – обширная область, включающая физический уровень, логический уровень, уровень приложений, поведенческий уровень и многие другие аспекты. Основные вопросы, стоящие перед каждым уровнем, различны, как и основные участники процесса принятия решений. В результате трудно выработать конкретную и широко согласованную единую политику в области управления.

Кроме того, различия в моделях, существующих в разных слоях, – в частности, конкуренция между многосторонними моделями – способствуют отсутствию единой системы принятия решений в области управления

Интернетом. Отсутствие уникальной структуры напрямую ведет к отсутствию уникальных правил.

2. Правовые различия между странами.

Несмотря на то, что управление Интернетом является глобальной проблемой, реализация процесса управления на данном этапе все еще опирается на правовые гарантии суверенных государств. Законы носят территориальный характер. При решении трансграничных вопросов, связанных с Интернетом, национальные законы трудно применять в полной мере, и их применение также ограничено. Между законами разных стран в области Интернета существуют огромные различия, что приводит к правовым конфликтам в глобальном масштабе. Если взять в качестве примера трансграничную передачу данных, то в этой области существует огромная разница между правовыми нормами Китая, США, Европейского союза и России.

В Соединенных Штатах основополагающим принципом трансграничной передачи данных является национальная безопасность, и соответствующие законы носят целенаправленный характер. Закон National Security and Personal Data Protection Act of 2019 (NSPDPA, еще не вступил в силу) ²⁰³ предусматривает запрет на передачу данных иностранным государствам, угрожающим национальной безопасности США, а также на хранение данных в этих странах. Хотя законопроект не был реализован, его концепции переходят в уже одобренные и принятые законы Protecting Americans' Data From Foreign Surveillance Act of 2023²⁰⁴, Protecting Americans' Data from Foreign Adversaries Act of 2024²⁰⁵. Китайский закон О кибербезопасности²⁰⁶, закон О

²⁰³ S.2889 - National Security and Personal Data Protection Act of 2019. <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2889> Access date: 09.01.2024.

²⁰⁴ S.1974 - Protecting Americans' Data From Foreign Surveillance Act of 2023. <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1974> Access date: 09.01.2024.

²⁰⁵ H.R.7520 - Protecting Americans' Data from Foreign Adversaries Act of 2024. <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/7520/text> Access date: 09.01.2024.

²⁰⁶ 中华人民共和国网络安全法. https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm Дата обращения: 09.01.2024.

безопасности данных²⁰⁷ и Меры по оценке безопасности выхода данных²⁰⁸ предоставляют возможности для трансграничной передачи данных после оценки безопасности данных на основе информационной безопасности. Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR)²⁰⁹ устанавливает основные принципы трансграничной передачи данных, включая справедливость и прозрачность, ограничение целей и минимизацию данных. В российском Федеральном законе «О защите персональных данных»²¹⁰ больше внимания уделяется локализации данных.

3. Появление новых технологий и проблема адаптации старых законов.

С 1920-х годов стремительно развиваются новые интернет-технологии. Новые технологии, представленные искусственным интеллектом (ИИ), блокчейном, Интернетом вещей (IoT), облачными вычислениями и большими данными, постепенно находят применение в реальном обществе. Однако появление этих новых технологий привело к возникновению ряда юридических проблем, которые бросили вызов существующей правовой системе.

Технологии искусственного интеллекта и больших данных обеспечивают удобство жизни человека за счет масштабного сбора и обработки информации для анализа данных и принятия интеллектуальных решений. Однако они, несомненно, нарушают неприкосновенность частной жизни пользователей сети и создают большой риск утечки информации. В существующих законах и нормативных актах стран мира нет конкретных положений, касающихся такой обработки информации. Кроме того, технология блокчейн обеспечивает децентрализованное хранение данных и защиту от несанкционированного доступа благодаря алгоритмам шифрования и одноранговым сетям, что

²⁰⁷ 中华人民共和国数据安全法. https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm Дата обращения: 09.01.2024.

²⁰⁸ 数据出境安全评估办法. https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-07/08/content_5699851.htm Дата обращения: 09.01.2024.

²⁰⁹ General Data Protection Regulation. <https://gdpr-info.eu/> Access date: 09.01.2024.

²¹⁰ Российская федерация. Федеральный закон. О персональных данных. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=447363&ysclid=1wap3snmgs384156474> Дата обращения: 09.01.2024.

значительно повышает безопасность данных. Однако вопрос о законности цифровых валют, созданных на ее основе, еще не рассмотрен, а регулирование транзакций с использованием блокчейна затруднено.

4. Угрозы кибербезопасности

В управлении Интернетом безопасность сети является одним из наиболее важных вопросов. На техническом уровне проблемы кибербезопасности связаны с кибератаками, аппаратной безопасностью, безопасностью программного обеспечения, безопасностью связи, безопасностью облачных платформ и IoT (Интернета вещей). Сетевые атаки включают использование вредоносных программ различных типов, таких как вирусы, черви, троянские кони, программы-вымогатели и другие. Это бросает вызов технологиям кибербезопасности. Проблемы кибербезопасности на социальном уровне также включают в себя множество аспектов, таких как кибермошенничество, кибернасилие, утечка информации о личной жизни, кибернарушения и распространение нелегального контента. Эти проблемы неразрывно связаны со слабым киберрегулированием.

Борьба с киберпреступностью имеет огромное значение для обеспечения кибербезопасности. Благодаря глобальному и анонимному характеру Интернета киберпреступность скрыта, стоимость организации киберпреступлений довольно низкая, а судебным органам сложно отслеживать и наказывать киберпреступников. Поэтому транснациональное сотрудничество судебных органов является эффективным средством борьбы с киберпреступностью. Кибертерроризм более разрушителен, это новая форма террористической деятельности. Кибертеррористы используют хакерские технологии для нападения на национальные правительства или социальные институты, нанося ущерб и вызывая панику, пытаясь таким образом достичь собственных политических и идеологических целей. Поэтому защита от кибертерроризма также стала важной частью контртеррористических операций.

5. Расширение цифрового неравенства

Цифровое неравенство – различия в использовании цифровых технологий, включая смартфоны, компьютеры, планшеты, игровые приставки и Интернет, людьми разного пола, расы и класса. Эти различия проявляются как в доступе к цифровым продуктам, так и в способности использовать цифровые технологии. Появляющиеся технологии поляризуют общество.

На глобальном уровне наблюдается явное цифровое неравенство, причем между развитыми и развивающимися странами существует значительный технологический разрыв. Такие страны, как США, Европейский союз, Китай и Япония, имеют явное цифровое преимущество. По сравнению с ними в странах третьего мира меньше цифровых устройств на душу населения, медленнее сетевые соединения и сложнее доступ к информационным ресурсам. С военной точки зрения, существует неравенство между странами, использующими в своих армиях новые технологии, такие как искусственный интеллект и беспилотники, и теми, кто по-прежнему использует традиционное боевое оружие. В России неравенство в экономическом и социальном развитии субъектов Федерации также создает цифровой разрыв, который имеет четкий географический характер. В целом в городах лучший доступ к цифровым технологиям и более быстрому интернету, чем в сельской местности.

Цифровое неравенство также тесно связано с возрастом. Новые поколения детей и молодежи знакомятся с цифровыми продуктами в детстве, в то время как старшим поколениям сложнее осваивать цифровые технологии. Экономический уровень также напрямую определяет степень цифровизации населения. Семьи с высоким уровнем дохода имеют доступ к большему количеству цифровых устройств и больше возможностей для изучения технологий. В результате цифровой разрыв также влияет на уровень образования, получаемого детьми. Цифровые устройства произвели революцию в способах получения образования, в то время как школы в регионах с низким уровнем доступа к цифровым устройствам вынуждены прибегать к традиционным методам обучения. Развитые регионы и семьи с

высоким уровнем дохода имеют возможность получать больше знаний через Интернет, в то время как менее развитые регионы и семьи с низким уровнем дохода испытывают трудности с использованием цифровых ресурсов. Таким образом, цифровой разрыв приводит к разрыву в знаниях. Этот разрыв в знаниях, порожденный образованием, еще больше укрепит классовую структуру и затруднит классовый скачок. Преодоление цифрового разрыва – одна из главных задач глобального управления Интернетом в будущем.

Цифровое неравенство усугубляет эпистемное неравенство. Эпистемное неравенство — это различия в способности людей получать доступ к информации. В политике оно также означает разрыв между представлениями обычных людей и тех, кто находится у власти. Эпистемное неравенство включает в себя как неравный доступ к данным, так и различия в способности людей их обрабатывать. Поскольку наступает эпоха больших данных, существует неразрывная связь между общим объемом данных, способностью их обрабатывать и правильностью принимаемых решений. Чем больше общий объем данных, тем лучше способность их обрабатывать, тем правильное решение и тем больше выгод можно получить. В настоящее время интернет-платформы в США обладают монополией на большую часть данных. Такая монополия ставит другие страны и людей в положение эпистемного неравенства.

Провалы в управлении Интернетом проявляются по-разному, поэтому причины их возникновения сложны. Эти причины в равной степени охватывают множество областей, включая политику, экономику, культуру, технологии и другие.

1. В глобальном управлении интернетом отсутствует единое управленческое ядро.

Хотя существует множество глобальных институтов управления Интернетом, таких как Международный союз электросвязи, ICANN и Форум по управлению Интернетом, IGF, эти институты отвечают лишь за часть функций управления Интернетом. Единого, высшего центра управления

Интернетом по-прежнему не существует²¹¹. Это означает, что сфера управления Интернетом приобретает состояние анархии и фрагментации.

С другой стороны, отсутствие единого ядра управления затрудняет формирование единых норм управления в международном сообществе. Многие институты управления Интернетом играют лишь консультативную и совещательную роль и не имеют возможности разрабатывать обязательные и принудительные программы управления. Это привело к отсутствию авторитета у институтов управления Интернетом. В отсутствие единых норм управление Интернетом в большей степени полагается на роль национальных законов. Однако законы одной страны не могут действовать в отношении других стран, поэтому международные правила управления Интернетом также связаны законами стран, в которых они находятся.

2. На процесс управления Интернетом влияют политические конфликты.

Несмотря на то что управление Интернетом – это процесс, в котором участвуют многие заинтересованные стороны, суверенные государства по-прежнему являются самыми решающими участниками процесса управления Интернетом. Глобальное распределение интересов в Интернете как в развивающейся сфере еще не до конца завершено. Поскольку суверенные государства борются за политические и экономические интересы, они ведут между собой политические игры. Эти игры приводят к изменениям в международной системе, что, в свою очередь, влияет на стабильность функционирования системы управления Интернетом.

Страны определяют свои концепции и политику управления в соответствии с собственными национальными интересами. Правительствам приходится выбирать между властью граждан и национальной безопасностью²¹². Это привело к тому, что глобальное управление Интернетом развивается в направлении фрагментации, что, в свою очередь, затрудняет

²¹¹ Игнатов А.А. Управление Интернетом в повестке БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 87.

²¹² Карасев П.А. Управление интернетом - тенденции и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Т. 11, № 9. С. 62.

формирование эффективной и единой системы управления. Расхождение интересов стран приводит к разногласиям и конфликтам между ними, что затрудняет достижение международного согласия по вопросам политики управления Интернетом.

3. Политику в области Интернета определяют экономические интересы.

Для суверенных государств Интернет представляет не только политический, но и огромный экономический интерес. Интернет-экономика стала одним из главных двигателей экономического развития в 1920-х годах. Цифровая экономика и в настоящее время является основным источником роста. Она стимулирует конкуренцию, инвестиции и инновации, что ведет к улучшению качества услуг, расширению выбора для потребителей, созданию новых рабочих мест²¹³. Поэтому защита развития и интересов национальных интернет-предприятий также является одним из основных соображений национальной политики управления интернетом. Конкуренция между интернет-предприятиями разных стран также приводит к конфликту в сфере политики управления интернетом. В условиях быстрого развития интернет-экономики интернет-предприятия стали новой горячей точкой для инвестиций. Государство вынуждено менять свою политику, чтобы направить развитие интернет-экономики.

На современном интернет-рынке существует множество монопольных предприятий-гигантов, таких как Google, Amazon, Apple. Чтобы защитить свои интересы, эти монополии стремятся оказывать влияние на национальное правительство, что, в свою очередь, влияет на национальную политику управления интернетом. Интернет-корпорации, владеющие огромным объемом данных, часто нарушают неприкосновенность частной жизни, чтобы получить больше коммерческих выгод, что вступает в противоречие с национальной политикой защиты частной жизни. В результате национальным

²¹³ Тимофеев С.В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. С. 114.

правительствам приходится выбирать политику в области защиты частной жизни и прав интеллектуальной собственности.

4. Существует разрыв между политикой и развитием технологий.

Когда международные организации и страны разрабатывают политические программы, они должны учитывать субъективную цель разработки данных программ, с одной стороны, и роль объективной среды, влияющей на политику, с другой. Поскольку окружающая среда со временем меняется, меняется и эффективность политики. Таким образом, некоторые политические программы устаревают и становятся неэффективными в силу времени.

В информационную эпоху – особенно после первого десятилетия XXI века – темпы развития информационных технологий исключительно высоки, появляются новые технологии, которые меняют способы производства и жизни общества и приводят к быстрым изменениям в среде, в которой работает политика. В настоящее время международным организациям и странам трудно угнаться за темпами развития технологий при разработке политики, что не позволяет эффективно защищать национальные интересы и права пользователей Интернета. Например, технология искусственного интеллекта в последние годы часто совершает прорывы, порождая ряд правовых и этических проблем, которые требуют новых политических мер и законов для руководства и управления.

По сути, причина неудач управления Интернетом заключается в сочетании отсутствия единственного основного механизма управления Интернетом и быстро меняющейся интернет-среды. Эффективность управления Интернетом является основной гарантией поддержания бесперебойной работы глобальной сети и прогресса интернет-технологий. Нынешние сбои в работе глобальной системы управления Интернетом серьезно тормозят развитие интернет-экономики и не позволяют защитить права интернет-пользователей. Повышение духовной силы глобального Интернета требует расширения обменов и диалога между странами, уважения

к мультикультурализму и политическим концепциям различных стран, а также установления единых норм и целостной глобальной системы. На этой основе появится возможность сократить цифровой разрыв и способствовать общему развитию мировой интернет-индустрии и киберсообщества.

2.3.2 Дилемма кибербезопасности

Несмотря на окончание холодной войны, проблема дилеммы безопасности по-прежнему остается важной темой в современной политической и военной сферах. В традиционной политологии дилемма безопасности – ключевая теоретическая концепция, основанная американским политологом Джоном Херцем²¹⁴, которая описывает особое положение дел между государствами из-за непрозрачности информации. В состоянии анархии государства не могут выяснить намерения друг друга, и, как следствие, им не хватает взаимного доверия, чтобы понять, будут ли другие государства нападать. Усиление военной мощи одной страны для обеспечения собственной безопасности приведет к усилению чувства незащищенности в других странах, что, в свою очередь, приведет к усилению их военной мощи, запустив тем самым порочный круг, в котором ни одна страна не сможет наслаждаться абсолютной безопасностью. Дилемма безопасности – явление, при котором стремление к безопасности приводит к ухудшению ситуации с безопасностью. В условиях дилеммы безопасности государство зачастую не в состоянии принять соответствующие меры: если государство не предпримет никаких действий, его безопасность не будет гарантирована; если государство предпримет действия для обеспечения собственной безопасности, это вызовет непонимание в других странах, поставит под угрозу их собственную безопасность и приведет к новому витку поведения.

²¹⁴ Herz, J.H. (1950). Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*, 2(2), 157. <https://doi.org/10.2307/2009187>

Большой вклад в осмысление дилеммы безопасности внес Роберт Джервис²¹⁵. В его теории дилемма безопасности включает в себя следующие ключевые моменты:

1. Анархия. Анархия международного сообщества является основой для возникновения дилемм безопасности. В условиях анархии в международной системе нет центрального органа, который бы выходил за рамки государств и связывал поведение всех государств, а соблюдение международного права не гарантировано. Это создает чувство незащищенности для государства в международной системе и неопределенность в международном поведении.

2. Неопределенность. Поскольку в условиях анархии никогда не происходит полного обмена информацией, государство не может полностью выяснить намерения других государств, и ему трудно полностью и правильно интерпретировать поведение других государств. Поэтому, даже если государство только повышает свою обороноспособность, это может быть воспринято другими государствами как угроза, что вызовет дальнейшие действия со стороны других государств.

3. Наступательные и оборонительные намерения. Различие между наступательными и оборонительными намерениями имеет решающее значение в дилеммах безопасности, особенно различие между наступательными и оборонительными военными действиями и методами. Это играет ключевую роль в том, будут ли допущены стратегические просчеты со стороны других государств.

Чтобы более четко проанализировать сценарии дилемм безопасности в международной системе, Роберт Джервис разработал четыре возможных сценария дилемм безопасности, связанных с тем, можно ли различать наступательные и оборонительные поведенческие методы и технологии²¹⁶:

1. Различают наступательные и оборонительные, причем оборона имеет преимущество: дилеммы безопасности не существует, государствам нужно

²¹⁵ Jervis, Robert (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton University Press.

²¹⁶ Jervis, Robert (1978). *Cooperation Under the Security Dilemma*. *World Politics*. 30 (2): 167.

только повышать свой оборонительный потенциал, им не нужно приобретать наступательное оружие, а вероятность возникновения агрессии крайне мала;

2. Можно провести различие между нападением и обороной, причем преимущество имеет нападение: дилемма безопасности крайне слаба, но акты агрессии все же возможны из-за наличия хорошо развитой системы наступательного вооружения;

3. Нет различий между нападением и обороной, причем оборона имеет преимущество: дилемма безопасности сильна, но государство может в определенной степени продемонстрировать свои намерения, и существует возможность укрепления собственной безопасности без угрозы для безопасности других государств;

4. Невозможно провести различие между нападением и обороной, и нападение имеет преимущество: дилемма безопасности очень серьезна, международная обстановка крайне опасна, гонка вооружений между странами может возникнуть очень легко, а возможность сотрудничества очень мала.

Благодаря широкому распространению Интернета и быстрому развитию цифровых технологий все сферы мира начали подвергаться цифровой трансформации. Широкое применение новых цифровых технологий привело к новым рискам и кризисам, а кибербезопасность стала нестабильной в условиях быстро развивающегося киберсообщества и киберрынка. С одной стороны, правительствам трудно полностью контролировать киберпреступность внутри стран, с другой – постепенно усиливаются трения между странами в киберпространстве. Как и международная система, глобальное киберпространство также находится в состоянии анархии, при котором защита национальной кибербезопасности является фундаментальным интересом государства и его главной целью.

В последние годы политические конфликты между крупными странами усиливаются, а в области экологии, продовольствия и энергетики наметилась тенденция панбезопасности, что делает дилемму безопасности все более очевидной. Киберпространство является продолжением реального

пространства, и геополитическая ситуация в реальном пространстве также распространяется на киберпространство. Управление киберпространством превратилось в сцену для политики крупных держав. Кибербезопасность также стала в большей степени частью политического противостояния между великими державами. Их взаимное недоверие усилило небезопасность в киберпространстве, особенно в плане безопасности данных и цепочек поставок. Усугубляет ситуацию с кибербезопасностью ухудшение геополитической обстановки.

Развитие дилеммы кибербезопасности неразрывно связано с тенденцией развития Интернета в последние годы. Страны усилили контроль над данными и личной конфиденциальностью в целях собственной безопасности, и эти действия представляют взаимную угрозу для государств; развитие блокчейна, искусственного интеллекта и других технологий сделало шифрование киберпреступлений более надежным, и преступники могут хорошо маскировать свои действия; транснациональные преступления трудно отследить, трудно обеспечить исполнение наказаний из-за противостояния между странами и привлечь к ответственности за утечку частной информации. Таким образом, национальная кибербезопасность сталкивается с комплексом проблем. Кибербезопасность ведет к гонке вооружений в технологиях кибератак и обороны, что приводит к трате времени и ресурсов на развитие повседневных кибертехнологий.

Характеристики кибертехнологий и Интернета делают атаки и защиту в киберпространстве совершенно несбалансированными. Под кибератаками понимается использование компьютерных технологий для саботажа, контроля, кражи информации и других атак на цель. Низкая стоимость кибератак, быстрое развитие технологий и легкость доступа к ним делают кибератаки легкими и практически незатратными. К распространенным типам кибератак относятся DDoS-атаки, фишинговые атаки, атаки с использованием SQL-инъекций, атаки на межсайтовый скриптинг (XSS), атаки типа «человек посередине» (MITM) и другие. Количество глобальных кибератак

увеличилось в пять раз во время пандемии COVID-19 в 2020 году²¹⁷. А во второй половине 2022 года, по данным CloudSEK, количество атак, направленных на государственный сектор, увеличилось на 95 % по сравнению с 2021 годом. 40 % атак были направлены на правительственные учреждения Индии, США, Индонезии и Китая²¹⁸.

Киберзащита, с другой стороны, включает в себя защиту сети от атак и обеспечение безопасности систем и информации. К методам защиты сети относятся шифрование, брандмауэры, воздушная изоляция и т.д. Эти методы являются более сложными и дорогостоящими. Технологические процедуры защиты должны обеспечивать безопасность всей системы, в то время как при атаке достаточно найти уязвимость системы, и обе стороны не пропорциональны с точки зрения технических усилий. Кроме того, процедуры защиты сети необходимо регулярно поддерживать и обновлять, что в долгосрочной перспективе обходится очень дорого. Такая ситуация дилеммы безопасности, когда атакующая технология имеет преимущество, приводит к нестабильности в киберпространстве и большому риску возникновения конфликта в нем.

Кибератаки существенно отличаются от традиционных военных атак. Киберпространство – виртуальное пространство, и кибератаки, опирающиеся на киберпространство, как правило, представлены в виде технических средств, а не прямых атак на людей и инфраструктуру в реальном пространстве. Цель кибератаки обычно состоит в том, чтобы парализовать программное или аппаратное обеспечение другой стороны, сделав ее системы неработоспособными, или похитить определенную информацию. При этом обычно не бывает жертв, поэтому вина, связанная с кибератакой, гораздо меньше, чем при традиционном военном нападении. Кибертехнологии как

²¹⁷ Williams C., Chaturvedi R., Chakravarthy K. (2020). Cybersecurity Risks in a Pandemic. J Med Internet Res, 22(9), e23692.

²¹⁸ Unprecedented Increase in Cyber Attacks Targeting Government Entities in 2022. <https://www.cloudsek.com/whitepapers-reports/unprecedented-increase-in-cyber-attacks-targeting-government-entities-in-2022> Access date: 20.03.2024.

оружие часто хранятся только в лабораториях, которые трудно контролировать извне, а также трудно ограничить их использование, как в случае с ядерным оружием, поэтому другим странам трудно узнать, обладает ли страна кибероружием или нет, и сколько кибероружия у нее имеется. Сети действуют мгновенно, и последствия применения кибероружия не ограничены географией. Для киберзащиты не существует буферного времени, что усложняет организацию эффективной обороны. Эти характеристики кибероружия соответствуют нынешней тенденции к низкоинтенсивной конфронтации между ведущими державами. Существующие национальные законы затрудняют введение ограничений на ведение кибервойн. В целом кибервойна – отличный выбор для специальных операций, когда одни страны могут наносить удары и уничтожать другие страны, не ввергая страну в состояние войны.

С другой стороны, кибератаки максимально незаметны. Их сложно отследить и атрибутировать. Для того чтобы отследить источник кибератаки, требуется много времени, а адрес, с которого осуществляется атака, часто подделывается, и злоумышленник также способен стереть свое реальное местоположение с помощью технических средств после начала атаки. Поэтому, даже если IP-адрес конкретного компьютера идентифицирован, невозможно определить, действительно ли атака была инициирована этим пользователем, идентификация этого пользователя также является сложным процессом, как и идентификация пользователей сети в других странах. Даже если инициатор атаки установлен, трудно охарактеризовать его личность: была ли атака предпринята в индивидуальном или национальном качестве. Неоднозначность отношений между хакером и правительством страны затрудняет однозначную идентификацию кибератак как действий правительства.

Проблема атрибуции приводит к тому, что правительства не могут эффективно ответить на кибератаки, что снижает эффективность механизмов сдерживания в киберпространстве. Кроме того, из-за неспособности

реализовать эффективные ответные инициативы снижаются политические издержки²¹⁹, которые приходится нести странам при совершении кибератак, что еще больше стимулирует их к принятию наступательной политики кибербезопасности. Еще одним следствием проблемы атрибуции является то, что она приводит к просчетам в национальных стратегиях. Атаки отдельных хакеров могут быть приписаны их странам, что приводит к межгосударственным конфликтам. Атаки, совершаемые государствами, полагающимися на проблему атрибуции и считающими, что их не отследят, могут быть также обнаружены государством, подвергшимся нападению, что приведет к эскалации конфликта между двумя государствами. До сих пор не существует международного права и норм, четко определяющих возможность отслеживания кибератак, а также систематического определения кибератак и кибервойн, поэтому различные взгляды на кибератаки между странами также могут привести к недопониманию и международным спорам.

В целом, различие между наступательными и оборонительными технологиями в киберпространстве относительно четкое и легко различимое. Однако большинство цифровых технологий являются нейтральными и не имеют наступательных или оборонительных тенденций как таковых. Если взять в качестве примера технологию искусственного интеллекта, то ее применение в обществе весьма обширно и не может быть отнесено ни к наступательным, ни к оборонительным технологиям. Однако с развитием передовых цифровых технологий, к которым относятся технологии искусственного интеллекта, нет никаких гарантий, что в будущем эти технологии не будут применяться в кибервойнах. В этом случае трудно провести различие между наступательными и оборонительными цифровыми технологиями. Другие страны не могут быть уверены в намерениях технологического лидера, то есть в том, будет ли он применять эти технологии для кибератаки или обороны. Чтобы устранить эту угрозу, другие страны

²¹⁹ Рывкин, С.Ю. Особенности расследования кибернетических преступлений / С. Ю. Рывкин, Т. А. Гусейнов // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 4(81). – С. 71-75. – DOI 10.24158/per.2020.4.12. 73.

также должны развивать соответствующие технологии, что приводит к конкурентному технологическому «наращиванию вооружений». Угроза безопасности в киберпространстве также возрастает, что приводит к наиболее серьезной ситуации дилеммы безопасности в теории Роберта Джервиса: нет различий между атакой и обороной, и атака имеет преимущество. После того как киберпространство погрузилось в крайне напряженное и нестабильное состояние, возникли союзные геополитические модели поведения. Противостояние России, Китая, США и Европы – главная тема современной геополитической ситуации в киберпространстве. Дальнейшее развитие дилеммы кибербезопасности также зависит от исхода игры великих держав.

2.3.3 Балканизация Интернета

Балканизация – это процесс, в ходе которого страна или регион распадается на несколько более мелких стран или регионов, между которыми существует напряженность или антагонизм. Этот термин возник после Первой мировой войны. После распада Османской империи Балканы разделились на множество государств, а Габсбургская и Российская империи распались. Политологи стали использовать термин «балканизация» для описания изменений в мировом порядке в результате деления государств. В геополитике термин «балканизация» имеет уничижительный характер и часто используется для обозначения ситуаций, в которых существует угроза сепаратизма.

Поляризация и фрагментация Интернета в настоящее время является одной из главных мировых проблем²²⁰. Термин «балканизация Интернета» впервые употреблен в статье 1997 года профессоров Массачусетского технологического института Маршалла ван Альстина и Эрика Бриньолфсона «Электронные сообщества: глобальная деревня или кибербалканское

²²⁰ Radu R., Nanni, R., Shahin J. (2024). New challenges in Internet governance: Power shifts and contestation from “within”. Telecommunications Policy, 48(5), 102740.

государство»²²¹, подразумевая, что первоначальный глобальный Интернет для обмена информацией разделился на информационные пространства, изолированные друг от друга, причем киберпространство демонстрирует фрагментацию, а внутри информационных силосов формируются группы, которые просматривают только определенную информацию. Для описания данного процесса фрагментации одновременно существуют термины «балканизация Интернета» и «кибербалканизация». Данные термины образованы от английских слов Internet balkanization и cyber-balkanization соответственно. В целом балканизация Интернета и кибербалканизация являются синонимами и могут использоваться взаимозаменяемо. Однако по мере распространения явления балканизации из самого Интернета в сферу цифрового общества и цифровой экономики можно утверждать, что теперь кибербалканизация имеет более широкую сферу применения, чем балканизация Интернета. К факторам фрагментации относятся политика, экономика, культура, этническая принадлежность, религия, образование, география, язык и так далее. Этот хаотичный и фрагментированный глобальный интернет можно назвать балканизацией киберпространства.

На данный момент балканизация в киберпространстве носит всеобъемлющий характер, и эта тенденция раскола отражается как в эволюции системы международных отношений, так и во фрагментации онлайн-сообществ.

1. Политическое измерение.

Национальности, языки, культуры и идеологии внутри стран в современном мире имеют тенденцию к высокой степени однородности, и именно эти факторы разделяют киберпространство, так что в определенной степени границы фрагментации киберпространства совпадают с государственными границами. Киберплатформы внутри стран также имеют тенденцию обслуживать определенные группы, и границы между этими

²²¹ Schaake, M. Stop Balkanizing the Internet. URL: https://www.huffpost.com/entry/stop-balkanizing-the-internet_b_1661164 Access date: 28.11.2023.

киберплатформами четко определены, а обмен информацией между киберплатформами сегментирован, что, в свою очередь, еще больше укрепляет кибергруппы. Даже в рамках одной платформы контент на разных языках часто обслуживает только пользователей определенного языка, что затрудняет общение пользователей разных языков друг с другом. Такие невидимые границы затрудняют международные обмены и сотрудничество.

В последние годы правительства многих стран приняли концепцию киберсуверенитета. Чтобы лучше защитить собственную кибербезопасность, ресуверенизация киберпространства – неизбежная тенденция. Хотя это и позволяет поддерживать безопасное и упорядоченное развитие киберпространства, это, несомненно, приводит к тому, что киберпространство имеет такое же географическое разграничение, как и реальное пространство. Такое разделение под контролем государственной силы принуждения приводит к тому, что обмен информацией между странами блокируется, а национальная система цензуры позволяет импортировать из других стран или экспортировать в них только определенную информацию. Введение информационного суверенитета позволяет хранить информацию внутри страны только на ее территории, и хотя это сохраняет национальную информационную автономию, это также препятствует глобальному обмену информацией и сотрудничеству.

Феномен балканизации Интернета также усугубляется различиями в стандартах и деталях законодательства в области Интернета в разных странах. Отправной точкой законодательства каждой страны являются ее собственные национальные условия и национальные интересы, в то время как разные страны имеют различные национальные условия и национальные интересы, что предопределяет несовпадение законов и нормативных актов разных стран. Например, Общий регламент ЕС по защите персональных данных (GDPR) и Закон США о разъяснении законного использования данных за пределами страны (CLOUD Act) имеют серьезные противоречия в реализации²²². Когда

²²² Лян Юй. Различия, причины и последствия глобального управления данными между Китаем и

речь идет о трансграничном сотрудничестве и обмене, такие правовые различия часто оказывают негативное влияние. Особенно в вопросах трансграничной передачи информации, защиты личной жизни, свободы выражения мнений и контроля. Интернет-предприятиям необходимо защищать интересы компании и пользователей, но при этом соблюдать местные законы и правила, что усложняет работу и управление предприятием.

2. Социальное измерение.

Феномен балканизации Интернета наиболее ярко проявляется в потоке информации в обществе, когда общество разделяется на несколько больших или малых групп в зависимости от приема информации. Получение информации может быть обусловлено как фильтрацией информации на основе политики, так и индивидуальным активным селективным просмотром информации. Поток информации между группами слаб или полностью отсутствует. Даже когда поступает одна и та же информация, ее интерпретация в разных группах не одинакова. Такая сегрегация информационной среды приводит к тому, что группы по-разному интерпретируют свои взгляды на политические, экономические и социальные события.

В этой сетевой среде люди с большей вероятностью захотят общаться с теми, кто разделяет их взгляды, а группы с одинаковым восприятием будут давать положительную когнитивную обратную связь входящим в них людям. Такая активная фильтрация информации на индивидуальном уровне делает группу более закрытой, что приводит к эффекту «информационного кокона».

Повторение большого количества одинаковой информации в закрытой среде заставляет группу верить, что только то, что она видит и знает, является правдой, создавая тем самым «эффект эхо-камеры»²²³. Группа будет верить только той информации, которая соответствует ее существующим

Соединенными Штатами [梁宇. 中美全球数据治理的分歧、原因与后果] // Журнал Нанкинского университета почты и телекоммуникаций (издание по социальным наукам) [南京邮电大学学报 (社会科学版)], 2024. (1), 43.

²²³ Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С. Свобода выбора и сетевые «эхо-эффекты» информационного потребления // Социодинамика. 2024. № 1. С. 53-63. 55. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.68951

представлениям, отвергая при этом всю другую информацию, что, несомненно, увеличивает степень поляризации группы. Чтобы увеличить количество просматриваемой информации, издатели часто ориентируются на предпочтения определенной группы, что приводит к потере объективности информации из источника и еще больше усиливает информационную предвзятость группы, способствуя ее поляризации. Более того, в угоду группам составляется ложная информация, а такие слухи в Интернете, несомненно, приводят к социальной панике.

Таким образом, общество разделяется на несколько поляризованных групп с различными социальными взглядами и даже противоположными установками. Как только антагонистические группы вступают в контакт друг с другом, они начинают ожесточенно конфликтовать, бросать друг другу оскорбления и даже порождать такие неприятные явления, как нападения и кибернасилие. Вопросы, возникающие в Интернете, часто имеют большое практическое значение, и пользователи Интернета приводят к реализации вопросы, возникающие в Интернете, перенося свои взгляды в реальное общество. Например, во время вспышки COVID-19 в различных социальных сетях развернулась широкая дискуссия в пользу или против вакцинации²²⁴. Поэтому можно сказать, что балканизация Интернета также ведет к расколу реального общества, что оказывает огромное негативное влияние на национальное управление и социальную безопасность.

²²⁴ Соответствующую информацию можно найти в следующих материалах: Puri N, Coomes EA, Haghbayan H, Gunaratne K. Social media and vaccine hesitancy: new updates for the era of COVID-19 and globalized infectious diseases. *Hum Vaccin Immunother*. 2020 Nov 1;16(11):2586-2593. doi: 10.1080/21645515.2020.1780846.

Cascini F, Pantovic A, Al-Ajlouni YA, Failla G, Puleo V, Melnyk A, Lontano A, Ricciardi W. Social media and attitudes towards a COVID-19 vaccination: A systematic review of the literature. *EClinicalMedicine*. 2022 Jun;48:101454. doi: 10.1016/j.eclinm.2022.101454.

About four-in-ten Americans say social media is an important way of following COVID-19 vaccine news. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/08/24/about-four-in-ten-americans-say-social-media-is-an-important-way-of-following-covid-19-vaccine-news/> Access date: 15.03.2024.

How misinformation, medical mistrust fuel vaccine hesitancy. <https://med.stanford.edu/news/all-news/2021/09/infodemic-covid-19.html> Access date: 15.03.2024.

Ask the Expert: Social media's impact on vaccine hesitancy. <https://msutoday.msu.edu/news/2021/ask-the-expert-social-medias-impact-on-vaccine-hesitancy> Access date: 15.03.2024.

Современная система управления Интернетом состоит из трех уровней, поэтому можно отойти от традиционного взгляда на одноширотную сеть и представить balkанизацию сети как трехслойную модель, состоящую из физического, логического и прикладного уровней.

Разделение физического уровня в основном отражается в фрагментации инфраструктуры. Под фрагментацией инфраструктуры понимается контроль и управление инфраструктурой Интернета разными странами или регионами. Эта фрагментация включает в себя не только распределение физических устройств (например, серверов, маршрутизаторов и т. д.), но и обслуживание и управление этими устройствами. Фрагментация инфраструктуры отражает контроль страны над интернет-ресурсами и ее способность регулировать поток данных. Контролируя физическую инфраструктуру, государство может эффективно управлять сетью и обеспечивать ее безопасность, а также передачу и хранение данных в соответствии с национальными интересами и требованиями безопасности.

Фрагментация логического уровня в основном отражается во фрагментации протоколов. Под фрагментацией протоколов понимаются различия в развитии и использовании интернет-протоколов в разных странах или регионах. Эта фрагментация включает в себя не только различия в технических стандартах, но и в интерпретации и применении протоколов. Дифференциация протоколов отражает конкуренцию между странами в разработке технических стандартов и борьбу за технологическое доминирование. Разрабатывая и продвигая собственные технические стандарты, страны могут усилить свое влияние на международное управление Интернетом и защитить национальные технические интересы и безопасность.

Разделение на уровне приложений в основном отражается в суверенитете над данными. Суверенитет данных означает право государства на контроль и управление данными. Этот суверенитет включает в себя не только хранение и обработку данных, но и их использование и совместное использование. Суверенитет над данными отражает право государства контролировать

ресурсы данных, а также его внимание к безопасности данных и защите конфиденциальности. Осуществляя суверенитет над данными, государство может защитить государственные ресурсы данных, предотвратить утечку данных и злоупотребления ими, а также обеспечить кибербезопасность и государственные интересы.

Данный феномен многоуровневой фрагментации не только отражает различные позиции и интересы государства в управлении Интернетом, но и выявляет глубоко укоренившиеся проблемы и вызовы в управлении Интернетом. Контролируя физическую инфраструктуру, устанавливая технические стандарты и осуществляя суверенитет над данными, государство может играть важную роль в управлении Интернетом и защищать национальные интересы и безопасность. В то же время этот феномен многоуровневой фрагментации также подчеркивает важность международного сотрудничества и обмена информацией, что является единственным способом эффективного решения проблем в управлении Интернетом и достижения здорового развития Интернета.

Как и проявление балканизации Интернета, ее возникновение – сложный и многогранный процесс, а причины ее формирования включают в себя множество факторов, как обусловленных политическими и экономическими причинами, так и определяемых объективными технологиями, целый ряд условий в совокупности привел к возникновению феномена балканизации Интернета в том виде, в котором он проявляется сейчас.

Во-первых, с технологической точки зрения доступ к Интернету не одинаков во всем мире и существует цифровой разрыв. Несмотря на высокую степень глобализации, скорость доступа в Интернет, количество интернет-терминалов на душу населения, стоимость Интернета и терминалов, стабильность Интернета и степень развития интернет-инфраструктуры не одинаковы в разных частях света, что приводит к неравенству Интернета с аппаратной точки зрения. Такое неравенство приводит к тому, что люди получают информацию с разной скоростью, что объективно порождает

разобщенность информации. Например, при одном и том же событии разные люди одновременно наблюдают не одну и ту же стадию развития данного события, группа с интернет-преимуществом может получить последнюю информацию о событии, а группа с менее развитым интернетом не может.

Во-вторых, бизнес-модель интернет-предприятий усилила процесс balkанизации Интернета. С развитием технологии больших данных интернет-компании вышли на новый уровень анализа данных о пользователях. Для того чтобы привязать пользователей к своим платформам, интернет-компании используют алгоритмы, нацеленные на пользователей, и предоставляют более удобные и эффективные услуги. Например, платформы электронной коммерции дают рекомендации, основываясь на предпочтениях пользователей в покупках, побуждая их тратить больше; социальные платформы предлагают больше похожего контента, основываясь на записях пользователей в браузере. В нынешней ситуации на интернет-рынке цель такого поведения – предотвратить потерю пользователей, не допустить их переход на другие платформы. В конечном итоге платформа как граница формирует относительно закрытую интернет-группу, усугубляя ситуацию фрагментации между группами.

В-третьих, государственный контроль над Интернетом увеличил сложность его распространения. Хотя с момента своего появления Интернет имеет либертарианскую направленность и даже считается новой утопией, с быстрым развитием интернет-технологий его применение постепенно проникает во все сферы жизни общества, что постепенно привлекает внимание правительства. После того как Интернет стал связан с национальной безопасностью, государство, несомненно, должно усилить регулирование и управление Интернетом. Технологическая нейтральность Интернета трансформировалась в технологическую ненейтральность, Интернет стал одним из политических инструментов национальных правительств для реализации своих интересов и обеспечения безопасности. Такая политика, как локализация данных в целях защиты национальной безопасности, также

вызывает у пользователей Интернета опасения по поводу отсутствия доступа к глобальным общественным благам²²⁵. Различные потребности и ценностные ориентации правительств разных стран обусловили различия в требованиях к национальной политике регулирования Интернета, что, в свою очередь, привело к дифференциации Интернета в разных странах. Борьба за власть между правительствами привела к тому, что киберконфликты перекликаются с реальной политикой, усугубляя явление балканизации Интернета.

В-четвертых, традиционная геополитика разрывает интернет-пространство на части. Сегодня киберпространство стало важной частью человеческого пространства. С ресуверенизацией киберпространства геополитика вошла в виртуальный мир Интернета, и киберпространство стало частью геополитического пространства. Киберресурсы, такие как информационные данные, цепочки поставок и сетевая инфраструктура, также были включены в число ключевых геополитических ресурсов. Важной целью геополитики является борьба за ресурсы, поэтому Интернет также стал важным объектом для геополитических игр великих держав. Геополитика проникает в каждый уголок сетевого мира: от разработки протоколов связи, контроля над корневыми серверами доменных имен до влияния на средства массовой информации. Подобная конкуренция, несомненно, привела к разрыву Интернета и даже породила тенденцию к милитаризации сети.

22 сентября 2024 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact, GDC) в качестве приложения к Пакту во имя будущего. Процесс разработки GDC был чрезвычайно сложным и прошел через пять версий пересмотра. В процессе разработки проекта Юг и Север резко разошлись во мнениях по таким ключевым вопросам, как цифровой суверенитет, цифровые права человека и предпочтения в отношении моделей цифрового управления. Западные страны настаивают на создании модели участия многих

²²⁵ Taylor R.D. (2020). "Data localization": The internet in the balance. *Telecommunications Policy*, 44(8), 102003.

заинтересованных сторон в ходе переговоров по проекту, подчеркивая роль негосударственных игроков и надеясь отразить в документе западные представления об универсальных ценностях, таких как свобода, демократия и права человека. Развивающиеся страны сделали больший акцент на использовании цифровых технологий для содействия национальному развитию и повышения уровня цифровой помощи. В итоге GDC стал результатом компромисса между двумя сторонами, но на самом деле документ воплощает западноцентричное мышление, закрепляет доминирующее положение США в управлении Интернетом и подрывает роль Организации Объединенных Наций и национальных правительств. В связи с этим некоторые страны, в том числе и Россия, не подписали GDC. Хотя GDC разработала набор общих принципов, направленных на регулирование деятельности различных субъектов в цифровом мире, она не является обязательной, и выполнение будущих соглашений не гарантировано.

В условиях напряженности международной обстановки, вызванной постепенным обострением игры между крупными державами, тенденция к балканизации Интернета еще более углубилась. Это, несомненно, окажет серьезное негативное влияние на будущее глобальное управление Интернетом. Две основные черты управления Интернетом – управление «снизу вверх» и децентрализация, а фрагментация киберпространства повышает сложность управления сетью, приводит к сбоям в управлении и ввергает глобальную систему управления в системную дилемму. Для обычных пользователей Интернета балканизация Интернета сократила объем информации, которую они могут получить непосредственно, что затрудняет обеспечение их права на объективную и правдивую информацию. Балканизация сети также препятствует распространению сетевых технологий, поскольку передовые технологии рассматриваются как ресурс и не могут выходить за пределы национальных границ, что негативно сказывается на естественном процессе распространения технологий и не способствует их популяризации и дальнейшему развитию. Балканизация Интернета также приведет к

дальнейшему обострению геополитической игры в киберпространстве. Сейчас наблюдается тенденция к блоковому противостоянию стран в киберпространстве, а нормальному международному коммерческому сотрудничеству мешает геополитика. Таким образом, экономическая глобализация оказывается под большим вопросом.

Выводы по главе

В целом, глобализация Интернета подвергается серьезным испытаниям из-за усиления геополитики. В киберпространстве явно наметилась тенденция обратной глобализации. Дилемма безопасности в киберпространстве сохранится надолго, а это значит, что геополитические игры по-прежнему будут определять развитие управления Интернетом, ситуация с провалами в управлении Интернетом не улучшится, а феномен балканизации Интернета будет сохраняться.

После 2020 года международная ситуация становится все более острой. Эпидемия COVID-19 и экономический спад обострили геополитические конфликты. По всему миру возникли масштабные вооруженные конфликты. В то же время интернет-сообщества становятся все более поляризованными: в киберпространстве появляется все больше политических программ, сообщества изолируются друг от друга или вступают в ожесточенные конфликты. Граждане разных стран также сталкиваются друг с другом под влиянием национализма, что приводит к конфликтам в киберпространстве. Все это оказывает серьезное негативное влияние на управление интернетом и формирование онлайн-среды. Несмотря на стремительное развитие таких технологий, как искусственный интеллект и блокчейн, перспективы управления интернетом не улучшились в результате технического прогресса. Основными предпосылками для эффективного управления Интернетом являются создание эффективных механизмов международного управления и сотрудничество между странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В развитии глобальной системы управления Интернетом наиболее прямым и важным является конфликт между многосторонней моделью и моделью участия многих заинтересованных сторон. Модель участия многих заинтересованных сторон выступает за плюрализм участников, консультации, сотрудничество и общую ответственность за управление Интернетом, а ее функционирование теоретически является открытым, прозрачным и эффективным. С момента своего появления эта модель стала доминирующей моделью управления Интернетом. По сравнению с моделью участия многих заинтересованных сторон, многосторонняя модель появилась позже и придавала большее значение роли национальных правительств. Исходя из различий между основными участниками, эти две модели имеют противоположные пути развития: модель участия многих заинтересованных сторон – «снизу вверх», а многосторонняя модель – «сверху вниз».

При глубоком рассмотрении этих двух моделей можно утверждать, что теоретически они не являются взаимоисключающими. Модель участия многих заинтересованных сторон – скорее концепция управления, которая утверждает, что все стороны могут участвовать в управлении на равных условиях и проводить консультации по вопросам управления на инклюзивной основе, в то время как многосторонняя модель делает больший акцент на использовании межправительственного сотрудничества для решения проблем Интернета и использовании централизованных ресурсов правительства для более эффективной реализации политики управления Интернетом. Кроме того, в этих двух моделях не совпадают ключевые уровни. Модель участия многих заинтересованных сторон работает в основном на прикладном уровне, отвечая за управление конкретными компонентами Интернета, в то время как многосторонняя модель может лучше использовать силу государственного

принуждения для поддержания процесса управления на физическом и поведенческом уровнях.

Развитие Интернета – поэтапный процесс. Эволюционный процесс от ранних этапов технологического развития, этапа коммерциализации до этапа социализации происходил под влиянием технологического развития и технического прогресса, а также под воздействием обстоятельств международного значения (например, инцидента с Prism, пандемии COVID-19). Развитие интернета привело к постепенному углублению взаимодействия между интернетом и реальным миром, а также к росту влияния интернета на реальный мир, причем это влияние носит всеобъемлющий характер, включая экономическую, социальную, образовательную и медицинскую сферы. Фактически все сферы сегодня подвергаются цифровой трансформации, цифровые технологии изменили способ производства и жизни в мире. Именно потому, что влияние Интернета настолько огромно, ему трудно оставаться технологически нейтральным, и его тенденция к политизации неизбежна.

Хотя в период после окончания холодной войны, с развитием экономической глобализации, взаимозависимость стран мира постепенно углубляется, геополитическая конкуренция по-прежнему остается важнейшим противоречием в мировой политике. После возвышения Китая Соединенные Штаты и Китай попали в «ловушку Фукидида» и вступили в острую геополитическую конкуренцию. Геополитический конфликт между двумя странами отражается не только в реальном политическом и военном раскладе игры, но и в сфере нетрадиционной безопасности, главным проявлением которой является торговая война и технологическая война США и Китая, длящиеся уже несколько лет. В торговой и технологической войне интернет и цифровые технологии являются наиболее важными сферами конкуренции. В сфере управления Интернетом результатом геополитической конкуренции является реформирование и замена системы управления.

Интернет и его дополнительные ресурсы находятся в центре конкуренции между странами. Точнее говоря, геополитическая игра в киберпространстве

ведется между двумя группами: с одной стороны, это страны с преобладающими национальными интересами, которые построили Интернет раньше и имеют более развитый доступ к нему, в основном представленные США, Европейским союзом и Японией; с другой стороны, это страны догоняющего развития, которые получили доступ к Интернету позже и являются развивающимися регионами в интернет-сфере, в основном представленные Китаем, Россией и Бразилией. В случае когда основные ресурсы и большая часть власти сосредоточены в руках одной страны, преследующей свои корыстные интересы, подъем позднеразвитых стран неизбежно начнет оказывать влияние на существующую международную модель с целью перераспределения интересов. Геополитическая конкуренция в этой ситуации будет очень острой. В результате международная система изменится.

В глобальном управлении Интернетом ICANN обладает абсолютным контролем над корневым сервером доменных имен, самым важным ресурсом Интернета. Однако ICANN уже давно де-факто поддерживает связь с Соединенными Штатами. Поэтому можно предположить, что ранний Интернет контролировался Соединенными Штатами. Появление вокруг ООН таких институтов управления, как WSIS, WGIG, IGF и т.д. – попытка поздних развитых стран сломать гегемонию США в первоначальной системе, создав новую систему. Но на самом деле IGF не обладает правом принуждения, а уровень управления, который он включает, не такой, как у ICANN, поэтому эта попытка создать новую систему в целом провалилась. Другой способ изменить систему управления – институциональные изменения. В управлении Интернетом наиболее важным его проявлением является реформа ICANN. Однако реформа ICANN не изменила фактический контроль над ICANN со стороны западных стран. Можно сказать, что эта институциональная реформа также является неудачной. В результате претензии стран-посетителей на контроль над серверами корневых доменных имен не были реализованы. Но

распределение серверов IPv6 показывает результаты геополитических игр в управлении физическим уровнем.

В результате легитимность ICANN была поставлена под сомнение, и это сомнение существовало как до, так и после реформы ICANN. Отсутствие легитимности поставило фактическое руководство ICANN в сложное положение, и роль ICANN ограничилась конкретной областью – администрированием корневых серверов имен. Но дело в том, что Интернет превратился в глобальную гигантскую систему, включающую в себя широкий спектр доменов. Хотя корневые серверы имен являются основой для работы Интернета, борьба за дополнительные преимущества Интернета сейчас еще более важна. Области применения Интернета продолжают расширяться по мере появления новых технологий, а это значит, что его ценность продолжает расти.

Когда реформы старой системы оказались под угрозой срыва, геополитическая конкуренция заставила правительства стран-победительниц вернуться на путь создания новой системы. Стремясь получить как можно больше выгод, разработчики часто включают в дизайн системы свои собственные национальные идеологии, чтобы международная институциональная структура в большей степени отвечала их национальным потребностям. Такая институциональная ненейтральность снижает легитимность институтов. Помимо механизмов управления в рамках ООН и ITU, у США, Европейского союза, Китая, России, Бразилии, Саудовской Аравии и других стран есть свои собственные механизмы управления в виде инициатив, форумов и конференций. Сложность и разнообразие механизмов управления на деле привели к институциональным злоупотреблениям, которые серьезно снизили эффективность глобального управления Интернетом. Поскольку геополитическое соперничество – особенно между США, Китаем и Россией – превратило изначально неконфликтные ICANN и IGF, модель участия многих заинтересованных сторон и многостороннюю модель в противоположные сущности, подобные идеологии, ICANN и IGF

одновременно стали ядром управления Интернетом. Одновременное существование нескольких ядер управления Интернетом является основной причиной неудачи управления.

Отсутствие единого и эффективного механизма управления на глобальном уровне затрудняет эффективную реализацию международных правил в области управления Интернетом. В отсутствие эффективной публичной платформы стоимость обмена информацией между странами находится на высоком уровне. Непрозрачность информации привела к крайне низкому взаимному доверию между странами в сфере управления Интернетом. В частности, инцидент с Prism серьезно ослабил сотрудничество и доверие между странами.

В силу особой природы Интернета затраты на проведение кибератаки гораздо меньше, чем затраты на защиту. Это означает, что дилемма кибербезопасности находится на чрезвычайно высоком уровне. Это является прямым результатом провала глобального управления Интернетом. В результате дилеммы кибербезопасности страны вынуждены усиливать уровень своей кибербезопасности и киберсуверенитета. Распространение консервативных тенденций привело к тому, что Интернет де-факто сформировал границы, соответствующие государственным. Интернет продемонстрировал фрагментацию между странами, и стал де-факто фрагментированным. В ранних представлениях об Интернете основным положением дел был единый Интернет, однако геополитика привела к тому, что глобальный Интернет утратил свое единство. Геополитические конфликты используют киберпространство как поле боя, а кибертехнологии и ресурсы – как оружие соперничества. Киберпространство в условиях феномена балканизации Интернета фактически стало придатком государства и расширенным пространством для осуществления государственной власти. Такое положение дел благоприятно для национального суверенитета и национальной безопасности, но оно также, несомненно, препятствует свободному распространению информации в глобальном интернет-

пространстве. Вертикальное управление национальным интернет-пространством со стороны государства затрудняет выработку единой политики глобального управления, что еще больше усугубляет феномен провала управления интернетом, все это превращается в своеобразный порочный круг.

Исходя из приведенного выше анализа, можно получить четкую логическую взаимосвязь: кибергеополитика – неэффективность управления Интернетом – дилемма кибербезопасности – балканизация Интернета. Отсюда можно сделать обратный вывод: если мы хотим решить эти проблемы в рамках нынешнего управления Интернетом, нам необходимо сначала ослабить сетевую геополитическую конкуренцию. Только эффективный механизм управления Интернетом может обеспечить достаточное количество общественных благ, снизить стоимость коммуникации между странами, а затем смягчить острую кибергеополитическую ситуацию. На данный момент система управления Интернетом в узком смысле – то есть система управления вокруг корневого сервера доменных имен – уже создана. Однако система управления Интернетом в широком смысле еще не полностью сформирована. Управление физическим, логическим и прикладным уровнями, которые являются наиболее важными в настоящее время, фактически три совершенно разные системы, с разными темами, целевыми объектами и способами участия в процессах на этих трех уровнях. Таким образом, при обсуждении наиболее подходящей и эффективной модели управления важно учитывать различия между разными уровнями Интернета. Учитывая многоуровневый характер Интернета, идеальная система управления должна не только содержать ряд механизмов, охватывающих все области, связанные с управлением Интернетом, но и создать единый центр управления для эффективного планирования развития Интернета и надлежащей координации решения вопросов управления. Таким образом, формирование системы управления Интернетом – длительный процесс.

После 2020 года повсеместное распространение Интернета вышло на новый уровень благодаря пандемии COVID-19. Пандемия ускорила глобальный экономический спад, который, в свою очередь, усилил глобальное и региональное геополитическое соперничество и даже привел к локальным войнам во многих регионах. Эта динамика находит свое отражение и в Интернете: многочисленные случаи ненавистнических высказываний и нетерпимости между странами и государствами, а также растущее число терактов с использованием Интернета. Сегодня, когда международная политическая напряженность очень высока, особенно важно наладить международное сотрудничество и диалог для улучшения глобального управления Интернетом. Но пока геополитическая конкуренция в реальном пространстве не ослабнет, создание таких механизмов будет затруднено.

На современном этапе мировая геополитика достигла лихорадочной стадии. Геополитическая конкуренция на глобальном уровне проникла в различные политические вопросы, продолжают вспыхивать геополитические конфликты, в результате геополитического обострения возникают региональные войны. В таких условиях, несомненно, очень сложно создать эффективную систему управления Интернетом. Международная система переживает критический период перемен, и сохранить единство Интернета непросто.

Исходя из данной геополитической ситуации, многосторонняя модель, в центре которой находятся национальные правительства, является более эффективной в управлении Интернетом. Усиление влияния правительств в управлении Интернетом может эффективно снизить геополитическую напряженность. Хотя модель участия многих заинтересованных сторон играет определенную роль в управлении конкретными интернет-ресурсами, интересы стран в ней не обеспечиваются на справедливой основе. Западные страны с более развитой цифровой экономикой и индустрией могут доминировать в модели участия многих заинтересованных сторон. В краткосрочной перспективе системе управления Интернетом в глобальном масштабе по-

прежнему будет сложно работать эффективно, а явление балканизации Интернета будет усиливаться. В долгосрочной перспективе, в силу тесной взаимосвязи управления Интернетом и реальной политики, единый глобальный механизм управления Интернетом может быть создан и начнет действовать только тогда, когда международная политика перейдет к периоду стабильности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРИКС: сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa

НАТО: Организация Североатлантического договора

НПО: Неправительственные организации

ТНК: Транснациональные корпорации

ООН: Организация Объединённых Наций

ОЭСР: Организация экономического сотрудничества и развития

ВВУИО: Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества

РМЭ: Регламент международной электросвязи

ВКМЭ: Всемирная конференция по международной электросвязи

ИИ: Искусственный интеллект

5G: Fifth-generation technology standard for cellular networks

AfriNIC: African Network Information Centre

AI: Artificial intelligence

APNIC: Asia-Pacific Network Information Centre

ARIN: American Registry for Internet Numbers

ARPA: Address and Routing Parameter Area

ccTLD: Country code top-level domain

CSDP: Common Security and Defence Policy

CSS: Cascading Style Sheets

DARPA: Defense Advanced Research Projects Agency

DDoS: Distributed Denial of Service

DNS: Domain Name System

DOC: Department of Commerce

FTP: File Transfer Protocol

G20: Group of Twenty

G7: Group of Seven

GAC: Governmental Advisory Committee

GDC: Global Digital Compact
GDPR: General Data Protection Regulation
gTLD: Generic top-level domains
gTLD-MoU: Generic Top Level Domain Memorandum of Understanding
HTTP: HyperText Transfer Protocol
IAB: Internet Architecture Board
IAHC: International Ad Hoc Committee
IANA: Internet Assigned Numbers Authority
ICANN: Internet Corporation for Assigned Names and Numbers
IESG: Internet Engineering Steering Group
IETF: Internet Engineering Task Force
IFR: IANA Naming Function Review
IGF: Internet Governance Forum
IoT: Internet of Things
IP: Internet Protocol
IPX: Internetwork Packet Exchange
IRP: Independent Review Process
IRSG: International Rubber Study Group
IRTF: Internet Research Task Force
ISOC: Internet Society
ISP: Internet service provider
ITRs: International Telecommunication Regulations
ITU: International Telecommunication Union
LACNIC: Latin American and Caribbean Internet Address Registry
MITM attack: Man-in-the-middle attack
NSF: National Science Foundation
NSI: Network Solutions Inc.
NSPDPA: National Security and Personal Data Protection Act of 2019
NTIA: National Telecommunications and Information Administration
PTI: Public Technical Identifiers

RFC: Request for Comments

RIPE NCC: Réseaux IP Européens Network Coordination Centre

RIR: Regional Internet registry

SCWG: Separation Cross-Community Working Group

SMTP: Simple Mail Transfer Protocol

SPX: Sequenced Packet Exchange

SQL: Structured Query Language

SSH: Secure Shell

T-12: League of Digital Democracies

TCP: Transmission Control Protocol

TLD: Top-level domain

URL: Uniform Resource Locator

W3C: World Wide Web Consortium

WCIT: World Conference on International Telecommunications

WGIG: Working Group on Internet Governance

WSIS: World Summit on the Information Society

WWW: World Wide Web

XML: Extensible Markup Language

XSS: Cross-Site Scripting

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

На русском языке:

1. Наделенное полномочиями сообщество. // URL: <https://www.icann.org/ru/ec>
Дата обращения: 10.03.2023.
2. Российская федерация. Федеральный закон. О персональных данных.
<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=447363&ysclid=lwap3snmgs384156474> Дата обращения: 09.01.2024.

На английском языке:

Access date:

3. About the Internet Architecture Board. // URL: <https://www.iab.org/> Access date: 10.06.2023.
4. Active IETF working groups. // URL: <https://datatracker.ietf.org/wg/> Access date: 10.06.2023.
5. A Proposal to improve technical management of Internet names and addresses.
Discussion draft 1/30/98.
<https://www.ntia.gov/files/ntia/publications/dnsdrft.txt> Access date: 02.04.2024.
6. General Data Protection Regulation. <https://gdpr-info.eu/> Access date: 09.01.2024.
7. Governance and development. // URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/604951468739447676/governance-and-development> Access date: 10.03.2023.
8. H.R.7520 - Protecting Americans' Data from Foreign Adversaries Act of 2024.
<https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/7520/text> Access date: 09.01.2024.
9. IANA. // URL: <https://www.iana.org/about> Access date: 19.11.2023.
10. ICANN // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/welcome-2012-02-25-en> Access date: 19.11.2023.

11. IGF Annual Meetings Proceedings. <https://www.intgovforum.org/zh-hans/node/4567> Access date: 21.11.2023.
12. Internet Architecture Board. // URL: <https://www.iab.org/about/iab-overview/> Access date: 10.06.2023.
13. Interactive charts on Internet. // URL: <https://ourworldindata.org/internet> Access date: 10.02.2024.
14. Internet Society. // URL: <https://www.internetsociety.org/about-internet-society/> Access date: 10.06.2023.
15. IRTF Research Groups. <https://www.irtf.org/groups.html> Access date: 11.07.2023.
16. Population estimates and projections. // URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=Health%20Nutrition%20and%20Population%20Statistics%3A%20Population%20estimates%20and%20projections> Access date: 02.12.2023.
17. S.2889 - National Security and Personal Data Protection Act of 2019. // URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2889> Access date: 09.01.2024.
18. S.1974 - Protecting Americans' Data From Foreign Surveillance Act of 2023. // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1974> Access date: 09.01.2024.

На китайском языке:

19. 中华人民共和国网络安全法. https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm Дата обращения: 09.01.2024.
20. 中华人民共和国数据安全法. https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm Дата обращения: 09.01.2024.
21. 数据出境安全评估办法. https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-07/08/content_5699851.htm Дата обращения: 09.01.2024.

II. Литература

i. Монографии, сборники статей, диссертационные исследования

На русском языке:

22. Ахмедов Р.М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
23. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015.
24. Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. (Под ред.) Цифровые международные отношения: В двух тт. Т.1. М.: Аспект Пресс, 2023.
25. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
26. Урри Дж. Как выглядит будущее. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
27. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016.

На английском языке:

28. Beate Kohler-Koch-Rainer Eising. The Transformation of Governance in the European Union, London: Routledge, 1999.
29. Brautigam, D. Governance and economy: a review, World Bank Policy Research Working Papers No.815, World Bank, Washington, DC, 1991.
30. Gilpin, R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
31. Flew, T. New Media. - Oxford : Oxford University Press, 2008.
32. Hass, P. Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation. New York: Columbia University Press, 1990.
33. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton University Press. 1976.
34. Krasner S.D., ed. International Regime. New York: Cornell University Press, 1983.

35. OECD. Development Assistance Committee, Final report of the ad hoc Working Group on Participatory Development and Good Governance: Part 1, 1997.
36. Mansell, R. & Steinmueller, W. E. Advanced Introduction to Platform Economics, Massachusetts: Edward Elgar, 2020.
37. Roxana Radu, Jean-Marie Chenou, and Rolf H. Weber, eds., The Evolution of Global Internet Governance: Principles and Policies in the Making, London: Springer, 2014.
38. Schmitter, P. C. Participation in Governance Arrangements: Is there any reason to expect it will achieve Sustainable and Innovative Policies in a Multilevel Context?, in: Grote, J. R./Gbikpi, B. (eds.): Participatory Governance. Political and Sociatal Implications, Opladen: Leske & Budrich, 2002, pp51-70.
39. The Commission on Global Governance, Our Global Neighbourhood, Oxford: Oxford University Press, 1995.
40. UNDP, Governance for Sustainable Human Development, New York: UNDP, 1997.
41. Wivel, A., Paul, T. V. ed. International Institutions and Power Politics: Bridging the Divide. Georgetown University Press. 2019.

На китайском языке:

42. Акиеси Хосино. Глобальная политология [星野昭吉. 全球政治学]. Пекин: Издательство Синьхуа Пресс, 2000.
43. Бжезинский З. План конкуренции: геостратегическая платформа для американо-советского соперничества [兹比格纽·布热津斯基: 竞赛方案: 进行美苏竞争的地缘战略纲领], Пекин: Китайская переводческая и издательская компания, 1988.
44. Годен Ж.П. Что такое управление [让·皮埃尔·戈丹, 何谓治理], издательство литературы по социальным наукам, 2010.
45. ДеНардис Л. Глобальная игра по управлению Интернетом [劳拉·德拉迪斯.

- 互联网治理全球博弈], Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2017.
46. Курбалийя Й. Управление Интернетом: седьмое издание [约万·库尔巴里贾, 互联网治理: 第七版], Пекин: Издательство университета Цинхуа, 2019.
 47. Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность: исследование политической науки реконструкции [哈福德·麦金德, 民主的理想与现实: 重建的政治学之研究], Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2016.
 48. Мюллер М.Л. Управление Интернетом с самого начала: Управление Интернетом и приручение киберпространства [米尔顿·L·穆勒, 从根上治理互联网: 互联网治理与网络空间的驯化], Пекин: Издательство электронной промышленности, 2019.
 49. Паркер Д. Геополитика: прошлое, настоящее и будущее [杰弗里·帕克, 地缘政治学: 过去、现在和未来]. Пекин: издательство Синьхуа Пресс, 2003.
 50. Розинов Д.Н. Здесь нет государственного управления [詹姆斯·N·罗西瑙. 没有政府的治理]. Наньчан: Народное издательство Цзянси, 2001.
 51. Спикмэн Н. География мира [尼古拉斯·斯皮克曼: 和平地理学], Шанхайское народное издательство, 2016.
 52. Хирд Д. и др.: Великие глобальные перемены [戴维·赫尔德等: 全球大变革]. Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2001.
 53. Лан Пин. Международное управление и игры в киберпространстве [郎平. 网络空间国际治理与博弈], Пекин: China Social Sciences Press, 2022.

ii. Статьи из периодических изданий

На русском языке:

54. Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология.

- Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121-128.
55. Билотта Н. Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 30-47. – DOI 10.17323/1996-7845-2020-04-02.
 56. Блохин К.В. Мировая геополитическая конкуренция в контексте четвертой промышленной революции // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. №3. С. 339-351.
 57. Быков И.А. Управление Интернетом как одна из проблем современных международных отношений // ПОЛИТЭКС. 2008. № 2. С. 164-174.
 58. Васильковский С.А., Игнатов А.А. Управление Интернетом: системные диспропорции и пути их разрешения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 7-29.
 59. Вершинина Т.В., Карпович О.Г., Ногмова А.Ш. Проблемы кибербезопасности в эпоху COVID-19 // Вестник ученых-международников. – 2022. – № 1(19). – С. 12-27.
 60. Володенков С.В. Интернет-пространство в системе глобального политического управления: основные сценарии трансформации // Вестник Российской нации. – 2017. – № 4(56). – С. 147-161.
 61. Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 2(14). – С. 146-152. – DOI 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152.
 62. Головенкин Е.Н. Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2016. – № 1. – С. 48-57.
 63. Горян Э.В. Нормативно-правовая основа обеспечения национальной

- безопасности в киберпространстве: опыт Китайской Народной Республики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 115-124. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/115-124.
64. Грунтовский Д.А. Геополитические парадигмы в политологии // Globus: Гуманитарные науки. – 2019. – № 4(30). – С. 7-11.
65. Дегтерев, Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 7-33. – DOI 10.17323/1996-7845-2021-03-01.
66. Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 25-43. – DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2
67. Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 47-61. – DOI 10.21638/spbu25.2019.103.
68. Ефремов А.А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 36-39.
69. Зиновьева Е.С., Булва В.И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. – 2021. – № 2(102). – С. 40-49. – DOI 10.15211/soveurope220214049.
70. Зиновьева Е.С. Глобальное управление Интернетом: Российский подход и международная практика // Вестник МГИМО. 2015. №4 (43). С. 111-118.
71. Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 167-174.
72. Зиновьева Е.С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии. – Полис.

- Политические исследования. 2022. № 2. С. 8-21. DOI 10.17976/jpps/2022.02.02
73. Игнатов А.А. Управление Интернетом в повестке БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 86-109.
74. Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Структура геополитики // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 66-74.
75. Истомин Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика. 2020. №5. С. 90-109.
76. Карасев П.А. Управление интернетом – тенденции и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Т. 11, № 9. С. 59-65.
77. Карпович О.Г., Ногмова А.Ш. Международно-правовые проблемы противодействия киберпреступности // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 1. – С. 21-26. – DOI 10.18572/1812-3910-2022-1-21-26.
78. Касенова М.Б., Воронина Е.П. Европейский союз на пути к цифровому суверенитету? // Интернет изнутри. – 2023. – № 19. – С. 41-44.
79. Кирилук О.В. Международно-правовые основы саморегулирования в киберпространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №1. С. 177-188.
80. Ковригин Д.Э. Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 2. С. 153-158. DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-2-153-158.
81. Косинова С.Н. Обеспечение безопасности интернет-пространства посредством новой многополярности// Национальная безопасность. 2022. № 1. С. 1-11. DOI 10.7256/2454-0668.2022.1.37575.
82. Кочетков А.П. Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе //

- Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 31-45.
83. Кочетков А. П. Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96-113. – DOI: 10.17976/jpps/2023.01.08.
84. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики//Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – № 1. – С. 109-134.
85. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. – 2024. № 4. – С. 135-145. – DOI 10.17976/jpps/2024.04.10.
86. Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 198–212. – DOI 10.15688/jvolsu4.2022.1.17.
87. Куркемова Э.Т. Интернет-технологии как ресурс активности политических акторов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2(47). – С. 101-108.
88. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 48-69. – DOI 10.17323/1996-7845-2020-04-03.
89. Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С. Свобода выбора и сетевые «эхо-эффекты» информационного потребления // Социодинамика. 2024. № 1. С. 53-63. 55. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.1.68951
90. Лю К.А. Ключевые направления развития наднационального правового регулирования цифрового пространства ЕС на современном этапе //

- Международное право. 2022. № 1. С. 61-75. DOI 10.25136/2644-5514.2022.1.37674.
91. Мамычев А.Ю., Кочетков А.П., Понеделков А. Трансформация властных отношений и формирование цифровой элиты в политическом процессе современного общества // Власть и элиты в цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 г. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮОИУ РАНХиГС, 2022 с. 1-12.
 92. Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 254-264. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264.
 93. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. [и др.] Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206-216. – DOI 10.17223/1998863X/60/18.
 94. Полончук Р.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности в условиях нарастающего противодействия со стороны США // Информационные войны. – 2019. – № 2(50). – С. 60-63.
 95. Приходько О.В. США-Европа: информационная безопасность и кризис доверия // Обозреватель - Observer. 2014. №4 (291). С. 23-39.
 96. Птицына С.С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретикосоциологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – №3 (4). – С. 55-56.
 97. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. – 2017. – № 4(98). – С. 156-170.
 98. Рамич, М.С., Пискунов Д.А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 238-255. – DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255.
99. Романова Т.А., Малова А.Н. Проблема применения категории «стрессоустойчивость» в политике кибербезопасности Евросоюза // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 20-46.
 100. Рау И. К вопросу о новых геополитических тенденциях в свете перехода к технологиям 5G (2013–2021) // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 117-126.
 101. Рывкин С.Ю. Особенности расследования кибернетических преступлений / С.Ю. Рывкин, Т.А. Гусейнов // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 4(81). – С. 71-75. – DOI 10.24158/per.2020.4.12. 73.
 102. Столетов О. В. Стратегии цифрового развития ключевых государств "Глобального Юга" в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 221-237. – DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.
 103. Сомин И.Д. От геополитики к биополитике и сетевому обществу: трансформация проекта «Империя» // Манускрипт. 2019. С. 202-207.
 104. Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 141-151.
 105. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в пространстве мировой политики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. №10. 441-453.
 106. Терехин Д.А. Концепция Web 3.0 или инструмент управления организациями будущего // Креативная экономика. 2010. № 7. С. 122-127.
 107. Тимофеев С.В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования // Вестник РГГУ.

- Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. С. 109-120. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-109-120. 114.
108. Ткаченко И.Ю. Проблемы развития цифровых технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №9. С. 76-87.
 109. Федорченко, С.Н. Эффект палладиума: ценности великих держав в эпоху искусственного интеллекта // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7, № 4. С. 3-32. DOI 10.12737/2587-6295-2023-7-4-3-32.
 110. Шапкин В.В. Методологические основания институционализма // Проблемы современной экономики. 2011. № 2 (38). С. 58-62.
 111. Шевченко Я.Н. Цифровой суверенитет Европы в контексте политики глобального управления данными // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 251-270. – DOI 10.31249/poln/2021.03.11.
 112. Шестопап С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 1(30). – С. 398-403. – DOI 10.26140/bgz3-2020-0901-0098.
 113. Шипулин В.О. Трансформации суверенитета в эпоху информационной глобализации // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 2(41). – С. 255-259. – DOI 10.34680/2411-7951.2022.2(40).255-259.
 114. Ширин С.С. Российские инициативы по вопросам управления Интернетом // Вестник МГИМО. 2014. №6 (39). С. 73-81.
 115. Штодина Д.Д. Глобальное управление Интернетом: российский законодательный подход // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3(166). – С. 30-34. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-3-166-30-34.
 116. Штоль В.В., Задохин А.Г. Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России // Обозреватель. – 2022. – № 5-6(388–389). – С. 66-78. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_5-6_66.
 117. Шугуров М.В. «Группа восьми» (G8) и дилеммы глобального управления Интернетом: международно-правовой аспект // Право и политика. – 2012. – № 6. – С. 1098-1127.

На английском языке:

118. Bob J. (1998) The rise of governance and the risks of failure: the case of economic development. *International Social Science Journal*. 155, 29-45.
119. Cascini F., Pantovic A., Al-Ajlouni Y.A., Failla G., Puleo V., Melnyk A., Lontano A., Ricciardi W. (2022). Social media and attitudes towards a COVID-19 vaccination: A systematic review of the literature. *EClinicalMedicine*. 48, 101454. DOI: 10.1016/j.eclinm.2022.101454.
120. David Singer J. 1961. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. *World Politics*, 14(1), 77-92. DOI:10.2307/2009557
121. Evens T., Donders K. (2020). Regulating digital platform power. *Journal of Digital Media & Policy*, 3(1), 235-239. DOI: 10.1386/jdmp_00024_2
122. Flonk D., Jachtenfuchs M., Obendiek A.S. (2020). Authority conflicts in internet governance: Liberals vs. sovereigntists? *Global Constitutionalism*, 9(2), 364-386. DOI:10.1017/S2045381720000167
123. Herz J.H. (1950). Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*, 2(2), 157–180. DOI: 10.2307/2009187
124. Jervis R. (1978). Cooperation Under the Security Dilemma. *World Politics*, 30(2), 167–214. <https://doi.org/10.2307/2009958>
125. Jongen H., Scholte J.A. (2021). Legitimacy in multistakeholder global governance at ICANN. *Global Governance*, 27(2): 298–324. DOI: 10.1163/19426720-02702004
126. Jongen H., Scholte J.A. (2022). Inequality and legitimacy in global governance: an empirical study. *European Journal of International Relations*, 28(3), 667-695. DOI: 10.1177/13540661221098218
127. Linn J.K. (1961). THE LEGACY OF GEOPOLITICS. *Naval War College Review*, 14(2), 30–72.
128. Major P. (2015). Internet Governance: Trends and realities. Part 1. *Biznes-Informatika*, 4(34), 7-14. – DOI 10.17323/1998-0663.2015.4.7.14.
129. Major P. (2016). Internet Governance: Trends and realities. Part 2. *Biznes-*

- Informatika, 1(35), 20-25. – DOI 10.17323/1998-0663.2016.1.20.25.
130. Puri N., Coomes E.A. (2020). Haghbayan H, Gunaratne K. Social media and vaccine hesitancy: new updates for the era of COVID-19 and globalized infectious diseases. *Hum Vaccin Immunother*, 16(11), 2586-2593. doi: 10.1080/21645515.2020.1780846.
 131. Radu R., Nanni, R., Shahin J. (2024). New challenges in Internet governance: Power shifts and contestation from “within”. *Telecommunications Policy*, 48(5), 102740. DOI: 10.1016/j.telpol.2024.102740
 132. Rhodes R., (1996). The New Governance: Governing without Government, *Political Studies*, 44(4), 652-667.
 133. Schweller R.L. (2010). ‘Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity has become Less Meaningful’, *Cambridge Review of International Affairs*, 23 (1), 145–163.
 134. Stoker G. (1998). Governance as theory: five propositions. *International Social Science Journal*, 50(155), 17-28.
 135. Taylor R.D. (2020). “Data localization”: The internet in the balance. *Telecommunications Policy*, 44(8), 102003. DOI: 10.1016/j.telpol.2020.102003
 136. Van Klyton A., Arrieta-Paredes M. P., Palladino N., Soomaree A. (2023). Hegemonic practices in multistakeholder Internet governance: Participatory evangelism, quiet politics, and glorification of status quo at ICANN meetings. *The Information Society*, 39(3), 141–157. DOI: 10.1080/01972243.2023.2194295
 137. Williams C., Chaturvedi R., Chakravarthy K. (2020). Cybersecurity Risks in a Pandemic. *J Med Internet Res*, 22(9), e23692. DOI: 10.2196/23692
 138. Young O.R. (1989). The Politics of International Regime Formation: Managing Natural Resources and the Environment. *International Organization*, 43(3), 349–75. doi: 10.1017/S0020818300032963.
 139. Zhang C., Liu J., Chhachhar A.R. (2020). A comparative study of the global internet governance system between China and the United States. *Indian Journal of Science and Technology*, 13(23), 2303-2310. DOI: 10.17485/IJST/

v13i23.774

На китайском языке:

140. Ван Сяовэй, Яо Юй. Сетевой суверенитет и глобальное управление Интернетом [王小伟,姚禹.网络主权与全球互联网治理] // Философский анализ [哲学分析]. 2018. № 9 (01). С. 116-125+198.
141. Коэн С., Ли Пей. Геостратегические и геополитические зоны [S.B.科恩, 李珮.地缘战略区与地缘政治区] // География человека [人文地理]. 1991. № 1. С. 72-77.
142. Куан Вэньбо, Фаньюань. Трансформация глобальной системы управления Интернетом в соответствии с концепцией Сообщества судьбы в киберпространстве [匡文波,方圆.网络空间命运共同体理念下的全球互联网治理体系变革] // Журнал Уханьского университета (издание по философии и социальным наукам) [武汉大学学报(哲学社会科学版)]. 2023. № 76(05). С. 38-46. DOI:10.14086/j.cnki.wujss.2023.05.004.
143. Ли Вэй. Трансформация международного порядка и формирование реалистичной институционалистской теории [李巍.国际秩序转型与现实制度主义理论的生成] // Дипломатическое обозрение (журнал Академии иностранных дел) [外交评论(外交学院学报)]. 2016. № 33(01). С. 31-59. DOI:10.13569/j.cnki.far.2016.01.031.
144. Ли Вэй, Чжан Юхуань. Логика стратегии США в отношении ЗСТ: реалистичное институционалистское объяснение [李巍, 张玉环.美国自贸区战略的逻辑——一种现实制度主义的解释] // Мировая экономика и политика [国际政治经济学]. 2015. № 8. С. 127-154.
145. Ли Чжи, Тан Жуньхуа. Модель участия многих заинтересованных сторон: исследование пути к созданию глобальной системы управления Интернетом [李志, 唐润华.多利益攸关方模式:构建全球互联网治理体系的路径研究] // Наблюдение за СМИ [传媒观察]. 2020. № 12. С. 21-28.

DOI:10.19480/j.cnki.cmgc.2020.12.003

146. Ло Синь, Цай Юйтин. Структура распространения нормотворческой деятельности в области глобального управления Интернетом и подход Китая [罗昕, 蔡雨婷. 全球互联网治理规则制定的分布格局与中国进路] // Современные коммуникации (Журнал Коммуникационного университета Китая) [现代传播 (中国传媒大学学报)]. 2022. № 44(03). С. 68-75. DOI:10.19997/j.cnki.xdcb.2022.03.015.
147. Лу Цзюньюань. От натурализма к структурализму: эволюция геополитической методологии [陆俊元. 从自然主义到结构主义:地缘政治学方法论演变], География человека [人文地理]. 2007. № 5. С. 107-109.
148. Лян Юй. Различия, причины и последствия глобального управления данными между Китаем и Соединенными Штатами [梁宇. 中美全球数据治理的分歧、原因与后果] // Журнал Нанкинского университета почты и телекоммуникаций (издание по социальным наукам) [南京邮电大学学报 (社会科学版)]. 2024. № 1. С. 41-50.
149. Рен Линь. «Дипломатия выхода» и порядок глобального управления: анализ институционального реализма [任琳. “退出外交”与全球治理秩序——一种制度现实主义的分析] // Международная политология [国际政治科学]. 2019. № 1. С. 84-115.
150. Сенарклес П. Кризис управления и международных механизмов регулирования [皮埃尔·塞纳克伦斯. 治理与国际调节机制的危机] // Международная конференция по общественным наукам. 1999. № 1. С. 91-103.
151. У Чжичэн. Комментарий к западной теории управления [吴志成, 西方治理理论述评], Преподавание и исследования [教学与研究]. 2004. № 6. С. 60-65.
152. Флю Т. О будущем управления Интернетом: новая глобализация, постглобализация или национальный популизм? [特里·弗卢 互联网治理

- 的未来:新全球化、后全球化还是民族民粹主义?] // Журнал глобальных СМИ [全球传媒学刊]. 2022. № 5. С. 8-30.
153. Ху Чжидин, Лу Давао. Интерпретация классической геополитической теории на основе критической геополитики [胡志丁、陆大道. 基于批判地缘政治学视角解读经典地缘政治理论] // Журнал География [地理学报]. 2015. № 6. С. 851-863.
 154. Цзоу Сюйи. Дилемма глобального управления Интернетом и ценностная ориентация построения сообщества судьбы в киберпространстве [邹旭怡.全球互联网治理困境与网络空间命运共同体构建的价值取向] // Тяньцзинь, социальные науки [天津社会科学]. 2020. № 02. С. 83-87.DOI: 10.16240/j.cnki.1002-3976.2020.02.011
 155. Цзоу Цзюнь. Глобальное управление Интернетом: будущие тенденции и проблемы Китая [邹军.全球互联网治理:未来趋势与中国议题] // Журналистика и коммуникационные исследования [新闻与传播研究]. 2016. № 23. С. 5-13+125.
 156. Цзо Чао. Институциональный реализм и система сдержек и противовесов [左超. 制度现实主义与制衡] // Международная политическая наука [国际政治科学]. 2010. № 4. С. 112-121.
 157. Ци Шанцай. Дилемма глобального управления Интернетом: институциональные недостатки и недоработки в управлении [齐尚才. 全球互联网治理困境: 制度缺失与治理赤字] // Журнал педагогического университета Ланфан (издание по социальным наукам) [廊坊师范学院学报(社会科学版)]. 2020. № 36(04). С. 19-27. DOI: 10.16124/j.cnki.cn13-1390/c.2020.04.004.
 158. Цуй Баого. Противоречивая и игровая модель управления киберпространством [崔保国.网络空间治理模式的争议与博弈] // Журналистика и писательство [新闻与写作]. 2016. № 10. С. 23-26.
 159. Чжан Синьбао, Сюй Кэ. Модель управления суверенитетом в

- киберпространстве и ее институциональное построение [张新宝,许可.网络空间主权的治理模式及其制度构建] // Китайские общественные науки [中国社会科学]. 2016. № 08. С. 139-158+207-208.
160. Чжан Тэнцзюнь. Еще одна дискуссия о статусе и роли Международного союза электросвязи в глобальном управлении Интернетом [张腾军.再论国际电信联盟在全球互联网治理中的地位和作用] // Реформа и открытость [改革与开放]. 2019. № 16. С. 14-16. DOI:10.16653/j.cnki.32-1034/f.2019.016.005.
161. Чжан Фалинь. Реалистический институционализм: синтез теории международных отношений [张发林.现实制度主义:一种国际关系理论的合成] // Международные политические исследования [国际政治研究]. 2022. № 4. С. 73-94.
162. Чэнь Хунмэй. Размышления о легализации глобального управления Интернетом [陈红梅.全球互联网治理法治化思考] // Журнал Сянтаньского университета (издание по философии и социальным наукам) [湘潭大学学报(哲学社会科学版)]. 2019. № 43(01). С. 82-86. DOI:10.13715/j.cnki.jxupss.2019.01.011
163. Юй Хайян, Чжан Вэйвэй. Критика традиционной геополитической теории и возможность построения нейтральной геоагентуры [于海洋、张薇薇.传统地缘政治理论的批判及中立性地缘议程建构的可能] // Общественные науки [社会科学]. 2021. № 11. С. 17-27. DOI:10.13644/j.cnki.cn31-1112.2021.11.003.
164. Юй Кэпин. Введение в глобальное управление [俞可平.全球治理引论] // Марксизм и реальность [马克思主义与现实]. 2002. № 1. С. 20-32.
165. Ян Фэн. Глобальное управление Интернетом, общественные блага и путь Китая [杨峰.全球互联网治理、公共产品与中国路径] // Преподавание и научные исследования [教学与研究]. 2016. № 9. С. 51-58.

III. Интернет-ресурсы

На русском языке:

166. Минюст внес Meta в реестр экстремистских организаций.
<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6380a2d39a79473e6ddb9731> Дата обращения: 10.10.2024.
167. Что известно о задержании Павла Дурова в Париже.
https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/08/2024/66ca4eee9a79473219f2013f?ysclid=m2349elp96991165216 Дата обращения: 10.10.2024.

На английском языке:

168. Ask the Expert: Social media's impact on vaccine hesitancy. // MSUToday, 15.06.2021. URL: <https://msutoday.msu.edu/news/2021/ask-the-expert-social-medias-impact-on-vaccine-hesitancy> Access date: 15.03.2024.
169. Bossey C.D. Report of the Working Group on Internet Governance. // State.gov, June 2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/e/eeb/rls/rpts/other/49653.htm> Access date: 05.02.2024.
170. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. // Electronic Frontier Foundation, 08.02.1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> Access date: 17.03.2023.
171. Establishment of a Memorandum of Understanding on the Generic Top Level Domain Name Space of the Internet Domain Name System (gTLD-MoU). // Wayback Machine, 28.02.1997. URL: <https://web.archive.org/web/19971211190257/http://www.gtld-mou.org/gTLD-MoU.html> Access date: 13.09.2023.
172. How misinformation, medical mistrust fuel vaccine hesitancy. // Stanford Medicine, 02.09.2021. URL: <https://med.stanford.edu/news/all-news/2021/09/infodemic-covid-19.html> Access date: 15.03.2024.
173. Internet Governance—Towards Voluntary Multilateralism. // ITU, 29.04.1997 URL: <https://www.itu.int/itudoc/osg/spu/pres/dev-mark/> Access date: 23.11.2023.

174. Larson, A.K. Donald Trump's Twitter and His Influence on the Media: A Study of How Political Social Media Accounts Impact Press Coverage. // University of Washington, 06.08.2021. URL: <https://com.uw.edu/wp-content/uploads/2021/08/Larson-Honors-Thesis-Final.pdf> Access date: 11.02.2024.
175. Mitchell A., Liedke J. About four-in-ten Americans say social media is an important way of following COVID-19 vaccine news. // Pew Research Centel, 24.08.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/08/24/about-four-in-ten-americans-say-social-media-is-an-important-way-of-following-covid-19-vaccine-news/> Access date: 15.03.2024
176. Number of internet users worldwide from 2005 to 2023. <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> Access date: 21.10.2024.
177. Proposal for an ISOC Role in DNS Name Space Management. // ISOC, November 1995. URL: <https://datatracker.ietf.org/doc/pdf/draft-isoc-dns-role-00> Access date: 10.09.2023.
178. Statement of Policy on the Management of Internet Names and Addresses. // National Telecommunications and Information Administration, 06.05.1998. URL: <https://www.ntia.gov/federal-register-notice/statement-policy-management-internet-names-and-addresses> Access date: 19.11.2023.
179. Schaake, M. Stop Balkanizing the Internet. // Huff Pos, 17.07.2012, URL: https://www.huffpost.com/entry/stop-balkanizing-the-internet_b_1661164 Access date: 28.11.2023.
180. World Population by Year. <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-by-year/> Access date: 21.10.2024.
181. WSIS: Plan of Action // ITU, 12.12.2003. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/docs/geneva/official/poa.html> Access date: 05.12.2023.
182. Zittrain J. Three eras of digital governance. // Völkerrechtsblog, 27.11.2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3458435 Access

date: 12.11.2023.

183. Unprecedented Increase in Cyber Attacks Targeting Government Entities in 2022. // CloudSEK, 30.12.2022. URL: <https://www.cloudsek.com/whitepapers-reports/unprecedented-increase-in-cyber-attacks-targeting-government-entities-in-2022> Access date: 20.03.2024.

На китайском языке:

184. 各國搶着舉行人工智能峰會,英美 G7 與聯合國的 AI 計劃有何不同? // 香港 01, 02.11.2023. URL: https://www.hk01.com/article/957495?utm_source=01articlecopy&utm_medium=referral.html Дата обращения: 02.03.2024
185. 金砖国家工业互联网与数字制造发展论坛发布《金砖国家制造业数字化转型合作倡议》// 福建投资促进网, 27.05.2022. URL: <https://fdi.swt.fujian.gov.cn/show-13927.html> Дата обращения: 12.11.2023
186. 七国集团签署声明, 确保互联网安全和开放//安全内参, 29.04.2021. URL: <https://www.secrss.com/articles/30905/> Дата обращения: 22.08.2023